

Р

№10-1928

ПРИКЛЮЧЕНИИ

ИЗД-ВО
„П.П.СОЙКИН“
ЛЕНИНГРАД

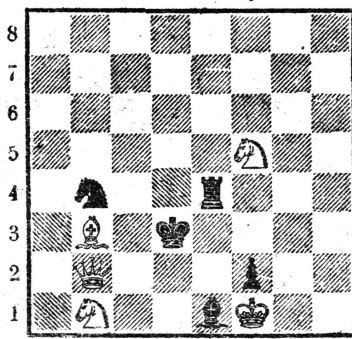
Под редакцией мастера *Арс. Ив. Куббеля.*

К О Н К У Р С № 10.

Задача № 19

Е. Куббеля (Ленинград).

Печатается впервые.

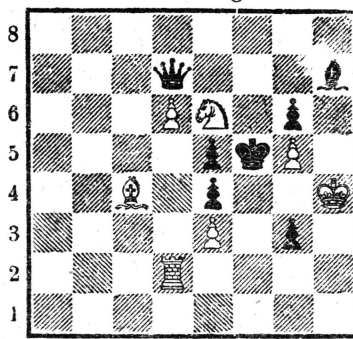
Кр. f1, Ф b2, С b3, К b1, f5.
Кр. d3, Л e4, С e1, К b4, П f2.

Мат в 2 хода.

Задача № 20

Д-ра Э. Бахль (Германия).

„Münch. Schachztg“ 1928 г.

Кр. h4, Л d2, С c4, К e6, П d6, e3, g5.
Кр. f5, Ф d7, С h7, П e5, e4, g6, g3.

Мат в 3 хода.

За правильные и исчерпывающие решения обеих задач подписчикам журнала „Мир Приключений“ будет выдан приз (шахматная доска с комплектом фигур).

Решения следует направлять исключительно по адресу редактора отдела: Ленинград, Вас. Остр., 10 линия дом 39, кв. 63, Арвиду Ивановичу Куббелю. Последний срок отсылки решений 15 января (по почтовому штампу). Право на участие в розыгрыше премий имеют только подписчики: индивидуальный, каждый участник коллективной подписки и каждый член семьи подписавшегося, нужно лишь наклеить ярлык с бандероли или указать № подписки.

П А Р Т И Я № 3.

Эта интересная партия играна в гор. Климовичи (БССР) между нашими читателями
Белые: **Давыдов (Климовичи)** — Черные: **Либерман (Кричев).**

ДЕБЮТ ФЕРЗЕВЫХ ПЕШЕК.

1. d4, d5; 2. c4, К f6 (эта защита применяется очень редко); 3. e4, Ф: d5; 4. К e3, Ф: d8 (правильно отступление ферзем на a5, после чего положение напоминает один из вариантов скандинавской партии, только с той разницей, что там белая пешка стоит на e2, а здесь на e4); 5. e4, К e6; 6. e5 (слабый ход, отдавший черным поля d5 и f5. Следовало продолжать 6. К f3 и если С g4, то 7. С b5); К d5; 7. К f3, С f6; 8. С d3? (Проигрывает пешку без должной компенсации. Лучше было предварительно 8. f3) С: d3; 9. Ф: d3, Кd b4; 10. Ф e4, К: d4? (этой маленькой „тонкости“ белые, вероятно, не заметили); 11. 0 — 0 (конечно не 11. К: d4? из-за Ф: d4 и на 12. Ф: d4 черные отыгрывают ферзя посредством К e2+); К: f3+12. Ф: f3 e6; 13. Л d1, Ф e7; 14. С f4, e6; 15. a3, К d5; 16. К: d5, e6; 17. Л a1, Ф b6; 18. b4 (за потерянную пешку белые имеют большое

преимущество в развитии, но этого недостаточно) a5? (Слишком поспешно сыграно. Прежде, чем фиксировать слабость белых на ферзевом фланге, нужно было подумать о безопасности короля и поэтому пойти С e7); 19. С e3, Ф d8; 20. С d4 (сильнее было 20. Ф g3, затрудняя рокировку черных) a6; 21. a6 С: b4? (решающая ошибка, проигрывающая партию. И здесь еще было не поздно 21. С e7) 22. Ф b3, Ф e7 (неудовлетворительно также 22. С a5 f3. С e5, С e7; 24. f4, f6; 25. f5!) 23. Л b1 (теперь белые разыгрывают конец, как по нотам) С a5 24. Ф b5+Ф d7 25. Ф: d7+Кр: d7; 26. Л: b7+Кр. e8; 27. Л a1, Л e8; 28. g3, С d8; 29. Л a1— a7, Л e1+ (на 29. Л f8 следует 30. С b2 и затем С a3); 30. Кр. g2, Л e4; 31. С b6 (проще всего. Следует короткая агония черных) С: b6; 32. Л: b6, Кр. d8; 33. Л d6+Кр. e8; 34. Л a8+Сдался.

Х Р О Н И К А.

БЕРЛИН. Международный турнир с участием Капабланки не оказался столь интересным, как можно было ожидать. Небольшое повышение, почти ежедневная перемена часов игры, выход Тараша из турнира после 3 тура, нервировали участников в сильной степени: следствием чего являлся очень-слабая игра всех корифеев. Серьезным конкурентом для Капабланки оказалась неожиданно Шпильман, который за 3 тура до конца отстал от него лишь на 1/2 очка, но затем совсем сдал и предоставил Капабланке легко занять первое место. Призы получили: I — Капабланка 8½ (без поражений), II — Нимцович 7, III — Шпильман 6½, IV — Тартаковер 5½, затем идут Рети и Рубинштейн 5, Маршал 4½.

МИНСК. Происходивший в октябре месяце Белорусский чемпионат повысился в интересе благодаря участию Ленинградских мастеров П. Романовского и А. Моделя. Они были, понятно, главными фаворитами, но только Модель оправдал возлагавшиеся на него надежды, а Романовский, после неудачного старта, проигравшего первых двух партий Гаухбергу и Выгодичкову, не мог оправиться и в дальнейшем никакой роли не играл, причем еще в 3 партиях должен был признать себя побежденным. Случай небывалый в практике I. А. Романовского! Технические результаты: I, II и III призы разд. Выгодичков, Модель и Сидя 9½ (из 13), IV — Розенталь 9, V — Маневич 7½, VI и VII разд. Блюмберг, Касперский и Романовский 7

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ

ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ

ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.

С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ — ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8

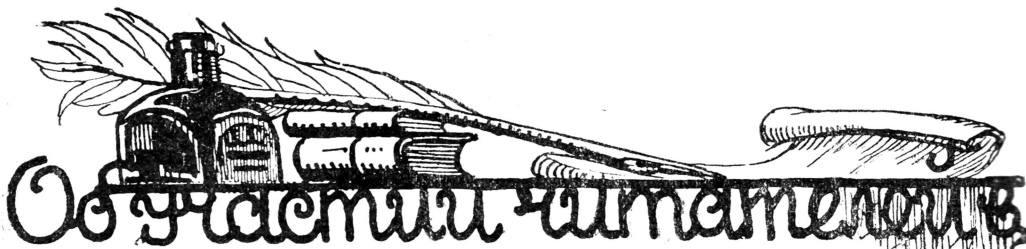
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 — 1928 г.

	СТР.		СТР.
Об участии читателей в литературной работе.		«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ»:	
Три конкурса „Мира Приключений“ в 1929 г.	2	«В НЕБЕСАХ НЕИЗВЕДАННЫХ», — очерк инж. К. Вейгелина, с иллюстр.	59
ПЛАН ЖУРНАЛА «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ» на 1929 г.	4	«СОКРЫТЫЙ МИР», — очерк дра З., с иллюстр.	62
«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ» — «НА КАПИНСКОЙ ЗЕМЛЕ», — научная экспедиция 1928 г. — Очерк и рассказ «В тумане» С. А. Семенова, иллюстр. С. Лузанова и фотографии с натуры	6	«СИРЕНА», — рассказ М. Грошиной, иллюстрации Н. Ушина	64
«ЖИВОЙ МЕТАЛЛ», — научно-фантастич. роман А. Меррита, иллюстр. Поля	18	«ХВОСТЫ ВВЕРХ!», рассказ С. Колдвелля, с иллюстр.	69
«ЭКСПЕРИМЕНТ». О детективных рассказах. — Литературный очерк З. Кельсона	35	«ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ ЗАГОВОРЯЛ». — Говорящие фильмы демонстрируются в кино. — Очерк П. К., с иллюстр.	72
Систематический Литературный Конкурс «Мира Приключений» 1928 г. — «ЭЛЕКТРО-ЖИЗНЬ», — Рассказ-задача № 11, иллюстрации Н. Кочергина	39	«ДЖОЙ И ДРУЖОК», — очерк режиссера «Совкино» М. Хунашвили. — Фотографии из кадров фильма	76
ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 8: Отчет о Конкурсе В. Б. и решение рассказа-задачи «Лунная дорога»	48	«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задачи и решения задач	79
«13-й», — рассказ И. Николаи, иллюстр. Н. Кочергина	56	ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ стр. 2 обложки.	
		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стр. 3 обложки.	

Обложка в 6 красок работы художника С. Э. Лузанова

ТРИ КОНКУРСА ЖУРНАЛА „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

в 1929 г.

Всесоюзный Литературный Конкурс 1927 года и Систематический Литературный Конкурс 1928 года ясно показали, как велика любовь к литературе среди читателей «Мира Приключений».

Громадное количество рукописей, поступивших на Конкурс; сотни трудящихся, полезно и приятно заполнявших свой досуг систематической литературной работой, понявших радость и наслаждение ее, легко и разумно отучавшихся от вкоренившейся привычки бегло, мимолетно, скользить по строкам и приобретающих навык не только вдумчиво читать, но и грамотно, и литературно писать; выделение группы, несомненно, способных и одаренных людей, у которых не было иной благоприятной возможности пробовать свои силы, — вот первые, основные итоги той литературной задачи, которую поставила себе Редакция «Мира Приключений».

Пробуждение самостоятельности читателей и поддержка ее составят заботу Редакции и в будущем 1929 году, причем предлагаемая читательской массе работа выльется в разнообразные формы, указываемые соображениями идеологическими, опытом прошлых лет и пожеланиями самих читателей.

В 1929 году в «Мире Приключений» будут проведены Литературные Конкурсы трех типов:

I. Систематический Литературный Конкурс.

В отличие от нынешнего года ежемесячные задачи будут заключаться: 1) не только в сочинении окончания к помещенному рассказу, но и 2) в написании всего рассказа, когда дана только последняя глава его, 3) в создании самостоятельного повествования на основе напечатанных без текста одних иллюстраций. Последние два вида задач дадут большой простор и фантазии, и

литературным способностям читателей. Кроме того, в 4) параллельно будут помещаться небольшие задачи самых разнообразных форм и содержаний, от изысканно литературных до простых и доступных любому внимательному читателю.

Соглашаясь с многочисленными высказанными пожеланиями, Редакция даст возможность получать премию за литературную работу не одному только лицу по каждой задаче, а нескольким. Первая премия всегда будет денежная — от 150 рублей за $\frac{1}{2}$ печ. листа (20.000 букв), и до 25 руб. за малые задачи. Некоторые премии поощрительного характера будут выдаваться в виде полных собраний сочинений известных писателей и различного рода художественных книг и сочинений по искусству, в том числе наиболее популярных Историй искусств.

Условия премирования будут более гибки, чем практиковалось в Систематическом Конкурсе нынешнего года, и выработаны для каждой задачи отдельно.

II. Конкурс на лучший рассказ в рубрику „За работой“.

Строительство Союза Республик, наши культурные достижения и устремления, любовь к труду должны найти свое отражение в художественной литературе. За лучший, живой и действенный рассказ на фоне фабричных и заводских производственных процессов, попутно освещающий обстановку и быт рабочих, или за рассказ, знакомящий с важной и интересной, но подчас незаметной работой скромных тружеников, заслуживающей, однако, по особым условиям ее, пристального общественного внимания, назначено 3 премии: в 250 р., 200 р. и 150 р.

Рассказ должен быть в пределах от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа (от 20.000 до 30.000 типографских знаков). Присланные на Конкурс, но не удостоенные премии, однако годные к печати рассказы могут быть приобретены Редакцией по соглашению с авторами. Срок присылки рассказов на этот Конкурс — 1 марта 1929 г.

III. Конкурс на лучший рассказ в рубрику „На далеких окраинах“

художественно изображающий жизнь и быт на фоне сравнительно мало известной своеобразной природы и условий окраин необъятного Союза Республик. Рассказ также должен быть размером от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ печатного листа. За лучшие рассказы назначены 3 премии: в 200, 150 и 100 р. Непремированные рассказы могут быть напечатаны по соглашению с Редакцией. Срок доставки рассказов на премию истекает 1 марта 1929 г.

Во всех трех Литературных Конкурсах могут участвовать все личные подписчики «Мира Приключений», члены их семейств, а также все коллективные подписчики (учреждения). На первой странице четкой и ясной, напечатанной на машинке или тщательно переписанной рукописи рассказов

должен быть наклеен ярлык бандероли, под которой получается журнал, или сообщен № и число квитанции учреждения, принявшего подписку.

При работе Юри, в состав которого, в зависимости от тем доставленных рассказов, приглашаются известные специалисты, будет обращено особенное внимание на литературно-художественные достоинства разбираемого произведения, на интересность фабулы, на соответствие ее действительной жизни, на динамичность в развитии сюжета.

Перечисленные литературные Конкурсы являются неотъемлемой частью плана работ журнала «Мир Приключений» и вытекают непосредственно из общих задач, поставленных себе Редакцией.

Нашим постоянным читателям-подписчикам вообще и будущим участникам Конкурсов в частности рекомендуется ознакомиться с этой программой журнала.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

«1929 г.

«Мир Приключений» предполагает сохранить свое главное стремление — служить разумным и приятным отдыхом трудящемуся.

Не изменяя программы последних лет, журнал примет все меры к дальнейшему улучшению качества помещаемого материала.

Посильно проводя советский лозунг культурной революции, журнал ставит себе неуклонной заботой литературность всего своего содержания, художественность преломления живой жизни, видя в этом один из важнейших и могущественнейших факторов просвещения трудящихся.

Художественное оформление, как внешняя оболочка всего разнообразного материала журнала, по мысли редакции, должно и в часы отдыха содействовать удовлетворению стихийной жажды трудящихся к знанию.

Высокая литературность изложения является основным условием для всех сотрудников журнала, начиная с ученого и до самого маленького из строителей новой жизни.

Последним Редакция оказывает дружелюбное и широкое содействие, откликом чего служат многочисленные письма читателей — авторов.

В художественную форму Редакция попрежнему будет стремиться облечь один из главнейших повествовательных типов — НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ, в свете научных достижений рисующие грядущие возможности во всех областях человеческого знания. Эти рассказы для нашего журнала пишут или непосредственно ученые специалисты, или литераторы. Но в последнем случае крупнейшие ученые СССР сопровождают рассказы вступлениями или послесловиями. Цель рассказов, которым отводится место в каждой книжке журнала, — будить пытливую

мысль, вызывать интерес к науке, любовь к познанию природы и скрытых в ней и в самом человеке сил.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ преимущественно из русского прошлого всегда будут иметь интересный, заслуживающий воспроизведения сюжет.

БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, по мнению Редакции, не должны ограничиваться интересной фабулой, а давать тему психологически разработанной.

Редакция попрежнему предполагает знакомить читателей с новейшими произведениями лучших писателей всех народов Советского Союза.

Найдут свое место и **НОВЕЙШИЕ ИНОСТРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**, представляющие значительный литературный интерес. За всеми новинками иностранных авторов Редакция следит с большим вниманием.

В программе журнала остаются и получают, благодаря объявленному Конкурсу, большее развитие и рассказы, объединяемые рубрикой «**НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ**». Здесь в легкой, доступной, беллетристической форме читатель знакомится со слов самих участников Советских и европейских экспедиций с малозвестными краями, их бытом и правами.

Отдел «**ЗА РАБОТОЙ**» также в художественной форме будет давать картины наших производств и обрисовывать важную и интересную, но подчас незаметную работу скромных тружеников, заслуживающую однако общественного внимания.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ, помещаемые в каждом номере журнала, будут знакомить с лучшими образцами новейшего русского и иностранного юмора и сатиры.

Особую рубрику «**ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ**» попрежнему будут составлять обильно иллюстрированные популярно-научные очерки и заметки русских и иностранных ученых и специалистов о всех новинках человеческих достижений, открытиях и изобретениях.

ЧИСЛО ХУДОЖНИКОВ, иллюстрирующих для нас беллетристические произведения, как вероятно уже заметили читатели, постоянно увеличивается приглашением лучших из новых, молодых сил.

Не перечисляя всех рубрик журнала, упомянем еще, что отделы задач — «**НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ**» и «**ШАХМАТНЫЙ**» получают свое дальнейшее развитие и усовершенствование. **ПРЕМИИ** к этим задачам для подписчиков **ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЫ**.

Из этого краткого обзора программы журнала в 1929 году видно, что Редакция ставит себе двойную задачу: во время отдыха дать трудящемуся читателю новые знания, развитие и развлечение в доступной литературной форме.

Очерк и рассказ С. А. СЕМЕНОВА

Иллюстрации худ. С. Э. ЛУЗАНОВА и фотографии с натуры.

ОТ РЕДАКЦИИ. В истории северных экспедиций найдется немного таких примеров, где двое горячих энтузиастов, проникнутых любовью к науке, брались бы за исследование малодоступных уголков землиц и с честью выполняли бы это дело. Изучение полярных стран связано с большими трудностями, требует огромных затрат и не под силу таким малочисленным экспедициям.

Одним из подобных «набегов» является только что закончившаяся ботаническая экспедиция 1928 года на Канин полуостров, снаряженная Северным Комитетом и Всесоюзной Академией Наук.

Экспедиция состояла только из двух человек: геоботаника Ботанического Музея Академии Наук В. Н. Андреева и нашего сотрудника, молодого ученого С. А. Семенова. Несмотря на такой малочисленный состав и сравнительно короткое время — летние месяцы — экспедиция сделала не мало. Она впервые пересекла всю горную северную часть Канина полуострова, начиная от мыса Канин Нос и кончая мысом Микулкиным. Побывала в таких местах, где до нее еще не было никого из исследователей.

Всего по Канину полуострову экспедиция прошла 820 километров (200 пешком и 620 на оленях), все время делая на пути сложные ботанические измерения степени покрытия тундры ягелем (оленьим мхом) и собрала более двух тысяч гербарий.

Кроме того экспедиция привезла ценные наблюдения и материалы из жизни обитателей Канина кочевников-самоедов, в том числе — самоедского идола.

Но этим еще не исчерпываются труды экспедиции. До сих пор на карте северной части Канина полуострова, кроме береговой линии да не везде точно обозначенных рек, ничего не значилось. Экспедиция нанесла на карту ряд притоков и произвела многие исправления и уточнения.

Все эти труды однако не обошлись гладко и без всяких злключениям для исследователей. Канинская земля встретила их далеко неприветливо, особенно первые шаги.

С. А. Семенов в своем очерке кратко делится с читателем переживаниями этой встречи. Его же рассказ «В тумане» навеян живыми впечатлениями от природы и обитателей Канина.

НА ПУТИ

Прежде чем попасть на Канин, нас как следует «трепануло» Белое море. Шторм поднялся в тот момент, когда мы вышли из Северной Двины и миновали пловучий маяк. Началась качка. «Кия», — как назывался наш маленький и довольно дряхлый пароходик, — отчаянно запрыгала по волнам. Вместе с большей половиной команды корабля мы начали усердно отдавать дань морю... Шторм все усиливался. На рубке капитана не было. Он почему-то засел в своей каюте и не показывался. Корабль вел старший штурман.

В нашу каюту через вентиляторы с шумом врывалась вода и заливала нас. И мы лежали, вцепившись в диваны, не догадываясь закрыть вентиляторы. Так пролежали мы более суток, пока не выручил старший штурман. К ночи на вторые сутки море оделось туманом, но шторм не прекратился. На третьи сутки мы подошли к Канину Носу. Туман, к несчастью, остался. Берега видеть не было возможности. Едва слышно доносился шум прибора.

Высадка на Канин Нос, да еще в тумане — дело чрезвычайно опасное. Канин Нос издавна пользуется дурной славой. Подводные камни, туманы, внезапные шквалы делают его почти неприступным местом. Это могла быть кораблей: или плыть с ним дальше, (пароход шел в Чешскую губу), обещая высадить на обратном пути, или сделать попытку высадиться сейчас, но только попытку.

Наша тоска по незыблемой суше была очень велика. Мы решили попытать счастья. После промера глубины пароход стал на якорь и была спущена шлюпка. Погрузка багажа с провiantом и снаряжением, которого у нас было около 15 пудов, отняла

немного времени. Все еще пьяные от качки, мы начали садиться в шлюпки. Вслед за нами, кроме четырех матросов, в шлюпку спустились: старший штурман с компасом, бодман с рупором и багром и провожающий нас член Северного Комитета А. К. Шенкман.

С каждым ударом весел шум прибора становился слышнее. На душе делалось как-то

неловко. Но вот грохот прибора стал угрожающе близок. И только в этот момент из серой мглы вынырнула черная громада скал, одетая фонтанами брызг. Она появилась из тумана внезапно. — Камень! — вдруг крикнул бодман, шупавший с носа багром воду. Шлюпка метнулась в сторону, почти касаясь килем подводного камня. За первым оказался второй камень, третий... Шлюпка завертелась между предательскими камнями. Потом вдруг юркнула в крошечную бухточку и захрустела килем по мелкой гальке.

Скоро мы остались одни на мрачном скалистом берегу. Шлюпка снова заюлила среди камней и потерялась в тумане. Чувствовали мы себя великоленно. Под нами была угрюмая, но все же твердая почва. Я даже перед отходом шлюпки шутя сказал штурману:

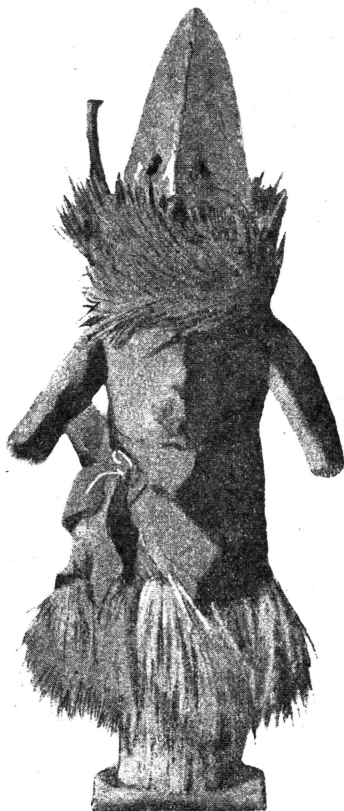
— А что, если вы нас высадили не на Канин Нос, а на какой-нибудь Колгуев или Вайган? Шли в тумане... Ошибиться нетрудно.

— Подобная ошибка невозможна! — прощаясь со мной сказал штурман. — Как только туман рассеется, вы поднимитесь на гору и самое большое верстах в двух увидите радиостанцию. Самоеды станию по-

сещают часто. Не пройдет и дня, как вы двинетесь на оленях вглубь тундры.

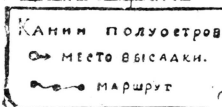
Пока мы осматривали скалы, возились с багажом, туман стал рассеиваться. Он весь уходил в море, раздвигая за скалами зеленые холмистые склоны. Просунулось через туман и солнце. Первым делом надо было отправиться на радиостанцию. Поднимаясь по склону, мы увидели массу цветов. Особенно много было ярко-желтых душистых купальниц.

— Пожадуй, ничего не будет удивительного, — весело сказал я В. Н. Андрееву, —

Редкий экземпляр самоедского идола в одежде, привезенный нашим сотрудником С. А. Семеновым. Одежда из зеленого сукна, пояс красного сукна, оторочка из оленьего меха.

По фотографии с натуры.

Карта, составленная экспедицией и показывающая также ее маршрут.

если нам навстречу вдруг покажется девушка с огромным букетом цветов. Какое было бы чудесное дополнение к этому ковру!.. Вы только представьте себе: девушка, собирающая цветы далеко за Полярным Кругом.

— Это вполне возможно! Ведь на станции живут люди! — ответил ботаник.

Когда подъем кончился, мы тревожно переглянулись. По крайней мере верст на девять владь никакой радио-станции надежды не было. Все еще не веря, мы поднялись на высокую гору, вооружили глаза биноклями, несколько раз пристально обвели горизонт. Ничего!.. Только одни серые холмы, покрытые лишаишниками, да белые пятна нетаяющего снега.

Это было для нас полной неожиданностью. Далеко от станции, да еще с пятнадцатью пудами груза, мы очутились в беспомощном положении. Ведь только на станции мы могли встретить самодедов с оленями и начать путешествие по тузунре.

Что же теперь делать? Не оставалось никаких сомнений, что нас высадили далеко к югу от радио-станции. Это нам говорили карта и компас. Станция должна находиться

на севере, на самой конечности Канина Носа. Пароход не довез нас. И всему виной туман!

Мы пока не слишком унывали. С нами была палатка, спальные мешки, теплая одежда и на месяц продовольствия. Это играло большую роль в нашем настроении.

Только что мы собрались спуститься снова к багажу, чтобы начать приготовления в дорогу, как я неожиданно заметил в бинокль далеко на юге странную коническую вышку. Вышка совсем не походила на радио-станцию. Она стояла высоко над морем, на горе. Но одного вида ее для нас было достаточно, чтобы переменить намерение двигаться на север. Мы решили отойти на юг.

Прежде всего необходимо было разбить палатку и сложить туда багаж на случай дождя. Это мы соорудили довольно скоро. После короткого завтрака шоколадом, сухарями и холодной водой из ближайшего ручья, мы стали собираться в дорогу. Я набил несколько патр-пов и вооружился берданой. В. П. Андреев — козачкой и викистинным мешком для сбора расте-

Было около часа дня. Море тоже очистилось от тумана и всей своей безбрежной синевой, усыпанной серебристыми блестящими, ослепительно играло под солнцем. Мы двинулись в путь.

К вышке мы приблизились только к ночи, измученные и голодные. Две плитки шоколада, которыми мы так легкокомплиментарно записались, давно были съедены. Ну, разумеется, вышка нас разочаровала. Только напрасно потратили силы! Это был морской знак, неизвестно когда и кем построенный.

Внизу, у самого моря, мы нашли три избышки. Одна своим массивным видом напоминала амбар, другая была приспособлена для жилья. А третья оказалась просто баней. Внутренность когда-то жилой избышки производила отталкивающее впечатление. Ужаснейшая грязь, кучи старого гнилого тряпья, невыносимое зловоние через минуту выгнали нас вон.

Когда мы все осмотрели, было часов около двенадцати ночи. Возвращаться обратно к палатке мы не могли: не хватило бы сил. Решено было заночевать здесь и набрать сил. Но где?! В избушке?! Об этом нечего было и думать. Мы туда не решались заглядывать больше, а становилось холодно. Под утро — пронизывающий северный ветер. Единственный более или

менее терпимым ночлегом могла служить баня. Туда и направились. Залезли на полки и легли, прижавшись спинами друг к другу. Однако сон наш не продолжался и часа. Проснулись мы дрожа от жгучего холода. — Надо топить!.. Иначе совсем оконеем! — говорит ботаник, содрогаясь от стужи. Я соглашаюсь, что топить необходимо, ибо челюсти мои дробно постукивают. Но топить вместо вечи какую-то кучу камней — значит задохнуться в дыму. Волей-неволей пришлось идти в избушку. Там хоть настоящая печь с трубой.

Вылезли из бани. Море бешено ревело, дико кидалось на берег, обдавая камнями брызгами и пеной. Ветер бесновался. На-

ожидании. Так мы проканителились с проклятой печкой около двух часов. Все таки прогрели. Дым пошел через трубу. Надо устраивать полати. Не ложиться же на вонючий пол. Устроили из старых досок. И легли ногами к огню. Грелись только наши ноги. И тем не менее, от одного сознания близости мерцающих угольков уснули часа на три.

Утром мы собрались в обратный путь. Но на наше несчастье (что могло быть и счастьем!) увидели оленей. В радостной надежде увидеть и чум самоедский, мы погнались за ними по

Радио-станция „Нанин Ноо“. Вид с бухточки. В центре маяк — „митапка“. Справа: радио-рубка и жилищ сотрудников. Слева: склад и баня.

По фотографии рисовал худ. С. Лузанов.

летал злобными порывами, крутился вихрем, выль у избушки и, устремляясь обратно в море, бил жестокими крыльями по волнам. Он точно спорил в бешенстве с морем.

Голодным и посиневшим от холода, нам эта картина не показалась интересной. Правда, было светло, как днем. Ведь за свинцовым небом скрывалось незаходящее полуденное солнце.

В избушке мы вооружились кольями. Стали наводить порядок. Весь мусор, все вонючее тряпье закинули кольями в один угол. Разбитое стекло в окне заменили жестянкой. Дров у избушки был большой запас. Стали топить. Первому дыму мы обрадовались. По крайней мере стал хоть отбивать зловоние. Но когда вместо трубы он весь повалил внутрь избы — не выдержали. Пришлось снять с окна заслонку, открыть дверь и, выбежав на стужу, съежиться в

горам. Олени все уходили на юг — мы за ними. Однако чума так и не увидели.

Теперь мы были очень далеко от нашей палатки и одна мысль об обратном пути нас пугала. У нас совсем не оставалось сил.

Не стану описывать, как мы возвращались. Скажу только, что я впервые познал, на какое напряжение и сил, и воли способен человек, когда у него в тяжелые минуты нет выбора.

К палатке мы дотащились к вечеру. Она одиноко стояла у моря, целая и невредимая. Мы заползли в нее и сразу же стали что-то жевать. Долго лежали без движений, шевеля только одними челюстями. Когда отлежались и острое чувство голода было притуплено, принялись за приготовление обеда. Топлива на берегу моря оказалось более чем достаточно. Это был плавник выкинутый волнами. После обильного го-

рячего обеда из макарон с маслом и сыром, и компота, мы залезли в спальные мешки. Покрылись сверху еще меховыми одеялами и уснули под шум моря.

Утром мы проснулись с твердым решением идти на север. На этот раз к продовольственному вопросу мы отнеслись с большим вниманием. Кроме того захватили карту, компас обыкновенный и буссоль Шмальгальтера.

Погода, как и вчерашний день, была чудесная. Термометр показывал 18° по Цельсию. Дул легкий зюйд-вест. Чтобы облегчить путь, мы пошли не по извилистому скалистому берегу, а высокой горной тундрой, держась от моря верстах в трех. И несмотря на это, двигаться было чрезвычайно тяжело. Переваливая с одного холма на другой, мы нередко попадали в топкое болото и в снежные котловины. Приходилось или делать большие обходы, или вязнуть, с трудом вытаскивая ноги. Но больше всего нас изнуряли реки. Они пересекали путь почти через каждые две-три версты.

Правда, реки были не широкие. Мы проходили их по каменистому броду, погружая ноги в воду не выше колен. Но беда в том, что все реки бурно протекали в глубоких каменных ущельях. Пробраться через такие ущелья — чистое наказание. Мы не раз, цепляясь за уступы отвесных высоких берегов, рисковали оборваться и рухнуть вниз. Иногда берега имели и покатый вид, но зато они оказывались сплошь покрытыми твердым скользким снегом. А это было еще хуже. Однажды В. Н. Андреев, пробираясь по такому берегу, поскользнулся и поехал на спине вниз. И если бы не острый камень, торчавший на пути из под снега, он очутился бы в реке.

Виды на такие каменистые реки местами были поразительно живописны. Особенно хороши были водопады. Длинные дугообразные струи часто с грохотом низвергались в глубокие колодцы, змеились узкими ручьями между скал и пропадали под сводами снежных туннелей.

Но стоило подняться на гору — картина сразу менялась. Кругом лежали только голые серые холмы. Все эти красоты прятались в глубоких скалистых ущельях. Наверху оттуда доносились только шумы.

Часов через шесть или семь пути, я увидел, наконец, в бинокль мачты радио-станции. Они торчали на ясном горизонте двумя еле-еле заметными пголочками и казались еще бесконечно далекими.

Какова была наша радость! Признаюсь, в этот момент мы даже не чувствовали усталости, хотя прошли огромное пространство, где верста равнялась трем.

На радио-станцию мы прибыли в два часа ночи. Прием сотрудниками «радио» (местное название радио-станции) нам был оказан столь теплый и сердечный, что навсегда останется в наших воспоминаниях, как один из светлых моментов жизни. За нами ухаживали с трогательным вниманием. И лечили. После перехода мы оказались больными.

Самоедов, как нам передали, в этом году на «радио» еще не было. Их со дня на день ожидали.

Самоеды на севере Канина зимой не живут. Северная горная тундра служит для них местом только летних кочевков. Сюда они приходят, покидая леса, со своими стадами оленей в начале весны и кочуют до глухой осени. Затем, по первому снегу, возвращаются обратно в леса.

На четвертый день пребывания на «радио», мы впервые увидели канинского самоеда. Это был Евсей, по фамилии Ардеев. Он расположился со своим чумом в десяти верстах от «радио» и пришел пешком. На редкость веселый и умный старик! Таких мы больше не встречали в тундре. Он охотно согласился, когда мы оправимся от болезней, отвезти нас на оленях к месту стоянки нашей падашки. А оттуда, погрузив на сани багаж, доставить до ближайшего чума.

Но, очевидно, нам еще не было суждено так благополучно начать путешествие по тундре. Канинская земля решила испытать нас еще раз.

Через неделю отдыха мы распростостились с милыми обитателями «радио» и отправились до чума Евсея пешком. После проделанного нами пути, пройти каких-то десяти верст для нас ничего не составляло, а найти чум в горной тундре нам казалось совсем пустяшным делом. Так думали мы, но скоро горько раскаялись. Мы проклинали себя, что решились идти искать чум, не потребовав оленей на «радио». Около пятнадцати часов мы блуждали по тундре, сделав более восьмидесяти километров. Все искали чум. Он словно провалился где-то среди бесчисленных холмов.

Возвращаться на станцию мы вначале не решались, так как удалились от нее более, чем на 40 километров. Шли все время вдоль берега Ледовитого океана. Но все же пришлось двигаться назад. Другого выхода не было.

Одеревенелые ноги переставали новиниться. Тогда мы ложились на холодную землю и с ужасом смотрели на океан. Лежать, однако, тоже было нельзя. Тело точно приростало к земле от холода и чудовищного изнеможения. Надо было встать. Вставали. И снова тащились, поворачивая обездельные головы по сторонам.

Пищи с нами не было. Не захватили. Помню, как, обрываясь со скал, я сполз к берегу океана с каким-то тупым намерением подстрелить хоть одну гагу. Их тысячи качались на красивых от полуденного солнца волнах океана. Но гаги были за пределами ружейного выстрела.

В. Н. Андреев, ползая по берегу, нашел кусок желтой высохшей икры неведомо какой рыбы. Стал жевать. Его большое тело мучительно требовало пищи. Я тоже попробовал есть дикий лук, да еще какую-то траву, но от них меня только тошнило. Горький лук обжигал пустые стенки желудка. Когда мы впервые увидели чум — долго не верили. Все принимали за каменья.

На следующее утро мы вместе с Евсеем отправились на оленях к месту стоянки нашей палатки. Палатка оказалась на берегу моря в полной сохранности.

Дальше мы все время двигались от чума до чума, меняя оленей. И в первых числах августа достигли мыса Миклукина или

«Конца Земли», как говорят самоеды. После работы на этом крайнем пункте Канина, мы направились в обратный путь.

Все наше странствование по тундре представляет большой интерес. Но даже на самое краткое описание этого путешествия понадобится бы не скупой очерк, а книга.

В ТУМАНЕ

I

Елизаров уже давно проснулся. Он лежал с закрытыми глазами и слышал, как трещал огонь у его ног, как тихо, чтобы не разбудить его, говорили самоеды, как барабанил по берестовому чуму мелкий дождь.

Пора было вставать. Но он не вставал, продолжая размышлять об этом странном, полудиком народе Канинской тундры. Он давно уже присматривается к их психологии и быту... И все же многого не понимает до сих пор.

Почему самоед попрошайничает на каждом шагу? Его внимание привлекает каждая новая вещь, начиная с

алюминиевой посуды и кончая пуговицей на пиджаке. Он все хочет получить. И в то же время самоед безупречно честен. Он просит, но ничего сам не берет. Скорее он отдаст свое, чем позволит себе самую пустяжную кражу.

Или другой пример:

— Артемий!.. Сколько у тебя оленей?

— Не знам-быт!.. Мы не считам!..

— Неужели не знаешь?.. Ну, а сколько верст от твоего чума до чума Василия?.. Хотя бы ваших, самоедских?

— Не знам!.. Мы не мерим!..

Канинский самоед никогда не даст ответов на подобные вопросы. И не потому, что, действительно, не знает. Нет! Он больше всего боится «нагаты».

За блинами в самоедском берестяном чуме.

— Скажу неправду—обижаться будешь—отвечает он в таких случаях.

Скрытность и недоверие в самоедах всегда изумляли Елизарова. Он не раз пытался им рассказывать о городах, о чудесах техники, о разных странах. Самоеды слушали с большим вниманием.

— Вот-те-ва!.. Эко, паря!—удивленно восклицали они, делая вид, что всему этому верят. Но Елизаров чувствовал другое. Он играл роль только сказочника. И в то же время он не посмел бы сказать, что самоед наивен и неумен. Самоед только крайне индифферентен и безличен.

Канинские самоеды—все христиане. Однако Елизарову нередко приходилось видеть спрятанного за иконами идола.

— Марья!—раз обратился он к старой самоедке, желая приобрести болванчика для этнографического музея,—отдай мне его. Все равно ты ему не молишься!..

— Сго ты! Сто ты!—испуганно и гневно взывала самоедка. —Зачем это говоришь?! Худой ты человек!—и, вывадив из-за божницы идола, старуха сунула его себе под малицу и исчезла из чума.

— Каково спал?—вдруг раздался рядом голос самоеда Терентия. —Дородно ли было?—Вслед затем под полог просунулась кудластая голова и косые черные глаза приветливо сощурились на Елизарова.

— Ничего, Терентий, спалось неплохо, только вот ночью покусывали меня. Очень уж много у вас зверья.

— Как, не много! Есть!—весело осклабился самоед. —Кусают!.. А ты вставай!.. Бабка блинов напекла, чай пить будем! Потом оленей стану имать.

Елизаров вылез из под балагана, как самоеды называют полог.

У огня сидела старая самоедка Агафья. Ее желтые, сухие руки проворно подкладывали на костер сучковатую юру (мелкий кустарниковый ивняк) и торопливо допекали блины. На низеньком, с двухвершковыми ножками, столике уже красовались писанные чашки и сахарница с грязноватыми кусками сахара. Рядом стояла глубокая миска жидкого горячего

масла и целая кипа блинов. Вокруг стола были разостланы белые оленьи шкуры. На одной из них уже сидел Терентий, подогнув под себя ноги, и ласково глядел на блины. Когда последний блин был допечен, Агафья ловко опрокинула его со сковороды себе на ладонь и мягким шлепком присоседила к остальным. Потом вооружилась чайником, стала разливать. По старому обычаю она не имела права есть за одним столом с гостем. Она должна была только прислуживать.

Трапеза тянулась очень медленно, посамоедски. Терентий к своему рту торжественно подносил уже двенадцатую чашку. По волосатому лбу, по щекам скатывались капли пота. По блины, легко проскальзывая масляными трубочками через рот, только возбуждали жажду. После каждой чашки Терентий громко сморкался, вытирал со лба ладонью пот, и принимался за новую.

II.

От чума Терентия до устья реки Шойны, куда должен был через два дня подойти пароход и отвезти Елизарова в Архангельск, оставалось более пятидесяти верст. В летнее время такой переход по тундре считается тяжелым. Из-за короткой летней шерсти оленей легко натирают себе шею тяглом. Но пуще всего их в дороге донимают оводы и комары, особенно в теплый солнечный день.

Поэтому Терентий согласился везти Елизарова очень неохотно. И только когда с вечера стал накрапывать дождь, он повеселел. А дождь, по приметам, обещал быть затишным. Для езды летом самоед всегда выбирает дождливую погоду. Оленям легче тянуть сани по мокрой траве, да и комаров с оводами в такое время нет.

Елизаров одел резиновый плащ и вышел из чума. Дождь все еще моросил. Под серым, низко нависшим небом лежала унылая равнина тундры. Однообразным, пепельно-зеленым ковром она растилалась во все стороны. Только далеко на севере виднелись белые пятна озер, а за ними, едва заметной для глаза волнистой линией, начиналась горная тундра.

Там лежал «Камень», как самоеды называют высокую северную часть Канина полуострова.

С запада к чуму подходило, гонимое собаками, стадо оленей. Оно двигалось медленно, то разбегаясь, то снова собираясь в кучу. В стаде голов можно было насчитать до пяти-сот. Молодые, резвые неблюи (телята), грациозно закинув назад рога, с коротким басистым хрюканьем далеко отбегали в сторону. Останавливались, вытягивали тонкие шеи, прислушиваясь к лаю собак. Потом, завидя бегущую в обход собаку, нацеливались на нее рогами, делали несколько прыжков наскоков и уносились обратно к стаду. Старые быки подходили к чуму степенно. Они шли передом, важно побрякивая медными колоколами на шеях, и только изредка поводили огромными ветвистыми рогами по сторонам, с достоинством озираясь на назойливых собак. Важники (самки) шли без всякой важности. Они не упускали случая на пути подобрать разбросанные то там, то сям белые пучки вкусного ягеля (олений мох), или быстро отскубнуть светло-зеленый листок молодой юры.

III.

— Смотри, Терентий, туман! — крикнул Елизаров самоеду, показывая рукой на север, когда они уже успели далеко отъехать от чума. — Скоро здесь будет!.. Дорогу то ты хорошо знаешь? Самоед молча поглядел на север, но ничего не ответил.

Туман быстро приближался. То клубясь, то расстилаясь по тундре, он надвигался непроницаемой дымной лавиной. Минут через пять олени двигались уже в густом тумане. На десять саженей вперед ничего не стало видно. Даже Терентий, сидевший на передних саниах, казался Елизарову каким-то прозрачным видением. А тянувших его сани шестерых оленей почти совсем нельзя было разглядеть.

— Хорошо, если туман к ночи рассеется, — думал он. — А если северный ветер продержит его над тундрой несколько дней?.. Что тогда? — В сердце Елизарова закралась тревога. «Тогда» значило бы опоздать на пароход. А

ведь пароход не станет ожидать его больше дня у пустынного берега. Пришлось бы ожидать зимы, когда сами самоеды начнут двигаться на юг к своим зимним стоянкам.

IV.

С момента отъезда прошло около четырех часов. Туман все не редел. Олени, разостланный на саниах мех и даже плащ Елизарова покрылись холодным мокрым инеем. Промозглая густая сырость проникала через одежду. Елизаров стал дрогнуть. Чтобы согреться, он выскочил из саней и зашагал рядом.

— Цо!... цо!... цо!... — доносился из тумана голос Терентия, погонявшего оленей.

— Ну как, Терентий, половину проехали? Или нет еще? — поровнявшись с самоедом, спросил Елизаров.

— Проезжали, забыть! ¹ — хмуро кинул тот, тыча в зад оленя своим длинным хореем. — Цо!... цо!...

Елизаров больше не стал спрашивать. Он по опыту знал, что если самоед особенного беспокойства не проявляет, значит, все обстоит благополучно. С этой мыслью этнолог возвратился к своим саниам. Нахлобучил на себя летний совик из черного бобрика и решил прилечь.

Сани скользили ровно, без толчков. Туман, похитивший кругом весь мир, стал овладевать и телом, проникать в мозг. Через минуту Елизаров забылся в каком то холодном, слепом полусне.

V.

Когда этнолог пришел в себя — сани стояли. Возле лежали олени. О их тел поднимались теплые струйки пара и смешивались с туманом. На передних саниах самоеда не было. Торчал только воткнутый в землю хорей.

В тундре никаких дорог нет. Этнолог хорошо знал, что самоеды ориентируются в пути по речкам, озерам и сопкам, которые изредка попадаются среди болот. В горной тундре они даже сами складывают из камней такие руководящие «знаки».

¹ Стало быть.

В ожидании Терентия, Елизаров вынул трубку, закурил. Потом взглянул на часы. Стрелка показывала семь часов вечера. Туман стал гуще и серее. Вокруг было подавляюще тихо. Даже ровное дыхание неподвижно припавших к земле оленей казалось Елизарову дыханием самой земли, уснувшей в объятиях тумана.

Но вот тишину нарушили чавкающие по болоту шаги. Вслед за тем из тумана вынырнула фигура Терентия. Чула на его голове и малица были покрыты инеем. Черные самоедские сапоги — бахилы блестели от воды.

— Что, Терентий, заблудились?

— Заблудились, паря! — Самоед со вздохом усталости сел на сани рядом с Елизаровым.

— Ты чего ходил искать?

— Речку искал!... Рассоха¹ Шойны!... Шойну падат! Кругом ходил!... болото увяз!...

— Как же мы теперь поедем?

— Куда поедем? Гляди! — Самоед указал рукой на туман. — Ночевать будем! — С этими словами Терентий достал из-за пазухи кисет. Подсыпал на ноготь большого пальца крупнозернистого нюхательного табаку и крепко затянулся.

¹ Приток.

— На, попробуй!... Порато хорошо! Лучше спать будешь! — предложил он и Елизарову.

Ко сну Терентий готовился недолго. Натянул поверх малицы серого шинельного сукна совик. Ноги в мокрых бахилах обернул оленьей шкурой и лег прямо на голые сани. Елизаров попробовал устроиться так же, но спать было невозможно. Короткий полушубок и совик с плащом грели плохо. Тело немело от холода.

VI.

Утро принесло Елизарову некоторое облегчение. Несмотря на собачий холод, на час, а может быть и на полтора, он все таки уснул.

Часов в семь его разбудил Терентий. Кругом, как и вчера, стоял туман, слегка поредевший от утреннего света. Олени уже стояли под тяглом.

— Садись, поедем! — крикнул самоед и зацокал на оленей. Сани тронулись и медленно поползли по мшистому болоту.

Минут через двадцать олени вдруг остановились, стали ложиться, но под крики Терентия и удары хорея поднялись опять. Прошли еще минут пятнадцать, но ровня через каждые пять

шагов лечь.

— Пропали оленшки!... Со всем пропали! — долетел до

Елизарова грустный голос самоеда. Вслед затем Терентий с досадой швырнул на землю хорей. Олени плепнулись в болото и, положив вытянутые морды на мох, застыли.

— Что такое, Терентий?... Почему олени не тянут? — испуганно вскочил с саней Елизаров.

— Вчерась целый день тянули!... Всю ночь ничего не ели!... Как будут тянуть?... — Самоед укоризненно и недоумевающе посмотрел на этнолога. Ему казалось странным, что тот не понимает такой простой вещи. — Теперь вот пусти их пастись — убегут... В тумане не разыщешь!... Лежать станут — пропадут... Да и нам худо будет. Чего станем делать?... Скажи?...

— А долго ли туман простоит над тундрой? — неприятно ежась от прямого вопроса самоеда, в свою очередь спросил Елизаров. — Ведь вы, самоеды, тундру хорошо знаете?...

— Ничего мы не знаем! Ничего не понимаю! Народ мы самый последний, — не поднимая глаз, уныло произнес Терентий. — Ты вот ученый — лучше знаешь!

Елизаров понял, что его вопросы бесполезны. Но он понял и многое другое. То, что ему раньше в самоедах казалось странным, теперь стало ясным. Он словно прозрел.

Туман! — вот злой демон тундры. Вот кто принижает, делает инертной и шаткой жизнь самоеда. В тумане он теряет оленей и блуждает сам. Елизарову не раз приходилось слышать, как пропадали огромные стада,

рассеиваясь по тундре. А ведь олени — все для самоеда.

Туман на целые недели иногда закрывает от него мир. И нудно течет тогда его жизнь, точно жизнь слизняка в ракушке, погруженной на дно глубокого моря.

Теперь Елизаров испытал, как обесиливает и притупляет волю туман. Вот почему самоеды, имея новых, не расстаются и со старыми богами. По своей психологии — ни к чему не стремиться, а лишь просить — они правы: если один бог останется нем — можно просить другого.

Самоеды — пасынки суровой и злой природы.

VII.

К вечеру Елизарова стал мучить не только холод, но и голод. Со вчерашнего утра он ничего не ел. Большой расход тепла в туманной стуже только усиливал это ощущение.

Но больше всего страдал самоед. За свою привычку часто и много есть он расплачивался слишком дорого. Елизаров видел, как он голодно зевал, трогая себя за живот и, подходя к оленям, долго щупал их алчными глазами. Хотелось ему и пить, но вблизи не было воды. Подо мхом можно было найти только серую болотистую жижу, которую не осмелился бы пить даже самый неприхотливый самоед.

К девяти часам Терентий не вытерпел. Взял у Елизарова дорожную фляжку и отправился в поиски воды. Возвратился он только через час, эржа в руках полную флягу. В осанке самоеда, в темных узких глазах было нечто новое, чего

Терентий, сидя на санях, гнал оленей по болотистой тундре.

этнолог раньше не замечал: какое-то затаенное торжество. Подавая Елизарову воду, он спокойно и покровительственно сказал:

— Пей! Оленя скоро буду бить! Абурдать¹ станем! Брюхо твое, зябнуть, тоже мяса хочет?

— Как? Оленя хочешь бить?! — удивился Елизаров, смущенно глядя на самоеда, который говорил таким тоном, точно был у себя в чуме. — А на чем же мы поедем? Может к утру и туман рассеется... Восемь голодных оленей далеко не погнут.

— Туман пройдет — оленей пасти будем! — Сказав это, Терентий решительно подошел к неподвижно лежавшим животным. Выбрал небольшого быка, снял тягло и поднял на ноги. Потом обвязал шею тызеом (аркан для ловле оленей) и поволок куда-то в туман.

Заинтересованный таинственным поведением самоеда, Елизаров слез с саней и пошел по следам, стараясь шагать как можно тише.

VIII.

Так Елизаров прошел шагов триста. Мокрое, зыбкое болото сменилось сухой кочковатой возвышенностью, поросшей пушицей, ягелем и листоватыми лишайниками. Следов самоеда уже разглядеть не было возможности. Виднелись лишь оттиски оленьих копыт. Пройдя еще шагов до пятисот, Елизаров остановился. Сквозь туман он увидел небольшой холм, сплошь загроможденный плитами темно-серого сланца. На самой вершине, среди белых кварцевых глыб, копошилось нечто живое. Тогда он ползкрался к самоеду совсем близко и, укрывшись за стоявшей торчком плитой, стал наблюдать.

Терентий, присев на корточки, перебирал какие-то продолговатые деревянные, прислоненные вряд к белому камню. Возле лежал со связанными ногами олень. Вокруг камня во множестве валялись оленьи черепа, рога и целые скелеты.

Самоед подолгу и внимательно осматривал каждую чурку. Скоблил

ее ногтем, обнюхивал, относил на руке от глаз, как бы любясь, и ставил на прежнее место. Было видно по всему, что Терентий выбирал чурбак по своему вкусу. Елизаров не двигался. Он точно сросся с плитой, боясь выдать свое присутствие. То, что он видел, представляло для него большой интерес. Этнолог сразу догадался, что самоед случайно набрел на старое капище и готовился к жертвоприношению.

После тщательного осмотра всего божеского состава, долгих колебаний и сравнений, Терентий, наконец, как будто подобрал себе подходящего болванчика. Но по движениям и жестам самоеда Елизаров видел, что он своим выбором еще не совсем доволен. Чего то во внешнем виде чурбака не хватало.

Взглянув последний раз на всю шеренгу порядком подгнивших божков, Терентий окончательно убедился, что лучшего ему не найти, и отошел со своим чурбаком в сторону. Вынул нож, стал отделявать.

Когда идол был готов, Терентий воткнул его в землю. Затем, сняв с головы шапку, встал на колени и низко поклонился ему. После поклона, самоед подтащил к идолу связанного оленя и всадил ему нож между передних ног. Олень дважды подернулся телом и замер с откинутой назад головой.

Приговаривая вполголоса что то по самоедски, Терентий обмочил палец в кровь и мазнул несколько раз по тому месту, которое у идола должно было обозначать губы и рот. Потребность божка была удовлетворена. Тогда Терентий навалился на мертвого оленя всем телом, жадно прижал губами к еще горячей ране, и долго не отрывался пил кровь.

IX.

В эту вторую ночь Елизаров скоро уснул. Фуята два с отвращением съеденной сырой оленины согрели тело. Ему впервые пришлось «абурдать». Раньше он упорно отказывался от подобных угощений, и даже не мог равнодушно смотреть на кровавые пиришества самоедов вокруг убитого оленя.

¹ Есть мясо в сыром виде.

Самоед подтащил к подолу оленя и всадил ему нож между передних ног...

Проснулся он часа в три. Пользуясь крепким сном Терентия, Елизаров решил похитить тот чурбак, перед которым несколько часов назад самоед совершал свой примитивный ритуал.

Вокруг стоял попрежнему туман. Но он уже не пугал Елизарова, не вызывал в нем раздражения и тоски. Полное бессилие передегомогуществом временно притупило протест. Ему даже как то на миг пришла мысль, что люди могли бы и вечно жить в тумане, не видя ни неба, ни солнца, ни ясных горизонтов и морских далей, жить в замкнутом туманном круге, не мечтая ни о чем.

Терентий лежал в саних на спине и тяжело дышал раскрытым ртом. Его потное, измазанное кровью лицо производило отталкивающее впечатление. Мяса он съел по меньшей мере фунтов двенадцать. Он даже его не жевал, а глотал кусками, ловко кромсая у самого рта острым ножом.

Поднимаясь на холм, Елизаров неожиданно заметил, что туман как будто редет. И ветер точно переменялся: вместо холодного северного ему в лицо стал дуть теплый западный ветерок.

От радости этнолог позабыл и о своем намерении. В несколько прыжков он взобрался на самую вершину,

оглянулся кругом и остановил взор на востоке. Там, в туманной дали, сквозило бледно-желтое пятно. С каждой секундой пятно заметно росло и окрашивалось трепещущим розоватым светом. Вдруг оно почти мгновенно

вспыхнуло, запылало ярко-красным пламенем и разлилось широкой рекой на горизонте. Туман разорвало. словно пораженный страшным ударом, он в смятении закачался гигантскими волнами, за клубился, свертываясь в облака, и стал гаять, неизвестно куда исчезая. Скоро его нигде не было. Над тундрой сияло свежее, ясное утро.

Елизаров стоял зачарованный. Рождение дня совершилось перед ним, как по волшебству. Внизу, под холмом, он видел двое саней, а неподалеку уже паслось восемь оленей. От них к холму приближался самоед.

— А добрый у тебя бог, Терентий! Смотри, как хорошо нам помог! — улыбаясь встретил самоеда Елизаров.

— Как не добрый!... Кормишь нало! Корми ь не станешь — худой будет! Вчера ь абурдать давал — нынче помог!... Гляди! — и самоед протянул руку на запад.

Елизаров обернулся. Верстах в десяти виднелась широкая полоса голубого моря. По морю медленно ползла черная точка, пуская длинной серой струйкой дымок.

Это шел пароход. Он держал курс прямо к берегу.

Научно-фантастический роман А. МЕРРИТА

Иллюстрации ПОЛЯ

В Нью-Йорке только что напечатан новый научно-фантастический роман А. Меррита, автора романов «Лик в Бездне», «Лунное озеро» и других. У Меррита большая фантазия, несомненные знания и литературный слог.

Мы решили познакомить читателей «Мира Приключений» с последним произведением популярного в Америке писателя, так как оно своими достоинствами превосходит прежние, отличается новизной сюжета и чрезвычайной оригинальностью его.

Теперь наука значительно изменила взгляд на так называемую неорганическую природу, и Меррит главным действующим лицом своего романа берет металл, живой металл, обладающий и живущий групповым сознанием, коллективным разумом и волей, действующий под влиянием неведомых нам энергий и сил, до которых точное знание ощупью сейчас добирается.

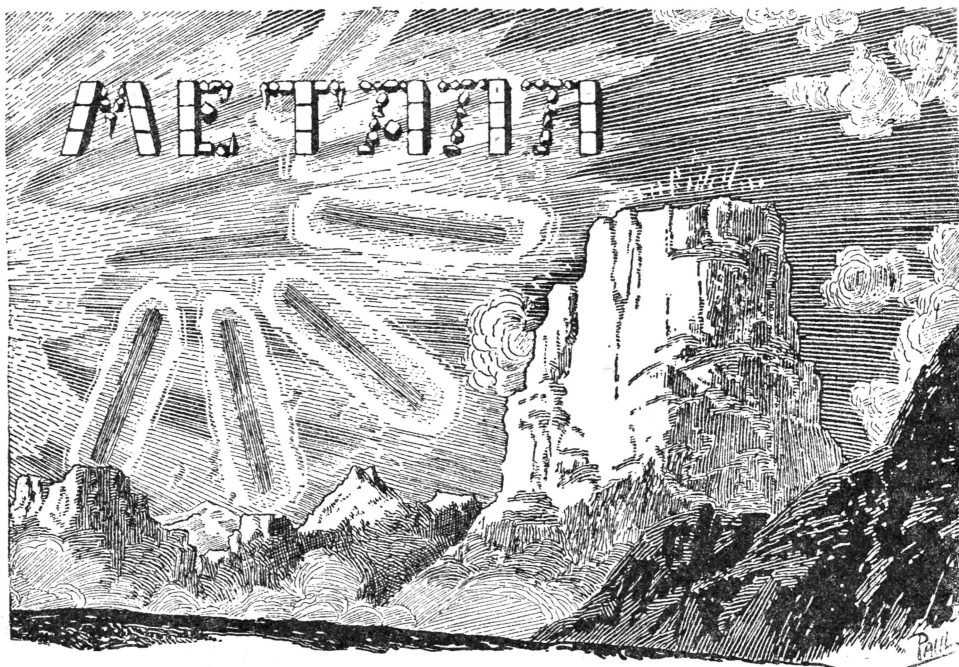
ГЛАВА I.

Я решаю снова посетить Тибет.

Долина, в которой я расположился лагерь, отличалась удивительной красотой; она была так прекрасна, что при первом взгляде на нее у меня перехватило горло

и до боли сжалось сердце. Потом красота эта завладела мной и укачала меня своим покоем.

В бурный вечер в конце декабря, когда дождь вперемежку со снегом бился в мои окна в Нью-Йорке, а я перелистывал страницы своего быть может самой сенсацион-

ной книги — «Маки и примулы Малого Тибета», меня охватило страстное желание снова посетить эту тихую, недоступную страну. Мне захотелось погрузиться в уединение ее высот, отрезать себя от суеты и шума западной цивилизации, как бы уйти в другой мир. Желание это возрастало не по дням, а по минутам. Оно стало неудержимым.

Но не было и причины бороться с этим желанием. Я был холостым человеком и никто не предъявлял на меня никаких прав. К счастью, я был свободен ехать, куда и когда я желал, не оставляя никого, кто бы стал обо мне беспокоиться, а также к счастью обладал средствами.

С начала марта я странствовал среди гор. Теперь была половина июля.

Со мною вместе отправился в путешествие сын моего покойного друга, инженер Ричард Кин Дрэк. Молодой человек очень тосковал после смерти своего отца, одного из самых блестящих палеонтологов Америки, и мое предложение уехать из родных мест, опустевших теперь для него, пришлось ему очень по душе.

В Тегеране я нашел себе самого необычайного слугу. Он был китаец и звали его Чю-Минг. Ему было лет пятьдесят, и двадцать из этих лет он провел в древнем монастыре Палхор Чойнд в Гянтзде, к западу от Лхассы. Почему он оттуда ушел, как попал в Тегеран, я так и не узнал никогда. Мне во всяком случае очень повеселилось, что он ушел оттуда и что я заполучил его. Он отрекомендовался мне, как лучший повар на пространстве трех тысяч миль от Пекина. И он говорил правду.

Почти три месяца путешествовали мы вместе, Чю-Минг, Ричард Дрэк, я и две лошади, которые везли мои пожитки. Мы проходили по горным дорогам, на которых когда-то раздавались шаги маршировавших полчищ Даря, множества его сатрапов.

Мы пробирались по заросшим Иранским тропам, по дорогам, которые проходили победные воины Александра Македонского. Вокруг нас поднималась пыль от костей македонцев, греков и римлян; духи пламенных честолюбивых сассанидов стонали в ветре ущелий, когда мы проходили эти ущелья, мы пятеро американский ботаник, молодой инженер, китаец и две тибетских лошадки. Мы пробирались через расщелины, стены которых звучали ревом янталитов, белых гуннов, подрывавших силы этих же сассанидов, пока, наконец, те и другие не пали перед турками.

По широким дорогам и тропам славы Персии, позора Персии, смерти Персии, проходили мы. Целый месяц мы не встретили ни одной живой души, не видели никаких признаков человеческого жилья.

Долина волшебной красоты.

В это утро мы вышли из извилистого ущелья в долину волшебной красоты. И тут, хотя и было еще так рано, я раскинул наши палатки и решил не двигаться дальше до з втрашнего дня. Эта долина была как гигантская чаша, переполненная эссенцией покоя.

В восточной стороне высоко поднималась какая-то безымянная вершина. На главе ее была серебряная шапка, украшенная изумрудами—снеговые поля и ледники, венчавшие эту вершину. Далеко на

западе другой серый и желтоватокоричневый гигант грузно высился, загораживая вход в долину. На севере и на юге горизонт был хаотической поднебесной страной зубчатых вершин, остроконечных, похожих то на минареты, то на башни и купола, каждая из них увенчанная зеленой и серебряной диадемой вечного льда и снега.

А вся долина была устлана ковром из голубых маков. Широко-раскинувшимися, ничем не прерывающимся полями, голубыми, как утренние небеса в середине июня, маки струились миля за милю вдоль тропы, по которой мы следовали, через еще непродленную тропу, по которой лежал наш путь. Маки кивали, они склонялись друг к другу, они точно шептались, потом поднимались головки и смотрели наверх точно томлящиеся рои маленьких лазоревых фей, полудерзко, полудоверчиво заглядывающих в лица разукрашенных драгоценными камнями гигантов, сторожащих их. А когда легкий ветерок шел по макам, они точно сгибались под чьими-то мягкими шагами, точно чьи-то развевающиеся одежды мели их.

Как огромный сапфировый и шелковый ковер тянулись маки к серому подножию неведомых гор.

Закат солнца в Тибете.

Все вокруг нас погрузилось в тишину. Солнце ушло за каменного гиганта, охранявшего западные ворота долины. Вся долина быстро темнела. В нее вливался поток кристально-прозрачных теней. Это было предюдией к тому чуду необычайной красоты, которого не увидишь больше нигде в мире — предюдией к солнечному закату в Тибете.

Мы обратили ожидающий взгляд на запад. Легкий, прохладный ветерок мчался с гор, точно вестник, шепнул что-то клонящимся макам, вздохнул и скрылся. Маки стояли неподвижно. Высоко над головами просвистел коршун.

Точно это было сигналом. В бледной лазури западной части неба стали появляться ряды за рядами облачка, окруженные сиянием. Они будто ныряли головами в путь, которым проходило заходящее солнце, и из серебряных превращались в нежно розовые и темнели потом до багрянца.

— Небесные драконы пьют кровь солнца — сказал Чу-Минг.

Точно огромный хрустальный шар опрокинулся на небеса, и их голубой цвет сразу перешел в прозрачный и яркий янтарь. Потом также неожиданно янтарь превратился в сияющий лиловый цвет. Мягкий зеленый свет затрещал в долине. Под этим светом скалистые стены гор точно стали расплываться. Они заплыли и вдруг нагнулись вперед, похожие на гигантские куски самого бледного изумрудного нефрита, прозрачные, точно просвеченные маленькими солдатами, сверкающими позади их.

Свег померк, одевая самого темного аметиста окутали могучие плечи гор. По-

том с каждой увенчанной ледчиком вершины, с минаретов и зубцов, с высших башен брызнули лучи разноцветного пламени, делая сверкающая призматическая рать. Большие и малые, переливающиеся и расходящиеся в разные стороны, они охватывали долину кольцом необычайного величия.

Чудо небес.

По темнеющему небу пробежала розовая полоска живого света, это совершенно чудесное, чистое сияние, луч, который тибетцы называют Тингпу. Мгновение этот розоватый палец указывал на восток, потом выгнулся дугой и разделился на шесть сверкающих розовых полос; полосы эти стали ползти к восточному горизонту, где навстречу им поднялось туманное, трепещущее величие света.

Шесть лучей начали раскачиваться. Они все быстрее и быстрее двигались и размах их увеличивался, точно невидимое небесное тело, от которого они исходили, раскачивалось, как маятник, точно им волны из стороны в сторону, как огнем пружина. Все быстрее и быстрее раскачивались пять лучей и распались на части. Оборванные концы бесцельно колыхались, согнулись, наклонились книзу и устремились к земле, в хаос толпящихся на севере вершин и быстро скрылись.

— Видели вы это? — было ясно, что Драк не верит своим глазам.

— Видел, — я боролся с собственной растерянностью. — Конечно видел! Но я до сих пор никогда не видел ничего подобного.

— Кажется, что это все было сделано нарочно, — сказал он. — Это было сделано намеренно. Точно что-то достало до лучей и разломало их. И потащило их вниз, как ивовые веточки.

— Там дьяволы живут! — раздался дрожащий голос Чу-Минга.

— Вернее всего, что это какое-то магнитное явление, — я был сердит на охвативший меня страх. — Свет может отклоняться при проходе через магнитное поле. Конечно, это именно так и было, несомненно так!

— Не знаю. Для этого потребовалось бы магнитное поле величины с кита, профессор. Это непонятно. Это все происходило с такой проклятой преднамеренностью.

— Дьяволы... — бормотал китаец.

— Смотрите!

Драк указал на север. Пока мы разговаривали, там сгустился мрак. Из этого черного мрака вырвалось гигантское копьё туманного зеленого пламени и вонзилось своим трепещущим острием в самое сердце зенита. Вслед за ним в небо извергнулось целое полчище сверкающих стрел.

Потом зеленые стрелы исчезли. Мрак сгустился. Потом его снова прорвали лучистые волны, пронизанные точно пляшущими светляками. Все больше становились волны — фосфоресцирующие зеленые и радужно фиолетовые, зловещего медно-желтого оттенка, с отблесками пенла. Они за-

колебались, раскололись, образовали точно гигантские, движущиеся занавеси ослепительного сверкания.

На складках трещащего занавеса вдруг показался круг света. Сначала туманные очертания его быстро сделались резко отчетливыми и он стоял на фоне сверкающей красоты северного неба, как кольцо холодного белого пламени. И вокруг кольца утренняя заря стала собираться, вертеться, как в водороте. К кольцу со всех сторон мчались сверкающие завесы утренней зари. Они соединялись, колыхались и волновались вокруг кольца, потом залили его и пролились через него.

Через отверстие кольца утренняя заря проливалась на землю в столбе пламени. Вся северную часть неба вдруг затаил туман, скрывая невероятное видение.

— Магнитное явление! — первый прервал молчание Дрэк. — Как бы не так!

— Дьяволы! — плаксиво бормотал Чу-Минг.

— Это делается намеренно, — сказал Дрэк. — Говорю вам, профессор, за этим скрывается чей-то разум.

— Разум? — перебил я его. — Какой человеческий разум мог бы расщепить лучи заходящего солнца или поглотить утреннюю зарю?

Издали, с запада, до нас доносилась какой-то звук. Сначала это был шепот, потом звук стал усиливаться, превратился в вой, в ужасающий треск. Завесу тумана прорвал яркий свет и снова потух. Снова послышались непонятные звуки.

Потом молчание и мрак вместе спустились на долину голубых маков.

ГЛАВА II.

Отпечаток на скале.

Дрэк спал крепко. У меня не было его юношеской приспособляемости и я долго лежал без сна. Я едва погружился в беспокойную дремоту, когда рассвет меня разбудил.

Скоро мы уже шли по направлению к западному выходу из долины. Наш караван тянулся за нами. Милую за милей проходили мы среди голубых маков. Мы обсуждали тайну сумерек и ночи, но в свете дня ужас, которым эта тайна дышала, испарился. Смеющийся сапфировый ковер далеко раскинулся перед нами. Стаи розовых маленьких птичек с лепетом мчались над нашими головами.

Время близилось к полудню. Мы двигались легко, очарованные прелестями окружающей природы. Западные горы были совсем близко, вход в ущелье, выходящее из долины, прямо перед нами. Все же нельзя было надеяться, что мы дойдем до темноты, и мы легко помыслили с мыслью провести еще одну ночь в мирной долине.

Я доказывал, почти к собственному удивлению, что если виденное нами и не было магнитным явлением, то это просто было оптической иллюзией, миражем, созданным необыкновенными атмосферными свойствами этой горной местности. Но Дрэка это вовсе не убедило.

— Конечно, я все это понимаю, — говорил он, — верхние слои более теплого воздуха могли преломить лучи. Я согласен, что это возможно, но, чорт меня побери, если я этому верю. У меня было несомненное ощущение сознательной силы, чего-то такого, что знало, что делает, и имело причину делать именно так.

Я шел, весь погруженный в свои мысли, как вдруг услышал восклицание Дрэка. Он пристально смотрел на точку, находящуюся в нескольких сотнях ярдов направо от него. Я посмотрел туда, куда указывал его палец. Скалистые горы были едва в полумиле от нас. Когда-то, очень давно, тут обрушились большие скалы, затем эти обломки рассыпались и образовался пологий скат к долине. Ивняк и ольха, малорослая береза и тополь пустили тут корни и одели склоны, и только неровные края этих зарослей, точно сдерживаемых от напора вниз голубыми маками, показывали, где склоны переходили в долину. И в самом центре этого склона, начинаясь на середине его высоты и доходя до цветущих полей, был какой-то гигантский отпечаток, след — точно огромное существо наступило тут ногой.

След выделялся серый и коричневый на зеленом и голубом фонах склона и долины: прямоугольник, шириной футов в тридцать, длиной футов в двести, от верхнего конца которого точно когти тянулись четыре треугольника футов двадцать в длину. Это было точно след от ноги. Но кто же мог оставить такой гигантский след?

Я побежал вверх по склону, Дрэк далеко опередил меня. Не было сомнения, что след — свежий. В верхней его части были помятые кусты и свежесломанные деревья. А внизу следа поникли головки растоптанных маков, которые несомненно еще накануне высоко держали свои лазоревые стяги. Я ступил на след, наклонился и не верил собственным глазам. Глыбы скал и камни были раздавлены и сплюснены в одно гладкое, состоящее из микроскопических частичек, адамантно-твердое целое и в этой породе были вдавлены, точно ископаемые, маки, все еще сохранявшие следы своей окраски.

Но что это была за сила, которая могла взять нежные лепестки цветов и вставить их, точно инкрустацию, в поверхность камня?

— Что могло это сделать? — спросил Дрэк.

— Нога Шин-Дже, — дрожащим голосом произнес Чу-Минг. — Тут прошел Господин Ада.

— А разве у Господина Ада только одна нога? — вежливо осведомился Дрэк.

— Он шагает через горы, — сказал Чу-Минг. — По ту сторону след его другой ноги. Это Шин-Дже бродил по горам и поставил тут свою ногу.

Дрэк взглянул на верхушку горы.

Чудовище с ногами длиной в 2000 футов.

— Около двух тысяч футов высоты, — задумчиво произнес Дрэк. — Что ж, если Шин-Дже сложен в наших пропорциях, так

это выходит так. Длина отпечатка соответствовала бы ноге в две тысячи футов длиной. Да, он как раз мог бы перешагнуть эту гору.

— Это похоже на штемпель, — сказал я. — Взгляните с какой абсолютной математической точностью оттиснуты эти края. Точно какая-то огромная сила поставила здесь печать...

Смотрите, — сказал Дрек, — нигде, кроме этого места, больше нет никаких следов. Как попало сюда то, что оставило этот след и как оно ушло, не оставив больше никаких следов? Вот в чем тайна.

— Эти звуки ночью, — сказал я, — этот свет, прогвавший туман. Я думаю, что отпечаток этот был сделан именно тогда.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Дрек. — Я стою за то, чтобы войти в ущелье до ночи. Я готов встретиться лицом к лицу с каким угодно человеком, но у меня нет желания, чтобы меня ввалили в скалу, как цветков в девическую книжку со стихами.

Мы пошли скорым шагом и как раз в сумерки вошли в ущелье. Мы прошли целую милю, пока мрак заставил нас расположиться лагерем. Ущелье было узкое. Но мы не были недовольны этим. Крепость стен, поднимавшихся так близко одна от другой, действовала на нас успокоительно.

Мы нашли глубокую пещеру и вошли в нее со всем караваном. Пообедав хлебом и чаем, мы улеглись на скалистом полу. Я спал хорошо и только раза два меня разбудили стоны Чу-Минга. Его сны, очевидно, были не из приятных.

ГЛАВА III.

Ужасы зеленой впадины.

Вливавшийся в пещеру свет зарп разбудил нас. Нам удалось убить трех куропаток из выводка, слишком смело приближавшегося к нам, и мы хорошо позавтракали. Немного позднее мы продолжали наш путь вдоль ущелья.

Оно постепенно но неуклонно шло вниз, и поэтому я не удивился, когда нам стала попадаться полутропическая растительность. Гигантские рододендроны и высокий папоротник сменялись росшим группами бамбуком. Мы шли весь день и когда расположились на ночь, крепко заснули. Час спустя после рассвета мы уже снова были в пути.

Было около двух часов, когда мы впервые увидели развалины. Высокие, заросшие зеленой стены ущелья уже давно стали упорно приближаться одна к другой. Наконец, ущелье превратилось в туннель, с крышей из папоротников, со спускающимися сверху гирляндами крошечных орхидей. Потом из туннеля этого мы вышли на яркий солнечный свет.

Перед нами была широкая зеленая чаша, которую держали в руках столпившиеся скалы. Впадина эта диаметром была мила в три. У нее было три выхода: один — на северо-западном горном склоне был похож на трещину; другим был туннель, которым

мы пришли, и затем была дорога, поднимавшаяся из впадины. Она ползла вверх по крутой горе, прямо на север, льнула к скале и наконец скрывалась за одной из вершин. Эта была широкая и искусственно сооруженная дорога, говорящая яснее языка о людских руках, прорубивших ее на груди горы. Древняя дорога, невероятно устала от толтавших ее тысячелетий.

Никогда, даже в самой глубине пустыни, не испытывал я подавленности, какой веяло от зеленой впадины. И влияние ее было также физическим, потому что я почувствовал невыносимую боль в груди и пульс мой стал прерывистым.

В глубине долины — развалины. Ряд диклопических ступеней вел на край и тут стояла рушащаяся крепость. Развалины напоминали огромную фурию, упавшую лицом к низу. Нижняя часть развалин была ногами, средняя грудь — телом, верхний ряд вытянутой рукой. Ступени казались шеей, и над ними древняя крепость с двумя полуобвалившимися амбразурами в ее северном фасаде была похожа на выветренный череп, уставившийся туда, куда упала и скрывалась из виду усталая дорога.

— Тут что-то не ладно, — обернулся ко мне Дрек. — Но я предпочитаю идти вперед, а не возвращаться. А вы как думаете?

Я кивнул. Мы переступили через край зеленой чаши. За нами шел китаец с лошадками. Спуск не был труден, так как мы шли по остаткам проложенной когда-то к туннелю дороги. Тут и там вдоль тропы поднимались огромные обломки скал. Мне казалось, что я различаю на них слабые следы резьбы: то намеки на дракона с разинутой пастью, то очертания чешуйчатого тела, то нечто вроде крыльев летучей мыши.

Мы дошли до первой из каменных глыб, тянувшихся к центру долины, и тут, почти теряя сознание, я повалился на Дрека, стараясь найти в нем поддержку.

Поток отчаяния налетел на нас, закрутился вокруг нас, хватая за сердце. Казалось, что этот поток изливался из каждой из всех этих рассыпанных глыб. Он высасывал жизнь. Непреоборимая усталость охватила меня, желание упасть на камни и умереть. Я чувствовал трепет тела Дрека и знал, что он, как и я, собирал все свои силы.

Китаец закричал и бросился бежать. Лошади отказались карабкаться. Чу-Минг с рыданием упал на землю.

Дрек остановился и поднял китаецца. Мы взяли его с двух сторон под руки. Потом, точно пловцы, мы стали пробивать себе путь, наклонив головы, борясь с этим невидимым потоком.

По мере того, как дорога поднималась, сила потока слабела. Стало исчезать ужасающее желание лечь и отдаться ему. Теперь мы достигли уже подножия ступеней. Вот уже прошли половину их. А когда мы выбрались на край, на котором стояла сторожащая долину крепость, поток стал быстро убывать. Мель стала безопасной, сухой землей, и течения кружились внизу

под нами, совершенно безвредные для нас.

Мы выпрямлись и ловили воздух, как плоды, боровшиеся изо всех сил и едва-едва одержавшие победу.

Девушка.

В стороне полуразвалившихся ворот слышался легкий шорох, потом из них выбежала девушка. Из рук ее выпало ружье. Она мчалась прямо на меня и в то время, как она бежала, я узнал ее.

Руфь Вентнор! Сестренка Мартина Вентнора, геолога, бывшего моим спутником во многих моих опасных скитаниях! Что делала Руфь в этом забытом уголке земли?

Она подбежала ко мне и обняла меня за шею нежными руками. Она горько плакала на моем плече.

ГЛАВА IV.

Из прошлого.

— Луис! — рыдала она, — какое счастье, какое счастье, что вы здесь!

Она освободилась от моих рук и нервно засмеялась.

Я окинул ее быстрым взглядом. Она была все такая же, как и три года назад. Большие голубые глаза то были серьезны, то полны задора; маленькая, полненькая и нежная; прекраснейший цвет лица; пикантный носик с намеком на дерзость; блестящие густые локоны; вполне земная девушка. Яркая и прелестная.

Я представил ей Дрэка и заметил в его глазах восхищение.

— Я... я следила за вами, как вы боролись в этой ужасной яме. Я не могла разглядеть, кто вы, но сердце мое изнывало от жалости к вам, Луис, — шепнула она. — Что это такое там?

Я покачал головой.

— Мартин не мог вас видеть, — продолжала она. — Он сторожит дорогу. Но я побежала... чтобы помочь вам.

— Мартин сторожит? — спросил я. — Зачем же он сторожит?

— Я... — она замаялась, — я лучше скажу вам при нем.

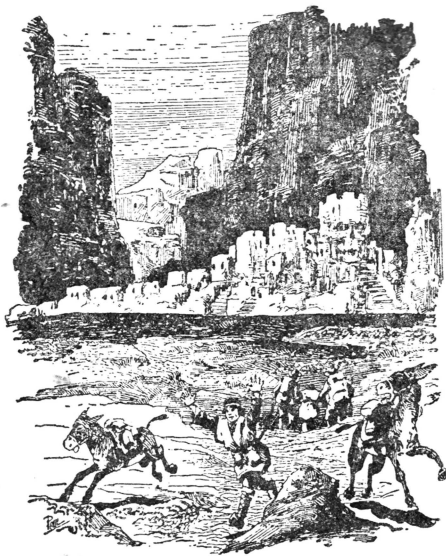
Мы прошли в крепость через полуразрушенный вход. Пол помещения был усыпан обломками, упавшими с растрескавшегося сводчатого потолка. Сквозь трещины сверху лился свет. Мы пробрались среди обломков к рушащейся лестнице и стали карабкаться по ней. Мы очутились против похожего на глаз отверстия. На фоне его черным силуэтом вырисовывалась длинная, худощавая фигура Вентнора, сидевшего высоко на груде развалин с ружьем в руке. Он пристально смотрел на древнюю дорогу, верхние извилины которой были отлично видны через амбразуру. Он не слышал нашего приближения.

— Мартин, — тихо позвала Руфь.

Он быстро обернулся.

— Март! — крикнул я.

— Луис! — он почти свалился со своих камней и схватил меня за плечи. — Сорнтон! Как попали вы сюда?

Чжу-Минг бросился бежать.

— А вы? — воскликнул я. — Как случилось, что вы и Руфь тут?

— Каким путем вы пришли? — перебил он. Я указал на юг.

— Не через впадину же? — спросил он недоверчиво.

— Это стоило нам наших лошадей и почти всех наших запасов, — с горечью ответил я.

— Но почему вы здесь сидите? Почему не идете по дороге в гору? Что вы сторожите? — спрашивал Дрек.

— Твой черед, Руфь, — обратился к ней Вентнор с мрачной усмешкой. — Расскажи им. А я буду сторожить.

— Это было с месяц назад, — начала Руфь, — мы заблудились. Караван наш изменически покинул нас и оставил нам только одну лошадь. Нам удалось найти дорогу, которая вела к югу. Мы решили идти по ней. Она была старая и заброшенная, но вела куда нам было нужно. Сначала она привела нас в местность с невысокими горами, потом к самому подножию большого хребта. Наконец в горы — и потом оборвалась.

— Дорога преграждалась скалами, через которые мы не могли пер браться, — вставил Вентнор.

— Мы стали искать другой дороги, — продолжала Руфь, — и к концу второй недели поняли, что снова заблудились. Мы были в самом сердце хребта. Вокруг нас лес огромных, покрытых снегом, вершин. Нигде не было и признаков человеческого жилья. Казалось, что ни од н человек, кроме нас, никогда не бывал в этих местах. В пище мы не нуждались, дичи было сколько угодно, и рано или поздно мы должны были найти дорогу, которая вела бы нас оттуда. Поэтому мы и не тревожились. Пять ночей назад мы расположились лагерем в начале маленькой, пре-

лестной долины. Там был пригорок, который возвышался над долиной, как сторожевая башня. На нем росли деревья, точно высокие часовые. На этом пригорке мы разложили костер и, поужинав, Мартин заснул. Я сидела и любовалась красотой неба и тенистой долины. Я не слышала ничьих шагов, но что-то заставило меня вскочить и оглянуться.

Таинственный человек.

В свете костра стоял человек и смотрел на меня.

— Туземед? спросил я. Она покачала головой.

— Далеко не туземед, — ответил за нее Вентнор. — Вот в этом-то все дело. Руфь закричала и разбудила меня. Я успел взглянуть на этого молодца, пока он не исчез. С плеч его спускал я короткий пурпурный плащ. Грудь его была покрыта кольчужой. Ноги перевиты ремнями высоких котурн. В руках его был небольшой, круглый, обтянутый кожей щит и короткий меч с двумя лезвиями. Голова его была покрыта шлемом. Этот человек принадлежал к эпохе... о, по крайней мере, на двадцать веков назад.

Он засмеялся нашему недоумению.

— Продолжай, Руфь, — сказал он сестре.

— Но Мартин не видел его лица, — снова заговорила девушка. — А как бы я хотела забыть это лицо! Оно было такое же белое, как и мое, но жестокое, о какое жестокое! Глаза его горели и смотрели на меня так, что хотелось спрятаться. Я закричала и разбудила Мартина. Тогда человек вышел из полосы света и скрылся. Мы потушили костер и перешли дальше в тень деревьев. Но я не могла спать. Я сидела час за часом с револьвером в руке, ружье лежало рядом. Часы тянулись ужасно! Наконец, я задремала. Когда я проснулась, уже рассветало. На меня смотрели двое мужчин. Один был тот самый, который появился в свете костра. Лица их были страшны...

— Они говорили, — перебил Вентнор, — на архаическом персидском языке. Я довольно хорошо знаю современный персидский язык и отлично владею арабским. Современный персидский, как вы знаете, идет прямо от разговорного языка Ксеркса, Кира, Дария, которого победил Александр Македонский. Он изменился главным образом оттого, что принял груз арабских слов. Ну, так в том языке, которым говорили эти люди, не было и следов арабского. Он звучал странно, конечно, но я легко понимал их. Они говорили про Руфь. Точнее, разбирали ее весьма откровенно...

— Мартин! — сердито воскликнула Руфь.

— Ну, хорошо, — продолжал Вентнор, — как бы то ни было, я видел, когда эта парочка подкаралась. Ружье было у меня под рукой, я притаился и слушал. Вы поймете, что при виде этих людей моя научная любознательность была ужасно возбуждена. В разговоре своем они дошли до обсуждения, какое удовольствие доставит вид Руфи какому-то таинственному лицу. Но как раз в это время Руфь пришла в себя. Она вско-

чила как маленькая фурия, и выстрелила в них из револьвера. Испуг их был неописуем. Они со всех ног бежали в лес. Это кажется невероятным, но они, повидимому, понятия не имели об огнестрельном оружии. Я тоже выстрелил им вслед, но промахнулся. Руфь же, должно быть, попала в одного из них, потому что он оставил за собой кровавый след. Мы не пошли по этому следу, а направились в противоположную сторону. В эту ночь не произошло больше ничего. Утром, карабкаясь в гору, мы заметили какое-то подозрительное поблескивание впереди, милях в двух расстоянии. Мы укрылись тогда в небольшой долине и некоторое время спустя в полуmile от нас по горе прошёл человек двести таких молодцов. И это поистине были воины Дария! Люди из той Персии, которая умерла уже много веков назад. Тут нельзя было ошибиться, глядя на их щиты, большие луки, дротики и латы. Подумайте только: двести воинов из далекого прошлого! Когда они прошли, мы ускорили шаги и в эту ночь не раскладывали костра. Но на следующее утро увидели другой отряд, а может быть и тот же самый. Мы снова ускорили шаги, напали на другую древнюю дорогу, которая вела на юг. И вот она привела нас сюда. Как видите, это не слишком удобное место. Мы попытались пройти через впадину к расселине. Мы не видели входа, через который пришли вы. Впадина не представляла ничего привлекательного, но она все же была тогда проходима. Мы прошли через нее. Но когда готовы уже были войти в расселину, из нее раздался самые необычайные звуки — рев, треск.

Я вздрогнул и взглянул на Дрэка.

— Звуки эти были такие странные и неприятные, что мы не решились идти дальше. К тому же атмосфера впадины тоже становилась очень неприятной. Мы поторопились вернуться к крепости. А когда на следующий день попытались снова пройти через впадину и найти из нее другой выход, мы уже не могли. Вы знаете, почему, — закончил он.

— Но люди в латах, люди времен Дария — это же невероятно! — воскликнул Дрэк.

— Не правда ли? — подтвердил Вентнор. — Однако, я их сам видел. Конечно, я не утверждаю, что это остатки армии Дария. Но это было живое, дышащее повторение древней персидской армии. Я говорю тут о Дарии потому, что с ним могу связать одну из наиболее достоверных гипотез. Когда Александр Македонский уничтожил империю Дария, он сделал это очень основательно. В те дни не стеснялись с побежденными. И вполне возможно, что один или два города на пути Александра могли собрать войско и, не дожидаясь великого полководца, искать где-нибудь убежища. Они, конечно, ушли бы в почти неприступные горы. Нет ничего невозможного, что там они, наконец, нашли убежище. Очтившись в какой-нибудь защищенной горам долине, они могли осесть на время, затем построить город. Почему они там

остались совсем? Да просто могли найти новую жизнь приятнее старой. Кроме того, их могли запереть в их долине какие-нибудь случайности. Могли обрушиться скалы и загроздить выход, могли произойти оползни.

— Но те, которые преследовали вас, не были заперты в долине, — перебил Драк.

— Нет, — Вентнор пожал плечами — конечно нет. Но, может быть, мы попали к ним путем, который им неизвестен. Может быть они сами нашли выход. Я знаю только то, что видел их своими глазами.

— А странные звуки, Мартин, — спросил я, — вы продолжали их слышать?

— Да, — коротко ответил он.

— И вы думаете, что эти... эти войны все еще ищут вас?

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил он. — Они не похожи на людей, которые легко отказываются от такой лакомой дичи, какой должны им казаться мы, а во всяком случае, один из нас.

— Мартин, — сказала я решительно — где ваша лошадь? Мы снова попробуем пройти через впадину. Сейчас же! С нами Руфь, а мы никогда не смогли бы побороть такого полчища.

ГЛАВА V.

Металл с разумом.

— Вы чувствуете себя достаточно крепкими, чтобы снова попытаться пройти через впадину? — радость в голосе Мартина выдавала напряжение и беспокойство, которые он до сих пор так хорошо скрывал.

— Конечно, — ответил я. — А вы, Драк?

— Я тоже, — сказал он — Я буду охранять Руфь... то есть, мисс Вентнор.

Радость в глазах Вентнора вдруг померкла. Лицо его стало мрачным.

— Подождите, — сказал он. — Я унес несколько... несколько образцов из расщелины, из которой неслись странные звуки.

— Образцов? — удивленно переспросил я.

— Я спрятал их, — продолжал он. — Мне пришла в голову мысль... смутная мысль... что они гораздо важнее этих вооруженных людей. Во всяком случае, мы должны взять их с собой. Пойдите, Руфь покажет вам их. И принесите их, чтобы нагрузить на лошадь. Тогда мы двинемся в путь. Несколько лишних минут не имеют значения, — только торопитесь!

Он вернулся на свой сторожевой пост. Я оставил с ним Чу-Минга и последовал за Руфью и Драком вниз по полуразрушенной лестнице. У подножия ее Руфь шепнула мне:

— Я боюсь, я страшно боюсь их. Мартину они тоже неприятны, эти предметы, которые вы сейчас увидите.

— Но что это такое? — спросил Драк. — И что там страшного?

— Увидите сами, — Руфь медленно и неохотно пошла вглубь крепости. — Они грудой лежали у входа в расщелину, откуда неслись звуки. Мартин поднял и бросил их в мешок прежде, чем мы убежали из впа-

дины. Они такие странные, они почти себе на уме, и у меня такое чувство, точно они самые крошечные кончики когтей невероятной большой кошки, притаившейся за углом, страшной кошки, величиной с гору, — кончила Руфь, задыхаясь.

Мы пробрались через развалины в центральный, открытый двор. Тут в развалившемся и засыпанном бассейне журчал ручеек. У воды лошадь Вентноров мирно щипала сочную траву. Из стоявшей тут же корзины Руфь вынула небольшой мешок.

— Чтобы уложить... их, — пояснила она дрожащим голосом.

Мы прошли через отверстие, бывшее когда-то дверью, в другое помещение, гораздо большее, чем только что покинутое нами. Оно было в лучшей сохранности, потолок не растрескался, и после яркого солнечного света нам показалось темно. Руфь довела нас до середины помещения и остановилась. В полу перед нами чернела трещина фута в три шириной. По ту сторону трещины был гладкий плитняк, почти чистый от всяких обломков.

— Вон они там, — произнесла Руфь. Она протянула руки к тому, что казалось выпуклым, узорчатым кругом на пыльном полу. Этот круг блестел металлическим, синеватым светом, точно его только что наполировали.

— Мартин сложил их там, чтобы они не убежали, — сказала Руфь. — Они не могут перепрыгнуть через трещину.

Я в недоумении перешагнул и наклонился над кругом. Драк последовал за мной. Круг был составлен из кубиков с острыми ребрами высотой в дюйм. Они с математической точностью были отделены один от другого расстоянием в дюйм. Я сосчитал их. Девятнадцать. Внутри этого круга было второе кольцо из предметов пирамидальной формы четырехгранников, с острыми ребрами и с основаниями того же размера, то есть в один дюйм. Они лежали на боку, указы-

— Руфь выстрелила в персов из револьвера. —
Я тоже выстрелил им вслед.

вая вершинами на шесть сферических предметов, собранных в самом центре в пучок, точно дветок о пяти л-пестках. Эти сферические предметы были дюйма в полтора в диаметре. Шар, который они заключали в себе, был больше почти на дюйм.

Все эти предметы были расположены в таком порядке, так напоминали геометрический рисунок, аккуратно выполненный каким-нибудь умным ребенком, что я в первую минуту не решился разрушить его. Потом я наклонился и взял в руки одну из пирамид. Она тихо лхнула к камню, и я оторвал ее с трудом. Прикосновение к ней давало легкое ощущение тепла. Я взвесил ее на руке. Она была странно тяжелая, вес ее был, вероятно, вдвое больше веса платины. Не было сомнения, что пирамида эта металлическая, но металл этот был мне совершенно неизвестен. Он состоял точно из спрессованных волокон, расходящихся лучами из крошечных точек, матово блестящих на полированной поверхности. И у меня вдруг появилось жуткое ощущение, что каждая из этих точек — глаз, пристально разглядывающий меня.

— Посмотрите! Посмотрите на кольцо! — прошептал Дрэк.

Кольцо было в движении.

Кубы двигались; круг вращался; пирамиды встали на свои основания; шесть сферических предметов коснулись их и присоединились к вращательному движению. С такой же неожиданностью кольцо вдруг stanулось к одной точке. Отдельные части его срослись. Перед нами выросла и стояла, выпрямившись, смешная маленькая фигурка, какое то пугало, все из углов. Казалось, что дитя построило из игрушечных кубиков какую-то фантастическую фигурку, вдруг затрепетавшую жизнью. Игрушечный гном.

Фигурка стояла всего одно мгновение, потом очертания ее стали меняться с поразжающей быстротой, в то время, как менялись местами кубики, треугольники и круги. Эта перетасовка была похожа на превращения, которые видишь в калейдоскопе. В каждой исчезающей форме был какой-то намек на странную гармонию, на какое то тонкое, высокое геометрическое искусство как будто каждая новая форма была символом, словом. Точно Евклидовой теореме была дана живая воля. Геометрия обрела сознание.

Мгновение маленькие предметы лежали неподвижно. Потом девять кубиков понесли друг к другу. Они превратились в стройную колонну в девять дюймов высоты. Вверх по этой колонне скользнул самый большой шар и закатился на ее вершине. За ним последовали пять меньших сферических предметов и прильнули к кольцу как раз под большим шаром. Оставшиеся кубики скользнули вверх по колонне и подвое прижались к внешним сторонам сферических предметов. Вслед за ними помчались пирамиды, в свою очередь соединяясь с кубиками, как бы заканчивая их остриями. Остатки их прижались к основанию пирамиды.

Все это произошло так быстро, что я едва мог уследить глазами.

Теперь кольцо, образовавшееся из пяти сферических предметов, кубиков и пирамид, начал кружиться. Все быстрее и быстрее. Оно превратилось в диск, на котором появлялись, исчезали и снова появлялись еще в большем количестве крошечные сверкающие искры.

Диск мчался на меня.

— Бросьте ее! Скорей! — услышал я крик Руфи. Но прежде, чем я успел бросить пирамиду, которую все еще держал в руках, диск коснулся меня. Точно парализующий ток пробежал через мое тело. Пальцы мои не могли разогнуться. Я стоял на напряженных мускулах, не в состоянии двинуться.

Фигурка остановилась. Диск ее склонился на бок, точно фигурка снизу заглядывала на меня, и у меня снова родилось ощущение бесчисленных глаз, глядящих на меня. Фигурка не казалась рассерженной, в ее лице был вернее вопрос, ожидание. Как будто она что-то попросила у меня и удивлялась, почему я ей этого не даю. Я снова попытался бросить пирамидку, но пальцы мои не хотели расжаться.

Вдруг я услышал выстрел и от странного пигмея, у которого теперь уж был угрожающий вид, отскочила пуля. Дрэк поднял ногу и толкнул фигурку. Что-то сверкнуло, и Дрэк неподвижно лежал на земле. Руфь перепрыгнула трещину и опустилась перед ним на колени. С той стороны трещины раздался какой-то шопот, стонущие звуки. По полу пронеслись кубики, остановились у расщелины, со звоном соединились одни с другими и перекинулись, точно мост, через трещину. Странная фигурка у моих ног рассыпалась и составные части ее помчались к этому мосту и скользнули по нему.

Я почувствовал резкий толчок от пирамидки в моей руке. Пальцы мои сразу разжались и освободили ее. Она упала, потом помчалась по мосту.

А мост точно только и ждал пирамидку. Его ближайший к нам конец тотчас же оторвался от края трещины, потом встал точно металлический труп на противоположном конце. Потом упал. Снова свистящие звуки, синеватый блеск, и все странные предметы исчезли.

Я пришел в себя. Дрэк сидел на земле.

— Сон это, — воскликнул он, — или эти кубики, действительно, побороли меня? Но ведь, это всего только были кусочки металла!

— Да, они, действительно, казались кусочками металла, — сказал я.

— Кусочки металла, — повторил он растерянно. — Но, чорт возьми, профессор, они жили и соображали!

— Такие малютки! — воскликнула Руфь.

— Металлические малютки! — повторил Дрэк. — Но если они могли сделать то, что сделали...

— Вот именно, — закончил я его мысли. — Вы хотите сказать, что тогда могут сделать большие, если их малютки так сильны...

Я наклонился. На земле был след, крошечная копия того огромного следа, который мы видели на горе. Мне стало холодно. Точно открылась какая-то дверь в неведомый мир и из нее подул ветром.

— Идемте, профессор! — Дрэк помог Руфи перешагнуть через трещину в полу, и они побежали к выходу. Я последовал за ними...

Я не стыжусь сказать, что мне было жутко. То, что мы видели в полумраке рушащейся крепости, было совершенно невероятным, шло дальше всякой научной фантазии.

Металлические предметы с разумом! Мыслящий металл!

ГЛАВА VI.

Разрушитель.

Я вышел из крепости и окинул взглядом зеленую впадину. Я не верил своим глазам и протер их. Жаворонок спорхнул с камня и поднялся к темнеющему небу. Посреди древней дороги сидел заяц и, прислушиваясь, поднял уши. Сама впадина спокойно лежала под золотистым светом, — улыбающаяся, тихая, не внушающая никакого страха.

Я осторожно стал спускаться по дороге, по которой всего около часа назад мы шли с таким трудом. Да, ужасные течения, едва не погубившие нас, совершенно исчезли. Зеленая чаша была теперь всего только тихой, очаровательной впадиной среди гор. Я оглянулся назад. Даже развалины как будто потеряли свои жуткие очертания. Это были источенные временем, рушащиеся камни и больше ничего.

Руфь и Дрэк выбежали на криж и делали мне знаки. Я вскарабкался к ним.

— Все хорошо, — крикнул я. — Ведите Мартина и Чу-Минга. Скорее... Пока путь свободен...

Из ворот крепости выбежал Чу-Минг. Раздался выстрел, один, другой... Потом крик Вентнора:

— Руфи! Сорнтон! Дрэк! Сюда! Они идут!

Высоко на извилистых горной дороге засверкали копыта. Вниз катилась людская лавина. Поблескивали шлемы и латы. Передние воины были на крепких, черных лошадях. Их поднятые короткие мечи сверкали молниями. За всадниками шли пешие солдаты и над ними поднимались леса блестящих копий.

Снова раздался треск выстрела Вентнора. Один из передних всадников свалился, лошадь другого споткнулась об него. На мгновение натиск был задержан, пешие и всадники сбились на дороге.

— Дрэк, — закричал я, — бегите с Руфью ко входу в туннель. Мы можем задержать их там. Я уведу Мартина. Чу-Минг, живо за лошадьми.

Я толкнул их вниз по лестнице и крикнул Вентнору:

— Ко мне, Мартин! Руфь и Дрэк побежали к туннелю, через который мы сюда пришли. Скорее!

Мгновение спустя Вентнор бежал ко мне со сверкающими глазами.

— Моя лошадь! — Все наши запасы на ней.

— Чу-Минг позаботится об этом, — ответил я.

Руфь и Дрэк уже далеко опередили нас. Я оглянулся на бегу. Кавалерия снова двинулась и была теперь совсем близко от крепости. Я заметил, что кроме копий у всадников были еще луки. Туча стрел оторвалась от них, но не долетела до нас.

— Беги скорее, Луис, — крикнул Вентнор, — сейчас будет сюрприз. Надеюсь, что я правильно рассчитал.

За нами раздался громовый удар, грохот. Я обернулся. Над разрушенной крепостью стояла туча дыма и пыли. Туча рассеялась и я увидел, что половина крепости развалилась и засыпала дорогу. Среди камней лежали люди и лошади. По ту сторону засыпанной дороги наши преследователи были задержаны, как поток воды неожиданно упавшим деревом.

— Бежим скорее! — крикнул Вентнор. — Это задержит их ненадолго.

Мы мчались вперед, и Руфь и Дрэк были теперь уж совсем близко от входа в зеленый туннель. Вдруг Дрэк остановился, поднял ружье и выстрелил. Потом он схватил Руфя за руку и побежал назад. В это время мы увидели, что туннель, на который мы так надеялись, занят вооруженными людьми. Мы были окружены.

— Расщелина, — крикнул Вентнор.

Дрэк услышал, потому что сейчас же бросился к отверстию в скалах, где, по словам Руфи, были найдены маленькие металлические предметы. Вслед за ним гнал лошадь Чу-Минг. Из туннеля во впадину высыпали солдаты. Мы с Вентнором опустились на колени и стали стрелять в них. Они отступили, мы же бросились бежать.

Но сразу раздался крик, похожие на волчий рев. Это воины, наступавшие по дороге, перебрались через баррикаду, созданную взрывом динамита.

Мы бежали так, как я никогда не думал, что можно бежать. Мы были уж совсем близко от расщелины. Но и враги наши были совсем близко от нас.

— Мы не добежим, — крикнул Вентнор, — бросайтесь на землю и стреляйте.

Мы легли, повернувшись лицом к нашим врагам. Раздлись торжествующие крики. И в момент странного обострения чувств, всегда идущего рука об руку с опасностью, точно сама природа призывает все наши резервы для встреч этой опасности, — мои глаза с фотографической точностью зафиксировали вооруженных людей: кольчуги, луки, дротики, короткие бронзовые мечи, щиты и под шлемами боратые лица — с такой же белой кожей, как у нас. Сверкающие глаза...

Воины жестоких, победных ратей Ксеркса, сладострастных, алчных воинов Дария, расклеванные Александром, — в нашем мире двадцатого столетия!

Они приближались к нам, очевидно, намереваясь взять нас живыми.

сиявшие, как золотое пламя, не были причиной, заставившей меня выронить из рук ружье. Это были ее глаза — огромные, глубокие, лучистые. Они сияли на ее белом лице, точно были холодным, белым пламенем самих звезд — такие же спокойные, как звезды.

Шагах в пятидесяти от женщины стояли Руфь, Драк и Чиу-Минг и смотрели на нее, не сводя глаз. Она движением подзвала их к себе. Руфь побежала к ней, Драк продолжал

— У меня осталось всего только десять патронов Мартин, — сказал я.

— Боюсь, дружище, что мы погибли, — ответил Вентнор.

Дикий рев — и людская лавина покатила на нас. Мы вскочили и в отчаянии, растрчивая последние патроны, были уже готовы встретить натиск.

Но что случилось с воинами? Они остановились. В то же мгновение Драк и Руфь перестали стрелять. Мы обернулись, чтобы взглянуть на них, и так же застыли на месте, как и наши враги.

На темном фоне расщелины стояла женщина. Она была высокого роста, выше, чем наш Драк. Но ни этот рост, ни волосы ее,

прикрывать собой девушку, но Чиу-Минг не тронулся с места. Глаза женщины обратились ко мне и к Вентнору. Она и нас подзвала жестом.

— Скорее, — шепнул мне Вентнор.

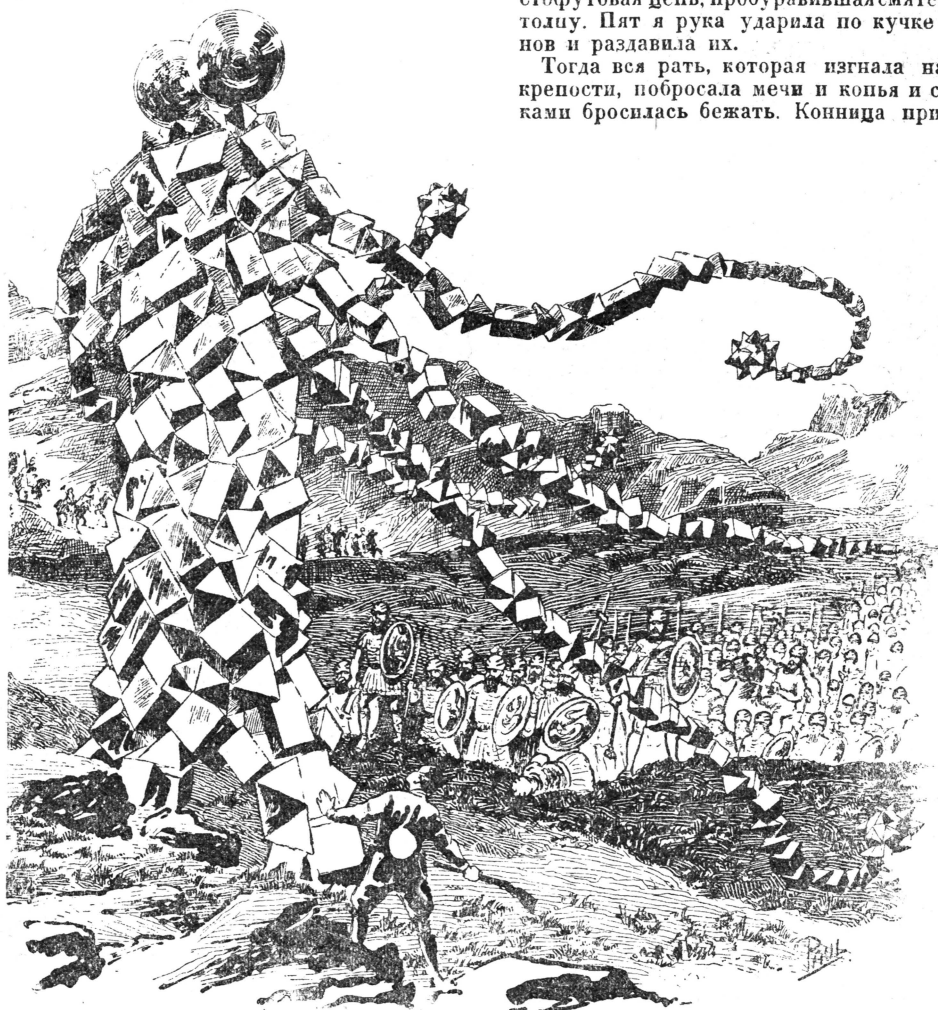
Мы побежали. Наш бег точно нарушил какое-то очарование, и снова за нашими спинами поднялся гул и звон оружия.

Женщина высоко подняла голову. Металлическое облако ее волос сияло, пламенело. Из закинутого назад горла раздался вибрирующий крик, гармоничный, нежный, точно золотой. Прежде, чем крик этот замолк, из расщелины с невероятной быстротой полился поток металлических шаров, кубов, пирамид. Не таких маленьких, как те, которые мы видели в крепости, а футов в четыре высотой, с мириадами сверкающих точек на блестящей поверхности, точек, странно похожих на немигающие глаза. Расщелина без конца извергала эти непонятные металлические предметы, они стекались в одно место и образовали баррикаду между нами и вооруженными людьми. Их встретил дождь стрел. Снова раздался клич женщины—золотой, повелительный.

стоя и прямоугольная колонна. С правой и с левой ее стороны выскочило по три руки, три руки, которые все росли и росли. Вот перед нами стояла огромная колонна, геометрическое чудовище. Ее венчали два больших шара. Слева и справа, невероятные, узловатые руки, футов по пятьдесят в длину, размахивали и извивались, странно напоминавшие движения боксера. В конце каждой из этих шести рук были собраны в кучу шары, к которым прижались пирамиды. Это было внушающей ужас народией на многозубды гладиаторов, когда они дрались перед Цезарем.

Потом металлическая колонна двинулась. Две руки сверкнули и врезались в передние ряды вооруженных людей. Третья рука оторвалась и змеиным движением прижнулась к четвертой руке. Образовалась стофутовая цепь, пробурывавшая смятенную толпу. Пятая рука ударила по кучке воинов и раздавила их.

Тогда вся рать, которая изгнала нас из крепости, побросала мечи и конья и с криками бросилась бежать. Конница пришло-

Геометрическое чудовище, металлическая колонна двинулась и ударила по воинам.

Шары, кубы и пирамиды соединились и то, что я увидел, было похоже на тающую ртуть. Из этой массы вверх поднялась тол-

ривала лошадей и давила пехоту. Люди казались крысами, в панике рассыпавшимися по дну большой зеленой чаши.

После меня по мосту из кубов шел Драк, за ним Норхала, обняв Руфь...

Несущая смерть колонна завертелась и приняла другую форму. Там, где был столб и извивающиеся руки, теперь стоял треножник футов в тридцать высоты с ногами из шаров и кубов, а наверху его было широкое и вращающееся кольцо из сверкающих кругов. Из середины этого кольца тянулись щупальцы, извивающиеся, как стальной змей. На конце их соединились куб, шар и пирамида, составляя трезубец. Трезубец этот стал бить с удивительной меткостью по воинам, подхватывая бегущих и подбрасывая их высоко в воздух. Из туловища извивающейся змеи полил огненный дождь.

Я услышал, как вздохнула Руфь. Она упала без чувств на руки Драка. Слева от нас раздался топот множества бегущих ног; стон Чю-Минга.

Обезумели ли они от страха, или в отчаянии решили убивать, пока их еще не убили — не знаю. Но группа воинов из туннеля бежала на нас. Они молча нависали со сверкающими мечами и копьями.

Умерщвляющее Нечто увидело их, — в это мгновение я окончательно понял, что сверкающие точки в металле были глазами. Гигантски металлические щупальцы протянулись между нами и теми, кто угрожал нам...

В это время я услышал крик Чю-Минга. Я увидел, как он закрыл руками глаза и побежал прямо на пик.

— Чю-Минг! — закричал я пересохшим горлом и бросился за ним. Но не успел я сделать и пяти шагов, как копые пронзило грудь китайца.

Когда он упал, гигантская цепь ударила по солдатам. Она прошла по людям, как коса по созревшим колосьям. Она разбро-

сала их далеко по равнине. То, что осталось, не было похоже на людей.

Вентуор и я опустились возле Чю-Минга. На губах его была кровавая пена.

— Я думал, что Шин-Дже хочет нас убить, — прошептал он, — страх ослепил меня.

Голова его упала; тело затрепетало и затихло.

Мы поднялись. Возле расщелины стояла женщина и смотрела на Руфь, спрятавшую голову на груди Драка. Долина была усеяна горами убитых. Высоко в темнеющих небесах собирались коршуны, крылатые санитары гор.

Нечто умерщвляющее исчезло без следа.

Женщина подняла руку и снова подзывала нас жестом. Мы медленно подошли и встали перед ней. Огромные стальные глаза вопрошающе смотрели на нас.

ГЛАВА VII.

Норхала.

Сначала я видел только эти прекрасные, сияющие глаза, мягкие теперь, как умытые дождем апрельские небеса. Их серая радужная оболочка была усеяна золотистыми и сапфировыми точками, блестящими, как крошечные звездочки. Потом, с трепетом удивления, я увидел, что эти крошечные созвездия были не в одной только радужной оболочке. Они сверкали и в зрачке, как звезды в глубине бархатистого ночного неба. Но в этих глазах не было ни его угрожающего. Откуда же был этот холодный огонь, еще так недавно исходивший от них?

Над этими глазами были тонкие золотистые брови. Губы были — яркий коралл и нежнее мечты художника, но губы эти спали и не стремились проснуться. Прямой нос, высокий лоб и над ним масса волос — сияющий топаз, металлическое облачко.

В этой женщине было нечто не от того мира, который знаем мы, — и все же от него, как ветры Космоса живут в летнем ветерке, океан — в волне молнии — в светлячке. Она смотрела на нас, точно впервые видела себе подобных. Она заговорила, и голос ее звучал, как звон маленьких, золотых колокольчиков. Говорила она по персидки, на чистейшем, древне-персидском языке.

— Я Норхала, — прозвонел в тишине золотой голос. Я — Норхала.

Она протянула стройную руку и коснулась ею головы Руфи. Отвела голову Руфи от груди Драка и заглянула девушке в глаза. Потом протянула палец, коснулась слезы, висевшей на длинной реснице Руфи, и с удивлением посмотрела на нее. Как будто какое-то воспоминание вдруг проснулось в ней.

— У тебя... горе? — спросила она, как будто подыскивая слова.

Я плачу о нем, — Руфь указала на Чю-Минга.

— О нем? — в тихом голосе было недоумение. — Но почему же?

Она посмотрела на Чиу-Минга, потом обратилась снова к нам:

— Пойдемте со мной.

Она повернулась и пошла к расщелине. — Но мы не можем так бросить Чиу-Минга, — сказал Драк. — Закроем его по крайней мере от ястребов.

— Идемте! — Норхала дошла до входа в расщелину.

— Я боюсь! Я боюсь, Мартин, — шептала Руфь.

— Идемте! — повелительно повторила женщина.

Вентнор пожал плечами.

— Так идемте, сказал он.

Мы в последний раз взглянули на кийтайца, над которым кружились коршуны, и направились к расщелине. Женщина молча ждала, пока мы пройдем мимо нее. Потом скользнула за нами вслед.

Мы не прошли и десяти шагов, когда я увидел, что мы находимся не в расщелине, а в туннеле, прорубленном человеческими руками. Крышей туннеля была гора. Женщина прошла вперед и повела нас. Далеко вперед сиял бледный свет. Он трепетал, как призрачная завеса. Мы подошли к этой завесе, прошли через нее и вышли из туннеля. Перед нами было узкое ущелье, точно удар мечем расщек величественного горного гиганта, под ногами которого проноз туннель. Высоко над нами была лента неба.

Кругом было темно, но я почувствовал, что здесь нет ни деревьев, ни зелени. Земля была усеяна обломками скал, почти неразличимыми в надвигающемся мраке. Впереди в прорывах скал поблескивал свет.

— Стойте! — вдруг приказала Норхала. — Было бы хорошо закрыть этот путь, — говорила она точно сама с собой. — Он будет ненужен, когда...

Она вдруг тихо запела. Это был шепот, но с резко подче, кнутым ритмом. Это были тона, совершенно незнакомые мне, пробуждавшие странные картины летящих линий, кружащихся спиралей, слетающих арок света. Эта песня, если ее можно было назвать песней, — казалась мне этими движениями, превращенными в звуки.

В глубине туннеля началось какое-то движение, стали вспыхивать яркие зеленые молнии. Скала оторвалась и обрушилась.

Когда я раскрыл ослепленные глаза, молнии прекратились. Выход из туннеля был завален гигантскими обломками скал. Вокруг нас был шум, как от огромных тел, мчащихся мимо. Потом наступила тишина.

— Идемте! — Норхала, точно скользая, шла впереди нас. Мы молча последовали за ней. Наконец, лента неба над нами исчезла. Норхала остановилась. Из мрака впереди нас раздался странный, заглушенный треск, точно звуки пулемета.

Темноту прорезал бледно-голубой фосфорический столб света. Это, соединенные друг с другом, огромные кубы перекинулись, как мост, через зиявшую перед нами пропасть. Далеко снизу доносилось слабое

журчание воды. Ноги мои задрожали. Передо мной были такие же кубы, что составляли тело металлического чудовища, которое так шута расправилось с вооруженными людьми.

— Не бойтесь, — мягко, как детям, сказала Норхала, — переходите.

Я шагнул вперед. Мост тянулся ровный и гладкий и только полоски на нем обозначали те места, где один куб примыкал к другому. Я шел все смелее. Вот еще несколько шагов, вот мост перейден.

За мной перешел Вентнор и провел свою навьюченную лошадь. Он завязал ей глаза, чтобы она не могла видеть, по какому узкому пути идет. Дальше шел Драк, упокаивающе положив руку на круп лошади. За ними скользила Норхала, обняв Руфь. Когда они подошли ко мне, Норхала выпустила Руфь и снова пошла впереди.

Скоро я увидел над нашими головами звезд. Мы вышли в долину, окруженную так же, как и та, из которой мы бежали, высокими горами. Рядом была небольшая возвышенность и на нее-то и повела нас Норхала.

Окутывавшее ее легкое покрывало скользнуло и обнажило шею и плечи. Пряжка матового золота и поддерживала складки ее золотистой одежды. Широкий пояс охватывал бедра. На ногах ее были сандалии.

Блестящий луч зеленоватого света вынырнул из-за горы, коснулся зенита и исчез. На небе затрепетало како-то мерцание. Мы только на мгновение отвлеклись от женщины, но когда мы снова оглянулись на нее, ее уже не было.

На вершине скалы стояла Норхала и пела. Вокруг нее сверкали молнии. Свет наполнял ее, она была хрустальной вазой в форме женщины.

Воздушные рати стройных сверкающих копий зеленого света и развевающиеся стяги, призрачно голубые и красные, сгустились и стали ярче. Вентнор схватил меня за руку и потащил направо. Чухах в тысяче от нас над долиной поднималась черная скала. На вершине ее стояла Норхала.

Она откинула свое покрывало. Ее обнаженные руки были подняты кверху. Свет наполнял ее, свет исходил от нее, она была хрустальной вазой в форме женщины. Норхала пела.

Вокруг нее сверкали мириады огней, точно драгоценные камни. То вспыхивало пламя бледного изумруда, то горели рубины, передвигались огни опала. Потом из огней этих стали вырываться молнии. Они ударялись о прекрасное тело женщины, разбивались об него и спадали, точно каскадами.

Молнии омывали ее, — она точно омылась в молниях.

Небеса затянул легкий туман. Мрак, как завеса, упал между нами и черной скалой.

ГЛАВА VIII.

Очертания в тумане.

Руфь закрыла лицо руками и вдруг упала на колени.

— Подбодрись, Руфь, — Вентнор наклонился к сестре и провел рукой по ее волосам. — Что бы нас ни ждало, это все же лучше, чем вооруженные люди.

— Лучше ли? — сквозь слезы проговорила Руфь. — Я не знаю, Мартин, лучше ли?

— Ну, а я так уверен, что лучше. — Дрэк опустил рядом с ней. — Мы совершенно точно знаем, что случилось бы с нами, если бы эта вооруженная толпа одержала верх. Я не сомневаюсь, что для нас лучше быть с этой удивительной женщиной, чем с ними.

— Да, — но что же дальше? — прошептала Руфь.

— Это мы увидим, — ответил Дрэк, подпыхивая папирсоей. — Я было думал, что эти металлические предметы — автоматы, очень остроумные и сложные механизмы, движимые чем-то вроде радио. Может быть по тому же принципу, что и торпедо Гаммонда.

— Ах! — воскликнула Руфь. — Вы думаете, что они совсем не живые и что она... Норхала... управляет ими?

— А кто же другой? — спросил Дрэк.

— Гм! — Руфь подняла кудрявую головку. — Но подождите... Норхала не была поблизости, когда эти... малютки умчались из крепости. А это ужасное чудовище, убивавшее солдат? Да, ведь, оно просто с наслаждением убивало. Норхала не радовалась бы тому, что убивает. Она просто была бы спокойной и невозмутимой. А это чудовище радовалось. Нет, это не Норхала...

Руфь помолчала, потом продолжала:

— Может быть, эти странные предметы — и машины, как вы думаете. А, может быть,

они и живые. Но я больше не боюсь и не будем об этом думать.

— Молодец! — Вентнор похлопал Руфь по плечу. — Узнаю свою сестренку. Конечно, эти странные предметы живут. Возьмите назад вашу мысль о торпедо Гаммонда, Дрэк. Разве торпедо могло бы рассыпаться на свои составные части — пропеллер, остов, машину — и затем опять соединиться в одно? А потом снова рассыпаться и возродиться в совершенно новых формах?

— Так что же? Немножко сильного взрывчатого вещества из французского орудия большого калибра подбросило бы этого убийду выше, чем летает коршун, — сказал Дрэк.

— Оно могло бы рассыпать их, — ответил Вентнор, — но какой был бы в этом толк, если они тотчас же собрались бы снова и образовали бы какую-нибудь новую форму?

— А все же, упрямо продолжал Дрэк, — Норхала своим голосом управляла этим чудовищем в долине. Может быть, это автомат, построенный так, чтобы отвечать на известные тона.

— Дорогой мой, — перебил я Дрэка, — по моему, гораздо проще верить, что эти предметы живут, чем представить себе, что такие удивительные перемены и движения вызываются звуками голоса..

— Живут, — протянул Вентнор, — конечно, они живут. Каждый из этих предметов — мыслящее существо. Когда на их пути встречается какое-нибудь препятствие, их отдельные воли сливаются в одну. Они становятся вещью со множеством разумов и все эти разумы действуют, как один.

Долина затихла, точно из нее были вытянуты все звуки. Мы невольно умолкли и стали ждать Норхалу. Место, на котором мы находились, было выше уровня долины. Сгушавшийся туман медленно полз к нам снизу.

Таинственный посетитель.

Среди этого тумана вырисовался слабо светящийся четырехугольник. Он медленно поднимался. Потом почти у наших ног остановился матово-св. ркающий шестифутовый куб. Он уставился на нас мириадами глубоко сидящих поблескивающих точек.

По его следу плыли один за другим еще шесть кубов, похожие на блестящие спины каких-то морских чудовищ. Один за другими они прильнули к кубу, который появился первым. Они стояли теперь, точно установившись в нас глазами.

Позади них мы увидели Норхалу. Она прошла по кубам, точно гений света, и встала перед нами. Потом оглянулась на кубы, не произнося ни слова. Но средний куб скользнул вперед и остановился перед ней. Она подожила руку на край куба.

— Едем... со мной, — шепнула она Руфи.

— Норхала, — Вентнор сделал шаг вперед, — Норхала, мы должны ехать с ней. И эта, — он указал на лошадь, — тоже должна быть с нами.

— Я хотела, чтобы и вы ехали, — прозвучал голос Норхалы, — но я не думала про... эту.

Она повернулась к шести ожидавшим кубам. Снова, как по приказанию, четыре из кубов двинулись и помчали друг к другу. Они соединились и перед нами стояла платформа в двенадцать футов в квадрате, в шесть футов в высоту.

— Поднимайтесь туда, — указала нам на платформу Норхала.

Вентнор беспомощно смотрел на гладкую поверхность, возвышавшуюся перед ним.

— Поднимайтесь! — В приказании женщины звучало и удивление, и нетерпение. — Смотрите!

Она охватила Руфь за талию и с совершенно невероятной быстротой очутилась вместе с девушкой на верху одиноко стоявшего куба.

— Поднимайтесь! — прозвучала она снова, глядя на нас вниз.

Вентнор стал завязывать лошади глаза. Я оперся рукой на край куба и прыгнул. Невидимые руки подхватили меня и поставили на площадку.

— Поднимите лошадь ко мне, — крикнул я Вентнору.

— Поднять? — недоуменно спросил Вентнор.

Дрэк засмеялся.

— Ловите, — крикнул он и просунул руку под живот лошади, а второй рукой подхватил ее под шею. Его плечи поднялись и лошадка со всем грузом взвилась вверх и мягко спустилась рядом со мной на все четыре широко расставленные ноги.

— Следуйте за ней, — крикнула Норхала.

Вентнор и Дрэк прыгнули. С быстротой взмаха птичьего крыла они уже стояли рядом со мной.

Куб, на котором стояли Руфь и Норхала, полетел. Я видел, как они скрылись в тумане. Вслед за ними, точно бревно в безумно мчащемся потоке, мы тоже нырнули в туман.

Мы отправляемся в таинственное путешествие.

Кубы двигались так легко и мягко, что, если бы не ветер, хлеставший наши лица, и не стены из облаков, мчавшиеся мимо нас, я подумал бы, что мы стоим на месте.

Я увидел, что Вентнор направился к перелому краю платформы. Он шел так странно, точно ноги его вязли. Я попробовал пойти вслед за ним, но не мог поднять ног. Они только скользили по поверхности платформы, но оторвать их я не мог. У меня было такое ощущение, что до поаса я двинулся через густо сплетенную массу паутины. Мне пришло в голову, что если я соскользну с платформы, то смогу, как муха, ползать по вертикальным бокам ее, не падая.

Я добрался до Вентнора. Он пристально смотрел вперед.

— Вы не видите их, Соритон? — спросил он. — Как мог я отпустить Руфь одну!

— Эта женщина взяла и нас с собой, — сказал я, — и, конечно, не хочет нас разлучать. И в этом уверен.

Дрэк выронил из рук ружье. Когда оно ударилось о платформу, раздался странно высокий, металлический звук, тотчас же заглушенный, точно что-то всосало его в себя. Дрэк наклонился, чтобы поднять ружье, но напрасно провозился с ним. Ружье точно прилипло к полу.

Он толкнул ружье и оно скользнуло от него в сторону. Я наклонился, чтобы помочь ему. Ружье точно стало частью поверхности, на которую оно упало.

Мы услышали крик Вентнора и подняли головы. Головы наши высунулись из тумана, как головы пловцов из воды. Туман раскинулся вокруг, точно море. Впереди мы увидели женщину, окутанную почти до самых плеч туманом. К плечу ее прижималась кудрявая головка Руфи. На крик брата девушка обернулась и сделала ему успокаивающий жест рукой.

Мы мчались к выходу в гористой стене долины. Это было не расщелиной, а производило впечатление гигантских ворот.

— Смотрите! — закричал Дрэк.

Между нами и воротами туман стали разрезать какие-то сверкающие формы. Мелькали силуэты круглых тел, похожие на огромных дельфинов. Туман рассеялся. Мы быстро приближались к воротам. Теперь сверкающие формы окружали нас со всех сторон. Они собрались у ворот и влились в них, — целое полчище металлических предметов, провожающих нас, охраняющих нас, игравших вокруг нас.

Жутким, невыразимо жутким было это зрелище. Широкая и молчаливая долина, окутанная туманами, точно покрывалом; прекрасная голова женщины, несущаяся среди этого тумана; матовый блеск таинственных металлических предметов, плывущих вокруг нас в каком-то непонятном порядке; титанические, сверкающие ворота...

Мы были на пороге их. Мы перешли порог.

ГЛАВА IX.

То, что было дальше.

У этого порога туманы пенились, как волны, но не проникали дальше.

Я не мог определить, попали ли мы в ущелье, или в тоннель. Я не видел ни неба, ни крыши. Впереди несся куб, на котором были Руфь и Норхала. Женщина все еще обнимала девушку. Перед ними летели полчища металлических предметов, блестящих, точно вырезанных из голубой и полированной стали. Оглянувшись, я увидел, что такие же странные предметы мчались и за нами через ворота.

Стены высались перпендикулярно. Они поблескивали зеленым, металлическим светом. Они были каменные, но из камня, который как будто бы был выложен по особому плану и вытесан. И это совершенно гладких камней било меня по нервам и

порождало смутное желание какой-то дисгармонии, какого-то беспорядка.

Мы теперь быстро приближались к кубу, на котором были Руфь и Норхала. Вентнор наклонился вперед и крикнул:

— Руфь! Руфь!

Девушка медленно обернулась — и сердце мое сжалось и потом вдруг точно остановилось. На лице девушки был налет того самого неземного спокойствия, какое было на лице Норхалы. А в голосе ее был отзыв золотого звона голоса Норхалы.

— Да, — сказала она, — да, Мартин, не бойся за меня.

Я незаметно взглянул на Вентнора и Дрэка. Вообразил ли я это, или и они видели и слышали то же самое, что и я? Лицо Вентнора было бледно, а Дрэк стиснул зубы.

— Руфь! — в восклицании Вентнора был страх.

Она не обернулась. Казалось, она не слышала его.

Расстояние между кубами все уменьшалось. Дрэк напряг все силы, чтобы оторвать ноги от сверкающей поверхности и сделать прыжок. Пот ручьем лился с его лица.

— Не могу, — крикнул он, наконец, — не могу!

— Руфь! — снова позвал Вентнор.

Куб, теперь уже такой близкий, вдруг помчался вперед. Он летел все скорее и скорее. Наша платформа с такой же скоростью следовала за ним. Стены плыли с головокружительной быстротой.

Металлические предметы катились за нами волной. Эта волна была высотой в пятьдесят футов, и даже в ту минуту ужаса я заметил, с какой математической точностью возглавляли волну пирамиды, и с каким жутким порядком были расположены кубы и шары.

Волна подступала все ближе и ближе. Теперь она была прямо за нашей спиной. Из нее на нас смотрели мириады невозмутимых глаз. Мы присели, ожидая, что волна обрушится и раздавит нас.

В волне началось движение. Шары, кубы и пирамиды стали перетасовываться с поразительной быстротой. Волна стала понижаться и вдруг исчезла.

На месте волны появилась гигантская фигура, скользящая вслед за нами. Это

был двойник фигуры, разбившей вооруженных людей, но значительно больший по размерам.

Трудно, невероятно трудно нарисовать словами мчавшееся за нами диво, хотя оно и состояло из знакомых нам форм — кубов шаров и пирамид. Но именно в этой-то простоте составлявших ее форм и был ужас перед обыкновенным, превратившимся в непонятное.

Фигура поднималась до высоты пятидесяти взрослых мужчин и стояла на четырех, похожих на хоули, ногах. Ноги эти состояли из перемежавшихся шаров и кубов. Паучьи ноги поддерживали огромное цилиндрическое тело, с верха которого расходились в виде пятиконечной звезды соединившиеся вместе кубы. На каждом из пяти концов звезды появилось чудовищное тридцатифутовое колесо. Центром его были группы шаров, спицами — кубы, а ободами — большие сферические предметы.

Вся эта фигура образовалась в то время, как она невозмутимо скользила за нами.

— Профессор, — сказал Дрэк — как вы думаете, молодой этот развлекает нас или просто сам забавляется?

— Тут не над чем смеяться, Дрэк, — сухо ответил я, раздраженный его задором.

Пять колес, венчавших фигуру, начали вращаться. Они вращались вокруг собственной оси и медленно вертелись вокруг... тел самой фигуры. В своем вращательном движении колеса наклонялись, свисали над нами, глядя на нас бесчисленными звездными точками. Вдруг фигура легко подняла одну из своих четырех ходул, вытянула ее над нами и затем спокойно и тупо поставила ее перед нашей платформой. В движении было нечто отвратительно-научное. Туловище стало опускаться все ниже, грозя нас раздавить.

Две ноги поднялись кверху, соединились концами, оторвались от туловища и превратились в огромное колесо. Это колесо стало так быстро вращаться, что казалось сплошной лентой из полированной стали. Пять колес были теперь просто пятном.

Ноги стали быстро сгибаться и разгибаться. Снова раздались странные, стонущие звуки. Пять колес слились в один огромный круг и круг этот завертелся в зеленоватом тумане.

(Продолжение в следующем номере).

— ЭКСПЕРИМЕНТ. —

О ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ

Литературный очерк З. КЕЛЬСОНА.

Противники детективных рассказов утверждают, что они вредны, защитники их находят, что они не только занимательны, но могут служить и гимнастикой для ума, вроде шахмат или шарад. Но могут ли они, или вернее сочинители их быть использованы для утилитарных целей?

Редакция известной немецкой газеты «Берлинер Тагеблагт» недавно устроила своеобразный эксперимент: она переслала сообщение сыскной полиции о довольно запутанном, нераскрытом еще преступлении известнейшему в настоящее время детективному писателю, норвежцу Свену Эльфстреду с предложением прислать решение. В свою очередь сыскная полиция, конечно самостоятельно, производила свое расследование и ей удалось преступление раскрыть.

Эксперимент, состоявший в сравнении решения, к которому пришел Эльфстред, с тем, как обстояло дело в действительности, дал следующие результаты.

1. КТО ПРЕСТУПНИК?

(Сообщение сыскной полиции).

Около полуночи администрация большого отеля сообщила по телефону Берлинской сыскной полиции, что у проживающих в отеле иностранцев из их комнат только что похищены драгоценности на сумму пятьдесят тысяч долларов.

Сыскная полиция, в ту же ночь явившаяся в отель для расследования, установила следующее.

Потерпевшими оказались шведская супружеская чета Д. и американская чета С. Обе четы, уже продолжительное время живущие в отеле, находятся в тесных дружественных отношениях и занимают смежные комнаты в первом этаже. Окна выходят на улицу. Одна из комнат имеет балкон.

В вечер, когда произошла кража, обе четы, как обычно, совместно ужинали в комнате у американцев. После девяти часов они вчетвером спустились в отельный бар, заперев двери своих комнат и оставив окна и дверь на балкон открытыми.

После полуночи швед Д., поднявшись в первый этаж в свою комнату, увидел, что дверь соседней комнаты, в которой жили американцы, открыта. Заглянув в комнату он увидел, что у кровати стоит один из служащих отеля, так называемый контролер отеля.

На вопрос, что ему здесь нужно, контролер ответил, что ищет телеграмму, по ошибке сданную не в ту комнату. Так как

телеграмма не находилась, швед предложил контролеру посмотреть, нет ли ее в его комнате. Они вместе вошли в комнату шведа и тот обнаружил, что против обыкновения ящики туалета, дверь шкафа и крышка сундука открыты. У него тотчас же родилось подозрение, что совершена кража, он поставил ее в связь с контролером и известил об этом по телефону из своей комнаты администрацию отеля и оставшихся в баре жену и американцев.

Когда все указанные лица явились наверх, шведка обнаружила, что из ее комнаты похищена ценная брошь с пятью бриллиантами, американцы же в своей комнате обнаружили исчезновение ряда драгоценностей, колец, браслетов и жемчужного кольца из 107 жемчужин, стоимостью в 16 тысяч долларов. Перед дверью американцев в коридоре лежало несколько мелких вещей, — сережка, медальон. Из этого обстоятельства сыскная полиция сделала вывод, что преступник был застигнут врасплох во время работы. На вопрос директора отеля, что ему нужно было в комнате американца, контролер внезапно дал иной ответ, чем данный им первоначально шведу. Он смущенно заявил, что искал не телеграмму, а неделю тому назад исчезнувший ключ от комнаты. На указание директора отеля, что в отсутствие постояльцев он не в праве входить в их комнаты, контролер не смог ничего ответить. Его задержали до прибытия сыскной полиции и прибывший чиновник подверг его личному обыску. Из похищенных драгоценностей у него однако ничего не нашли.

Во время пребывания американцев и шведов в баре, в комнату американцев сначала входил номерной, убиравший посуду.

Затем в комнату входила, чтобы приготовить постели, камеристка американки, нанятая ею во время ее пребывания в Берлине. И, наконец, и в комнату американцев, и в комнату шведов входила, чтобы поглядеть все ли в порядке, горничная отеля.

Никто из этих служащих, по их показаниям, не обнаружил в комнатах ничего подозрительного. Все они, равно как и контролер, отрицали какую-либо причастность к краже. Контролер был арестован, но вскоре должен был быть освобожден, так как против него нельзя было найти никаких улик.

ЦЕЛЫЙ РЯД НЕДОУМЕНИЙ естественно должен возникнуть при попытке разрешить этот случай.

1. Если кражу совершило лицо, скрывшееся через окно или балкон, то почему мелкие драгоценности оказались в коридоре перед дверью комнаты? Или это маскировка?

2. Почему дверь в комнату шведов оказалась запертой? Или она была открытой?

3. Если двери в комнаты шведов и американцев, когда те спустились в бар, были заперты на ключ, как могли войти туда служащие гостиницы? Или ключ был оставлен у портье? И т. д. и т. д. У читателя, конечно, явится еще целый ряд других недоумений. Но быть может ему удастся все же построить свою гипотезу, разъясняющую этот случай.

II. КАК РАСПУТАТЬ НИТИ?

(Решение, присланное Свенем Эльфстедом).

ЛОЖНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ. Контролер мог бы обойтись без сыскной полиции, если в решающий момент он сконцентрировал бы свои подозрения на определенном пункте, вместо того, чтоб блуждать кругом да около. У него была возможность разоблачить сообщников непосредственно перед кражей.

На три пункта следует обратить внимание: 1) на балкон, 2) на ключ, 3) на то, что господин Д. вводит контролера в свою собственную комнату для поисков ошибочно сданной телеграммы.

В присланном мне сообщении с изложением фактических обстоятельств дела не

указано, какая из комнат с балконом соединяется ли они дверью. Полагаю, что последнее исключается, так как речь идет о первоклассном отеле, где подобное старомодное устройство едва ли еще встречается.

Полагаю далее возможным исходить из того, что с балконом была комната американцев, как большая. Большая она должна быть потому, что в ней ужинали обе четы, как в более удобной.

Когда г-н Д. внезапно нашел контролера отеля в комнате американца, тот объяснил, что ищет телеграмму, на самом же деле он искал исчезнувший ключ от комнаты. Почему же он не хотел сказать господину Д., что он ищет ключ? Потому что у него была причина это от него скрыть. Какая причина? Потому, что ключ был от комнаты американца. История кражи начинается с исчезновением ключа.

Контролер, который был обязан следить за охраной имущества постояльцев, знал, что американец очень богат и имел при себе драгоценности. С того момента, как исчезает ключ от его комнаты, становится поэтому необходимым быть особенно настороже, разумеется, с соблюдением всех предосторожностей.

Так как нужно было считаться с возможностью, что ключ мог быть украден, контролер сообразил, что легче всего признать ключ мог швед, находившийся с американцем в ежедневном общении.

Контролер не дерзнул бы развивать дальше подобное подозрение против гостя своего отеля, если бы не укрепились в нем благодаря каким-либо другим обстоятельствам. Контролер заметил, что швед находится в какой-то связи с г-ом Х., также проживающим в отеле. Он видел, что они встречались вне отеля. Это не было бы подозрительным, так как о г-не Х. не имеется никаких неблагоприятных сведений, но показалось странным, что в отеле г-н Х. и швед проходили друг мимо друга, как если бы были незнакомы между собой.

С этого времени контролер наблюдал и за шведом, и за г-ном Х. В вечер совершения кражи горничная сообщила ему, что в комнате шведов и американцев все приведено в порядок. Немного позже он прошел по коридору и убедился, что обе двери заперты.

В этот вечер он особенно интересовался всем, что делал г-н Х. Ему показалось,

что Х. проявляет некоторую нервность, что имело место и на самом деле, так как Х. в своих блужданиях по отелю чувствовал, что за ним шпионят. Наконец, уже после полуночи контролер потерял Х. из виду. Он справился о нем и установил, что тот не находился ни в одном из общественных помещений отеля, ни в своей комнате и что он также не выходил из отеля. Он снова делает свой обход по корридору, на всякий случай нажимает ручку двери американца и находит ее открытой. Он входит в комнату (кража еще не совершена), из предосторожности оставляет дверь за собой открытой и останавливается у кровати. Он пытается комбинировать. г-н Х., г-н Д., исчезнувший ключ, открытая дверь... В этот момент показывается г-н Д. и, повинувшись первому побуждению, контролер скрывает истинную причину своего присутствия. Он говорит о телеграмме.

Что же произошло до этого момента? После того, как шведской чете удалось вкратце в доверие к американцам и стать их друзьями, они выработали план ограбления их. Прежде всего он должен был быть выполненным таким образом, чтоб на чету Д. не могло пасть ни малейшего подозрения. Кроме того, драгоценности тотчас же должны были быть удалены из отеля, так как нужно было предположить, что по совершении кражи всюду могут быть произведены обыски.

Недостаточно, далее, чтобы в комнате шведов была бы также симулирована кража, что является слишком примитивным трюком. Им необходимо было иметь полное алиби, что могло быть достигнуто лишь в том случае, если сами они активно совершенно не участвовали в краже. Поэтому то и необходимо работать с сообщниками, прежде всего и главным образом с г-ном Х.

В назначенный вечер Х. должен проникнуть в комнаты Д. и американцев после того, как прислуга приготовит все на ночь и он убедится, что обе семьи в дружественной беседе сидят в баре. Как скоро он совершит ограбление американцев, он должен передать драгоценности с балкона другому сообщнику, который с улицы даст знать, что воздух чист. Подобное предприятие не представит затруднений. Улица (быть может переулок) в этот поздний час уже пустынна и темна. Г-н Х. заранее приготовил мешочек, в который укладываются драгоценности. Благодаря этому — с одной

стороны достигается то, что драгоценности тотчас же окажутся в надежном месте вне отеля, а — с другой стороны, — никто из подозреваемых в момент совершения кражи не покидал отеля. Если, значит, подозрение пало бы на Х. он может сослаться на это обстоятельство и после личного обыска и обыска в его комнате доказать свою невиновность. Когда работа будет закончена, Х., по уговору, должен спуститься в бар и заказать себе коктейль. Это послужит сигналом, что все в порядке. После этого обе семьи могут направиться в свои комнаты.

Но г-н Х. замешкался в виду того, что не смог отвлечь внимание контролера. Время бежит, уже полночь, и американцы выражают желание отправиться к себе.

Г-н Д. нервничает, так как г-н Х. не показывается. Ему нужно воспрепятствовать, чтобы американцы не отправились слишком рано к себе, и посмотреть, по какой причине произошла задержка. Он быстро поднимается в первый этаж. Здесь он видит открытую дверь в комнату американца и застаёт в ней контролера.

Вор, г-н Х. тоже здесь, но на балконе. Его застиг врасплох приход контролера. В больших отелях между комнатой и корридором имеется всегда еще гардеробная и у Х. таким образом было достаточно времени, чтобы скрыться на балконе. Д. замечает его сквозь щель portьеры и моментально соображает, что сейчас во что бы то ни стало нужно выставить из комнаты контролера, освободить дорогу. Помогает ему в этом отговорка контролера относительно телеграммы. Он приводит его в свою комнату, чтобы он мог искать ее там. Здесь он «с ужасом» обнаруживает кражу и, пользуясь создавшейся ситуацией, закрывает дверь и громко, так что Х. на балконе должен его слышать, приказывает контролеру:

— Пока что вы не покинете этого помещения!

Сравнительно долго он занимается затем осмотром и берется за телефон лишь тогда, когда у Х. было достаточно времени для ограбления комнаты американцев и для того, чтобы выбросить мешок с драгоценностями сообщнику, ждущему на улице.

Сделав это, Х. покидает комнату. В корридоре он нарочно роняет медальон, чтоб ввести полицию в заблуждение, навести ее на ложный след, будто бы драгоценности унесены в отель, а не через окно. После этого он может совершенно незаметно от

правиться в бар, так как единственный наблюдавший за ним — контролер — заперт в комнате г-на Д.

В это время приходит вызванный г-ном Д. директор отеля и американцы. Контролер в своих объяснениях говорит теперь уже не о телеграмме, а о ключе, но все еще смущенно молчит, потому что ведь присутствует еще г-н Д. Лишь оставшись наедине с явившемся сыщиком, он может высказать ему свои подозрения.

Опытным сыщикам теперь уже не трудно будет распутать последние нити в схематически набросанном мною решении. Дальнейшая работа уже чисто технического характера. Преступники известны, нужно выяснить, где находятся драгоценности. Само собой понятно, что ни по отношению к Д., ни к Х. не высказывается ни малейшего подозрения. Они чувствуют себя в полной безопасности. Сыскальная полиция Берлина ведь славится своим умением ублаживать заподозренных, в то же время ни на мгновение не оставляя их вне наблюдения. Через короткое время Х., за которым всюду ведется слежка, встречается с сообщником, который ждал на улице. Таким образом найден прямой след к драгоценностям. Их находят, но среди них не оказывается броши г-жи Д., обстоятельство, которое, в связи с другими уликами, дает неразрывную цепь доказательств для уличения всех сообщников.

III. КАК ЖЕ ОБСТОЯЛО ДЕЛО В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

(Сообщение вице-президента Берлинской полиции д-ра Э. Вейс).

СВЕН ЭЛЬФСТЭД ПРАВ. Не виновником кражи был не швед г-н Д., а его жена.

Дознание и предпринятые после обнаружения кражи розыски вскоре направили подозрение на г-жу Д. При наведении справок о прежней ее жизни выяснилось, что хотя она никогда еще не вступала в конфликт с полицией или судом, но в разных местах, в которых она раньше в Берлине жила или бывала, таким же непонятным образом исчезали драгоценности. Последующими допросами было установлено, что накануне кражи г-жа Д. сказала американке, что носить столько украшений бесвкусно (и на самом деле американка на другой день не надела драгоценности, а оставила их в ящике туалета). Улякою против шведки послужило и то установленное допросами

обстоятельство, что когда обе четы совместно спускались в бар, она внезапно остановилась и, под предлогом, что у нее спустилась подвязка, на короткое время вернулась в первый этаж. Сыскальная полиция полагала, что этим временем она и воспользовалась для совершения кражи.

После установления этих улик и после того, как за г-жой Д. в течение нескольких дней было установлено наблюдение, она была арестована и доставлена в сыскальную полицию. Сначала она отрицала свою вину, но вынуждена была сознаться под давлением улик, когда ей предъявили похищенные драгоценности. Обнаружены они были следующим образом. Сыщик, отвозивший ее из отеля в сыскальную полицию, уже в отеле заметил, что она возится со своей подвязкой. Во время езды он заметил, как правая рука г-жи Д. коснулась обивки стенки авто, поэтому, когда они вышли, сыскальная полиция основательно обыскала автомобиль и в том месте, где г-жа Д. коснулась обивки, нашла завернутый в полотняную тряпочку ватный тампон. По виду его можно было заключить, что г-жа Д. спрятала его особенно тщательно... В тампоне было три похищенных кольца и разрезанное на двое жемчужное кольцо. И другие драгоценности были найдены. Часть их (платиновый браслет с часами и золотой портсигар) при обыске после ареста ее были обнаружены в обивке кушетки в комнате шведов, другая часть (бриллиантовые браслеты) в обивке кресла в комнате американцев.

Если, таким образом, подозрения сыскальной полиции оказались основательными, в одном пункте предположения ее оказались ошибочными: кража была совершена не вечером, когда г-жа Д. вернулась с лестницы в первый этаж, но уже после обеда, и именно в тот момент, когда она, как обычно, находилась в комнате американки и та на короткое время пошла в находящуюся рядом ванну.

Таким образом в результате эксперимента оказалось, что теоретические построения детективного писателя в основном, в обнаружении виновников преступления, — совпали с практической работой в этом направлении сыскальной полиции. Кто после этого возьмется утверждать, что уголовные рассказы в смысле практической бесполезны.

Берлинским судом шефенов г-жа Д. за кражу присуждена к году тюрьмы.

Систематический Литературный Конкурс

В каждой книжке «Мира Приключений» печатается по одному рассказу на премию в 100 рублей для подписчиков, то есть в течение 1928 г. будет дано 12 рассказов с премиями на 1200 рублей. Рассказ-задача № 1 напечатан в декабрьской книжке 1927 г.

Основное задание этого Систематического Литературного Конкурса нового типа—написать премируемое окончание к рассказу, помещенному без последней, заключительной главы.

Цель Систематического Литературного Конкурса—поощрить самостоятельность и работу читателя в области литературно-художественного творчества.

Рассказ-задача

№ 11.

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой все ясно и гладко кроме мостовых.

Время несется бешено. Каждую минуту надо поймать за хвост и выжать из нее, что можно. Да и минуты все на счету. А дела столько, что переделай минуты в часы и тогда окажется нехватка во времени.

— Электрическая жизнь, братишка! — любил подпустить юркий, как блоха, Глеб Шабров.

— Толчея какая-то, крупорушка, — огрызаясь склонный к покою его брат Клим.

— То ли еще будет! Подожди ка, лет через 25—пропеллером будут люди вертеться! — подзадоривал Глеб.

— Или впадут в идиотизм, — ворчал Клим.

— А это будет зависеть от устройства механизма. Кто—в идиотизм, а кто—в гениальность. Задача на сопротивление материалов, браток.

— Ну, и крутись на холостом ходу, а мне не мешай...

И каждый погружался в свое.

Шабровы—братья близнецы. Внешне похожи друг на друга, как два воробья. Даже близкие знакомые путают. Оба рыженькие,

в меру курносые, в меру скуластые, как и полагается быть детям крестьянина. Только Глеб повыше и подвижнее, а Клим — пошире и медлительнее. Внутренно—разница больше. Глеб жизнерадостен и взрывчив. Клим—вдумчивее, тяжелее на подъем. Глеб усваивает все быстро, слету, не совсем прочно и скоро забывает. Климу все дается труднее, в голову входит ту же, зато удерживается прочнее.

В общем оба славные ребята и хорошие товарищи. Оба страдают неукротимой жаждой знания, хотя конечные цели представляют себе по-разному. Для Глеба наука—действенная динамика, движение вперед, полет в неизвестное, прокладка пути для всех, идущих позади. Для Клим — устойчивая статика, углубление куда-то внутрь, пожалуй, внутрь себя, вrostание в твердое, найденное, трамбовка отвоеванного поля для собственных надобностей.

На почве внутреннего несходства у братьев нередки добродушные стычки.

— Иголка у тебя? Не сидится спокойно? — сердится Клим на брата.

— Мухляк ты, Клима, — смеется Глеб. — Гормонов у тебя не хватает. Подожди, я тебя переключу.

— Самого надо ошнать. Часто хвост своей ловишь, что породистый щенок. Обрубить его, чтоб не загрызался. Бесятся, бывает, от этого.

— А в носу ковырять лучше? И от этого с ума сходят. Вон у нас один ошметок свихнулся, вообразил, будто у него в носу канализацию чинят. Всю сопелку себе расковырял, все сезонников выковыривал. Смотри, вот и ты так-то...

— Дай заниматься, Глеб! Довольно анекдотов, у меня зачеты на носу...

— Вот видишь, у того канализация, у тебя—зачеты,—хохотал Глеб.

Короткие интермедии сменялись продолжительной зубрежкой. В общем жили мирно, любовно, веря в себя и людей, как верят только в двадцать лет. Вместе, не расставаясь, выползли из деревни, вместе окончили рабфак и в этом году держали в Электротехнический Институт.

Все шло как нельзя лучше, когда с Климом случилась эта скверная история. Братья возвращались с экзаменов. Крошил дождичек. Чинились мостовые. В самой толчее Ленинграда перешивался трамвайный путь. Грудами лежали булыжники и ослизлые торцы. Между ними, с опасностью для всего живого, пробивались автомобили, грузовики, экипажи. Оглушительно звонили трамвайные поезда. Среди этого хаоса ловко лавировали натренированные пешеходы. Шабровы были утомлены и голодны. У Клима последние дни замечались некоторые признаки переедания. Он был вял и апатичен, однако отвечал на экзаменах толково. Скоро должно все кончиться и тогда можно будет отдохнуть.

Остановились на перекрестке, пропуская трамвай. С противоположной панели махал кепкой и что-то весело кричал с братьям Онучин, —приятель, только что окончивший медвуз. Глеб первым ринулся в поток, держа курс на Онучина. Клим двинулся за ним. На средние улицы задержались, —откуда-то прорвало целую вереницу автомобилей. Глеб, бывший несколько вперед, оглянулся на Клима. В это время из поперечной улицы, выхлываясь как после контузии, выскочил велосипедист, пытавшийся обогнать Глеба. С другой стороны двигался грузовик, где то сзади оглушительно завопил трамвай. Глеб метнулся от грузовика в сторону и почти упал под велосипед. Быстрым движением Клим вытолкнул брата из под велосипеда. Велосипед вихнулся, Глеб выскользнул, но Клим столкнулся с машиной. Толчок был легкий, однако Клим не удержался на скользкой мостовой, раскинул руки и со всего размаха упал навзничь. Он ударился затылком об острый угол деревянной шапки и потерял сознание.

Было это 15 августа 1928 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ. которую пишет Время

.....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

вытекающая из первой, но являющаяся продолжением второй.

Клим Шабров лежал с закрытыми глазами. У него сильно болела голова. Ему нужно было что-то вспомнить, очень важное, но думать совсем не было желания. Чей-то сердитый голос негромко бубнил по близости:

— Самый пустячный случай и такая преступная небрежность. Что это за кунсткамера такая? Ведь все ясно. Вследствие падения, от черепной коробки отделилась косточка, которая давила на мозжечок. Правда, отщепления наружи незаметно, но это легко было предположить. Устраните раздражительность и мозг начнет функционировать попрежнему. А они тут уников культивируют... Халатность...

— Оком это он? — невольно думал Клим. — Лень глаза открывать, а надо бы взглянуть, что за трепач такой... Верно к Глебу кто приперся... Что же это я? А экзамены то? — вспомнил, наконец, Клим и вскочил с постели.

— Куда вы?.. Лежите...

Возле стоят двое одинаковых — сухощавых, очкастых, в белых халатах.

— Чего — лежите? Тут экзамены, а не лежите, — сердито огрызнулся Клим.

Один из очкастых, тот что пониже, скрипнул рот на сторону, улыбнулся вроде. Другой, повыше, уложил Клима:

— Чепуха. Отменены всякие экзамены. Вообще будете лежать пока швы срастутся. Вот видите, коллеги...

И он залопотал что то по латыни, обращаясь к другому. Клим только сейчас заметил, что вся его голова забинтована. Он оглянулся по сторонам. Просторная, чисто оштукатуренная, незнакомая комната. Должно — больница.

— А Глебка придет? — тоскливо спросил Клима.

Очкастые переглянулись.

— Вы о брате? — спросил сердитый. — Ему уже телефонировали.

Климу стало смешно:

— Скажите, какой фон барон! Без телефона, комолый чорт, не мог проведать? Я в больнице? Да?

— Да, здесь лечебница.

— Сразу видно. А когда это было? Вчера? Третьеиюнь? Ну, когда ласнулся-то я?..

— Это было сравнительно недавно, дружище, —чек нна произнес сердитый. И оба снова переглянулись и засмеялись.

— Вот будет буза, если я с этой иднотской шуткой институт проморгаю! — завоновался Клима.

— Ну, ну, не волноваться, вам вредно, — сказал сердитый. — Буза, как вы говорите, все равно будет. Дайте руку... Вот так... Сейчас мы вас успокоим.

Очкастый №1 достал шприц и уколол Клима в руку. Клима сразу куда-то провалился.

— Интересный тип, — покачал головой первый.

— Да. Этот набузит на весь мир, — заметил второй.

Клим очнулся от неприятного колющего в щеке. Словно под повязку загнули жесткую щетку. Головная боль прошла. Клим чувствовал себя бодрим, отдохнувшим. Он порывисто поднялся и спустил ноги с постели.

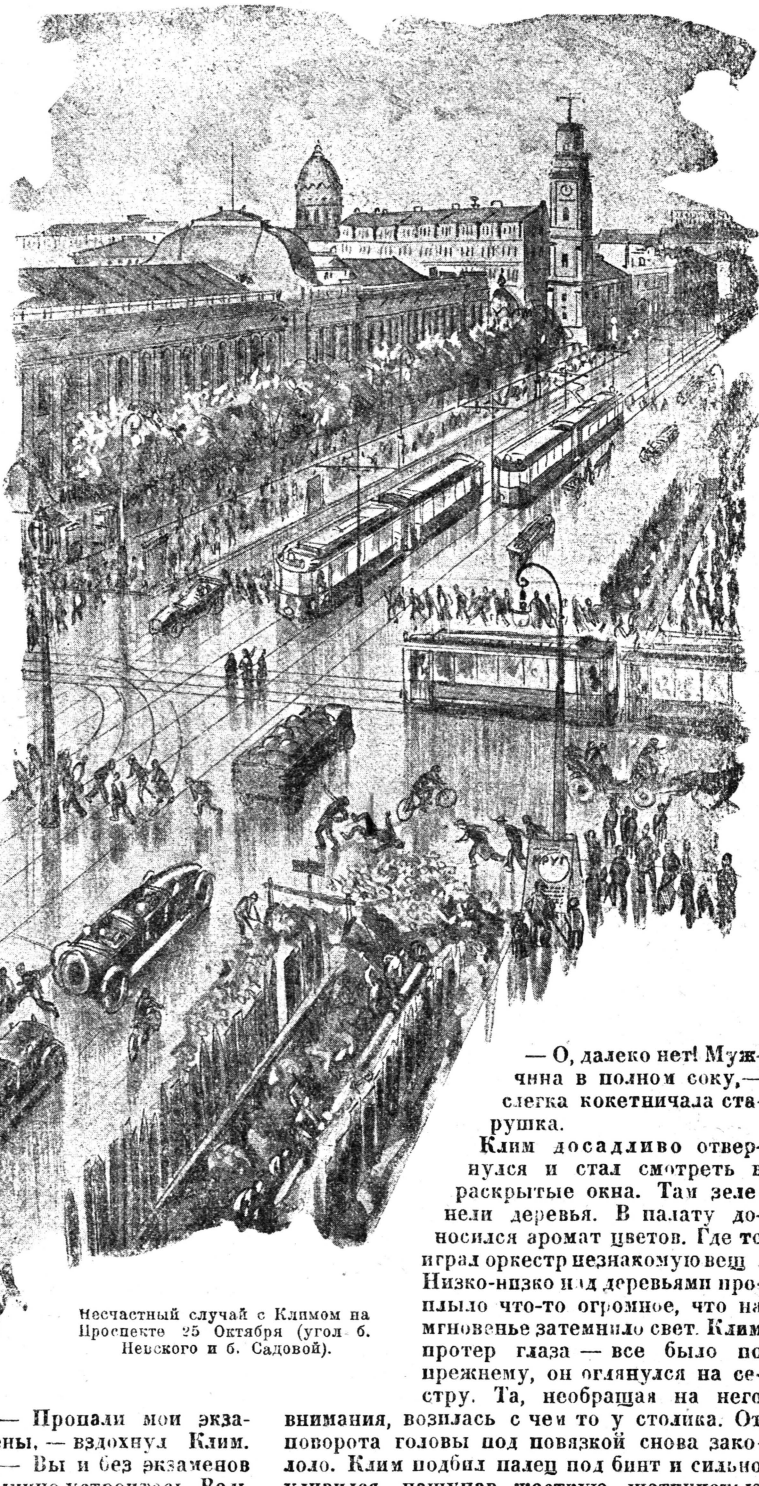
— Bravo! Совсем молодой человек! — приветствовала его подошедшая немолодая женщина в белом. — Молодец, большой. Могу вас порадовать, сегодня повязку снимут.

— Который же сегодня день?

— После операции девятый.

— А после того, как я хрястнулся?

— Этого я не могу сосчитать, — улыбнулась сестра

Несчастный случай с Климом на Проспекте 25 Октября (угол б. Невского и б. Садовой).

— Пропали мои экзамены, — вздохнул Клим.

— Вы и без экзаменов отлично устроитесь. Ведь вы у нас исключительный больной... Только надо быть паничкой и не волноваться...

— Что это вы со мной, как с дурачком разговариваете? — не понравилось Климу, — я уже не ребенок...

— О, далеко нет! Мужчина в полном соку, — слегка кокетничала старушка.

Клим досадливо отвернулся и стал смотреть в раскрытые окна. Там зеленели деревья. В палату доносился аромат цветов. Где то играл оркестр незнакомую вещь. Низко-низко над деревьями проплыло что-то огромное, что на мгновение затемнило свет. Клим протер глаза — все было по прежнему, он оглянулся на сестру. Та, не обращая на него

внимания, возилась с чем то у столика. От поворота головы под повязкой снова закололо. Клим подбил палец под бинт и сильно удивился, нащупав жесткую щетинистую небритость.

— Вот те на! — подумал он. — С чего это борода так ползла? Должно с мази какой?..

— У вас нег ли «вечерки»? — попросил Клим.

Сестра удивленно подняла брови:

— Что значит — «вечерки»?
— Ну, вчерашнюю вечернюю газету. Ведь сейчас утро?

— А если утро, то зачем возвращать вчерашний вечер? И как это сделать? — недоумевала сестра.

— Совсем идиотка, — подумал Клим.

Сестра покачала головой и повернула какой-то выключатель.

— Ленинград! Ленинград! — гаркнул кто-то на всю палату, так что Клим метнулся в сторону от неожиданности.

— Передовая. Международное обозрение.

— Фу, чорт! Громкоговоритель! — сообразил Клим. — Это хорошо, только нужно было предупредить, сестрица.

— Какое предупреждение? Вы же просили газету?

— То — газета, а то — радио. Разница! — наставительно пропел Клим. — Заткните глотку этому оралу, не слышно ничего.

Сестра пожала плечами и снова повернула выключатель. Стало тихо, как в могиле.

— Дайте обыкновенную бумажную газету, ту, что пятачек стоит. Имеется таковая?

— Не держим этого добра, — обиделась сестра и отвернулась.

— Тоже, чортова культура, — ворчал Клим. — Громкоговорителей наставили, а простой газеточки для вдумчивого читателя не допросишься...

— Отстали вы, гражданин, — вздыхая негромко заметила сестра.

Клим расхохотался. Он уже собирался прочесть этой сварливой женщине лекцию об истинной культуре, как дверь открылась и в палату вошли двое прежних и еще человек шесть обоего пола, — все в очках.

— Как себя чувствуем? — спросил сердитый.

— Понемножку, — недовольно буркнул Клим.

— Боли есть?

— Какие там боли!

— Так. Сядьте сюда. Уважаемые коллеги, — обратился он к вошедшим, — вы имеете перед собой чрезвычайно редкий случай, так называемого...

— Послушаем, как он им будет заливать калоши, — злорадно подумал Клим.

Но послушать не удалось. Сердитый что-то быстро зашопотал по латыни, обращаясь с Климовой головой, как с глобусом на подставке. Повязка давно уже была снята, а он костлявым пальцем, согнутым наподобие молоточка, все еще щелкал Клима по голому черепу, точно по звонкой античной вазе, и четко тарабарил. Белые люди в накрашенных позах, выгнув очки, благоговейно ловили слова сердитого, урывками разрешая себе удовольствие также щелкнуть Клима по черепу. Климу надоело слушать звон собственного купола, он уже хотел возмутиться, как лектор неожиданно оборвал латынь и закончил по-русски:

— Строго говоря, это должны были сделать наши коллеги прошлого, но эти коллеги, исследуя покрывку снаружи, не удосужились заглянуть, что творится внутри.

Теперь аппарат исправлен и будет функционировать вполне нормально. Как видите, ларчик открылся просто.

Лектор в последний раз щелкнул Клима доволно по больно по лбу. Слушатели зааплодировали.

— Чего проще, — пронырски думал Клим, ощущая шрам на затылке.

— Поздравляю, гражданин, со вступлением в новую жизнь, — обратился сердитый к Климу и потряс ему руку. Все присутствующие проделали то же самое.

— Чего это они дурака ломают? — Какая новая жизнь? — подумал Клим и спросил довольно грубо.

— А как с Глебкой? То есть я спрашиваю, придет ли за мной брат?

Профессор засмеялся. Ассистенты подхихкивали.

Притти — это будет утомительно. Но, конечно, явиться за вами он не замедлит. Впрочем мы сейчас справимся. Смотрите на эту стену.

Профессор сделал знак сестре, та нажала какую-то кнопку. Все погрузилось в потемки. По легкому шороху у окна Клим догадался, что это опустили шторы. Неожиданно стена, на которую указал профессор, растаяла. На ее месте Клим увидел большую, замысловато обставленную комнату с огромным письменным столом возле окна. За столом, спиной к Климу, сидел какой-то тучный человек с короткими седеющими волосами. Человек с досадой повернул к Климу лицо и тоже щелкнул выключателем:

— Да, инженер Шабров! — сказал он; в ту же минуту досада сбежала с его одутловатого лица и оно стало добрым и ласковым.

— А! Клим! Здравствуй, старичина, как прыгаешь? Да не делай такого испуганного лица, сейчас все поймешь. Очень рад, старик, твоему выздоровлению. Минут через 20 буду...

Клим не мог взять в толк, что за чертовщина творится вокруг него? Несомненно, он слышал голос брата, но эта тупа, которая сейчас улыбается ему, даже отдаленно не напоминает Глеба. Клима взорвало.

— Слушайте, вы! Я не люблю шуток! — крикнул он, делая шаг к толстяку.

Кто-то схватил его сзади за плечи.

— Да потерпи же, старик! — сказал толстяк голосом Глеба и все исчезло.

Клим снова в знакомой палате. Вокруг стоит толпа белых, окастых людей, они весело перешептываются между собой. Профессор держит Клима за плечи и мягко нежует:

— Экий вы нетерпеливый. Чутьочку выдержки и все разъяснится. Через полчаса вы будете вполне в курсе дела...

Климу комок подкатил к горлу, захотелось заплакать, но он сдержался и кротко спросил очкастого:

— Скажите, я сумасшедший?

— Такой же, как и я.

— А может быть мы все — сумасшедшие? Кто знает...

Кругом засмеялись.

— Зачем вы меня мистифицируете? Как будто рады чужому несчастью.

— Это недоразумение, голубчик, — мягко заговорил профессор. — Все очень дружелюбны к нам и искренно рады вашему обществу. Просто вы... как бы это сказать? Ну, не освоились с нашей эпохой, что ли...

Клим насторожился.

— Какое у нас сегодня число? — в упор спросил он профессора.

— Первое сентября.

— А год?

— Пятьдесят третий.

— Что значит — пятьдесят третий? — растерянно спросил Клим, — Я не понимаю...

— 1953-й. Только то и значит. Понятно?

— Все понятно... — еле выговорил Клим и, опустившись на койку, заплакал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

грубыми мазками рисующая картину иной жизни.

Через несколько минут Клим стоял перед зеркалом в коридоре и рассматривал свою фигуру, которая повергла его в отчаяние. Неуклюжая, толстенная коротышка, как будто грубо вырезанная из картофешины. Нездоровое, одутловатое, землистое лицо. Густая, рыжая щетина на подбородке. Череп гол и блестит, как пожелтевший бильярдный шар. Типичная фигура человека под 50 лет.

— Совсем кулак Вавила, — с грустью думал Клим. — Стоило трудиться воскресать в образе такого скота. Музейный экспонат!.. Ну, что я теперь? Берцовая кость ихтиозавра, каждый праздный зевака сочтет своим долгом колупнуть!.. — Воскрешший варвар! — с горечью констатировал он вслух.

— Здравствуй, воскресший варвар! — раздался веселый голос Глеба. Клим обернулся. Перед ним стояла грузная фигура, которую он видел на экране несколько минут назад.

— Ну, поделуемся же, Клим. Или забыл своего брата Глеба? Что? Не похож? Пустяки, через час приглядишься. А вот ты, по моему, ни чуточки не изменился за эту четверть столетия. Впрочем, я тебя навещал чуть ли не ежедневно, только ты меня не узнавал. Ну, думал я, так чурбаном и сойдет в могилу мой Климка. Вернись ли, я всю науку на ноги поставил и все без толку. Самые маститые психиатры от тебя давно отступились. Безнадежный случай, говорят. А вот повернулся этот профессор Грунькин, пощелкал тебя по лысине и поставил диагноз. Знаешь какой? Идиоты, говорит, которые его лечили. Дяде просто требуется поднять крышку и поскрести немного под черенком, вероятно, говорит, наростик образовался. Не будь, говорит, я Грунь-

кин, если он не будет у меня через неделю решать уравнения. Так и вышло. А ведь когда ты треснул на улице, — помнишь? — этот самый Грунькин без планов под стол ходил. Вот они дела-то, брат, какие!..

Глеб весело хохотал и тормошил тоже повеселевшего Клим. Присмотревшись, Клим узнавал по мелочам своего любимого брата Глеба. Только казалось, будто тот очень искусно загримировался для любительского спектакля.

— А ты, Глебка, того... поступил тогда в институт? — осторожно спросил Клим.

— А ты думаешь я 25 лет все к экзаменам готовлюсь? Я, братец мой, более 20 лет уже радио-инженером. И не самым плохим, говорят. Вот увидишь...

— А я все еще рабфаковец, — вздохнул Клим.

— Ничего, я тебя подгоню. Ну, идем садиться, да и домой.

Они вышли на какую-то террасу, где Глеб отворил дверку, похожую на дверь лифта.

— Шагай!

Клим вошел и опустился на кожаное сиденье. Было темно.

— Мы за городом? — спросил Клим.

— Да, недалечко. В санатории.

— А ты в Ленинграде живешь?

— Пока в Ленинграде. Сейчас строительный сезон. Время дорогое. Через месяц на дачу переберемся.

— Это зимой-то?

— Разумеется. Не в городе же зиму жить. Это летом в Ленинграде хорошо, а зимой — в деревне рай.

— Домой на трамвае поедем? — спросил Клим, стараясь не думать пока о некоторых нелогичностях.

— Как? На тра... Ах, да! Я уже и забыл... А что, может у тебя еще трамвайные талоны сохранились? Побереги, брат, хорошие деньги можешь получить за них...

Глеб опять расхохотался, потом взглянул на Клим и спросил:

— А этот способ передвижения тебе не нравится? Да что мы в потемках сидим, как совы? Ну, — как, немножко...

Клим узнавал своего брата Глеба. Только казалось, будто тот загримировался для спектакля.

Глеб дернул какой-то шнурок. Со стороны Клим поднялась шторка. Клим взглянул в окно и ничего не мог понять. Вокруг — хорошо промытая, пронизанная солнышком осенняя голубизна неба, кое-где белеют обрывки слегка поджаренных облаков.

— Где мы, Глеб? — с испугом вырвалось у Клим.

— То есть как — где? В машине. Что ты, как будто собираешься чихнуть, Клим? А, дьявольщина... все забываю, что ты человек каменного века и тебе каждый пустяк требуется разжевать... Вот так будет лучше... Смотри и слушай...

Глеб подергал за шнурочки. Со всех сторон открылись шторки. Теперь голубизна плыла отовсюду, даже под ногами. Климу в первую минуту показалось, будто провалился пол и он опасливо подобрал под себя ноги.

— Что? Боишься? Не трусь, прочно и безопасно. Гораздо безопаснее, чем у нас в общежитии, где штукатурка с потолка падает. Помнишь? Так вот, считай это поездом или трамваем, как тебе больше нравится. Машина эта — индивидуальная, числится за мною, как за сидом, которому по роду работы необходимо быстро и часто передвигаться. Это у нас обычный способ передвижения. Есть, разумеется, также машины общего пользования. Да, вон, смотри, как раз одна из таких машин летит к нам навстречу.

Клим взглянул по указанному направлению. Бесшумно и быстро надвигалось огромное сigarообразное тело, издали напоминавшее небольшую тучку. Глеб нажал одну из кнопок на распределителе. Что-то мелодично и замысловато прозвонило над ухом.

— Четверть двенадцатого, — сказал Глеб. Значит, это — одиннадцатичасовой пассажирский Ленинград — Варшава.

Огромный силуэт стремительно промелькнул мимо и скрылся где-то позади.

— В три — в Варшаве. Не особенно быстро, зато покойно, — лениво говорил Глеб.

Клим делал героические усилия, чтобы не показаться брату чересчур отсталым. Не натурально позевывая, он спросил:

— А за границу пропускают?

— За какую границу? Ах, да... Ведь когда-то существовали «заграницы». Ау, брат, было да сплыло. Воздух не терпит никаких границ. Он безграничен.

— А железные дороги как?

— Что ж, железные дороги на покое доживают свой век. Впрочем, электрифицированы они. Это у нас транспортом малой скорости называется. Неспешные грузы перевозят. Пассажиры по ним почти не ездят, разве только допотопные типы, вот вроде тебя. У кого отставание к воздуху — те по бетониркам на авто жарят. Пожалуй, побыстрее нас.

— Что такое — бетонирки?

— Обыкновенное бетонированное шоссе. У нас теперь все бетон, хотя и несколько много состава, чем в твоё время. И по-

стройки все из стали-бетона. Заводы, фабрики, жилые дома. Водо- и кипяткопроводы, топливные и другие трубы, электротоннели, ну и прочая мура.

Клим, как во сне, смотрел перед собой сквозь стеклянный пол кабинки. Внизу кто-то бешено перематывал гигантскую зелено-желтую ленту и решительно ничего нельзя было разобрать в этой призрачной радуге.

— Постой, брат. Ты с непривычки должно быть плохо различаешь. Снизимся и убавим ход.

Глеб пошарил на распределителе, где сверкали расположенные радиусом кнопки, аппарат замедлил ход и стал плавно снижаться. Только сейчас Клим обратил внимание на то, что в машине кроме них нет никого.

— А где же пилот, Глеб?

— Пилот? А где ему быть? В Ленинграде на станции сидит. Ты о телеуправлении что-нибудь слышал? Ну, так вот. Все, что летает в воздухе, движется под водой и по воде, а отчасти и по земле, — управляется с центральных станций. Без всяких проводов. По способу, принципы которого долго объяснять. Это как-нибудь на досуге. В общем — не худо. Шумящих моторов у нас, как видишь, нет. Горючего с собою не берем. Пользуемся такими аккумуляторами, которые пополняют энергию автоматически. Они-то и несут всю нагрузку. Если хорошенько разобраться, штука довольно не мудреная.

— А часто этак... ну, с рельс, что ли сходят такие воздушные трамвайчики? — Клим потыкал локтем в стенку кабинки.

— Не чаще, чем любой трамвай доброго старого времени. Только катастроф меньше бывает. Застопорит что-нибудь, опустимся легонько на землю, только и всего. Старайся лишь на голову кому не сесть, чтобы не оштрафовали за неосторожную езду. У нас на этот счет строго. И воды не боимся. Эти деталки обычно плавают, как пробки.

— А столкновения?

— Совершенно исключены. Любые такие две штуки взаимно отталкиваются. Приспособления имеют такие. Бывают, впрочем, исключительные случаи...

— Ага! — позлорадствовал Клим.

— Что — ага? Исключительные случаи бывают даже с торцовыми пашками, не то что со сложной машиной... Ведь вот с тобой было же... Ну, ну, не сердись. Лучше полюбуйся ландшафтиком.

Клим стал смотреть себе под ноги. Под ним неторопливо проплывали аккуратно разграфленные квадраты пашен, хорошенькие поселки, какие-то бесконечные, приземистые, серо-желтые здания. Квадраты поля были чем то оторочены, словно вделаны в рамы. Что особенно поразило Клим, так это полное отсутствие движения, затем необычайная прозрачность воздуха, без дыма и пыли. Он и высказал брату прежде всего эти свои соображения.

— Какого тебе нужно движения? Отдельных фигур отсюда не видно. Авто и поезда

мчатся так, что тоже почти не видно с такой высоты. Впрочем, если присмотреться... Вот, смотри, точно струя переливается... Это грузовой электропоезд чешет. Сегодня будни и население на работе. В праздники, разумеется, движения больше. Слышишь музыку? Это радио старается. У нас вель всякая работа производится под музыку. Только в праздник и передохнешь от нее, да и то не всегда. Что же касается дыма и пыли, то за это, милый друг, жестоко штрафуют. Отравлять гражданам здоровье и жизнь безнаказанно нельзя.

— Постой, постой... Ну, а если я по дороге иду, как же без пыли? Или, скажем, картошку сварить требуется, неужели же на солнышке печь? Здесь еще, слава богу, не тропики...

— Эх, трудновато мне с тобой будет, дядя. На дороге пыли не бывает, за этим милиция смотрит. Чистка, поливка и тому подобное. А картошку варят в кипятке, который подается откуда-нибудь с Ладогостроя или Ильменьстроя, одним словом, отсюда, где воды много. Ну, как этого не понимать? Впрочем, с тобой, видно, с азбуки начинать надо. Так вот. Отопление у нас центральное...

— Это в деревнях-то?

— Это в деревнях-то. Кипяток стоградусный круглые сутки, хочешь — картошку вари, хочешь кофе заваривай, хочешь — сам парься. Печей не топят, значит и дыма нет. Поливка улиц и дорог автоматическая, так сказать через час по чайной ложке. Мытье полов... т. е. мытье дорог — раз в сутки, когда все спят. Орошение полей — тоже автоматическое, искусственное, когда это требуется. Пашня, посев, сбор урожая — машинами. А крестьяне в это время в шахматы сражаются. Понятно?

— А что вы сеете?

— Все, что требуется, что из земли растет, — до ананасов включительно.

Клим посмотрел на брата — не издевается ли тот? Но Глеб был серьезен и энергично размахивал руками, точно учитель, втолковывающий бездарному школьнику всем понятные истины, которых не разумеет только этот кретин.

— Сею рожь, пшеницу, кукурузу, рис. Выращиваем виноград, абрикосы, бананы, фиги...

— Уж и фиги! — вставил Клим, иронически прищурив один глаз.

— Да, и фиги, и ананасы, и все, что угодно.

— Это в Ленинградской-то губернии? Уши внят слушать...

— Завянут — меньше будут, ближе к человеческим, — начал сердиться Глеб. — Губерний теперь нет, есть нумерованные участки. Существует повсеместное обязательное химудобрение. Искусственный чернозем, перегной, гуано и прочее такое. Я в этой области не спец, говорю в общих чертах. Иногда увидишь и дым, даже много дыма. Это когда применяют дымовые завесы для предохранения посевов от утренников. Впрочем, это редко. Обычно приме-

няются паровые завесы. При нашем климате этими приходится пользоваться почти непрерывно. Кроме того существует множество застекленных оранжерей и парников, — для особо чувствительных фруктов. Вот смотри, эти бесцветные строения и есть оранжереи. Не те, не серые квадраты, — это заводы и фабрики, — а вот те, прозрачные, которые изредка отсвечивают, как зеркала.

— Где же ты видишь заводы?

— Да вот же. Вот, вот, вот, — тыкал Глеб пальцем во все стороны.

— А трубы где?

— Какие трубы? Трубы в земле. Фу, опять забыл, что с трюмодитом разговариваю. Фабричных труб, как это было в твоё время, больше не существует. Они не нужны. Энергия подается с центральных силовых установок, подчас за сотни верст. Иногда по подземным трубам и проводам, а чаще без всяких проводников, с помощью различных сложных приспособлений. Это гораздо удобнее старой системы. Ни дыма, ни чада, ни копоти. Чисто, уютно, не жарко. Ныне рабочие в крахмале, брат, ходят. Здесь использовано все. Белый уголь — сила падения воды, — такие сило-установки существуют теперь на всех речках. Болотный газ, — где есть поблизости торфяные залежи. Газ аммиачный, — это в больших городах преимущественно. Сила ветра. Видишь там, на горизонте, словно бабочки мельтешат, — это ветрянки. А вертикальные цилиндры — ветряные роторы. Это значит, мы приближаемся к Ленинграду. Эти же бабочки, т. е. крылья ветрянок, служат также смесителями воздуха. Вот увидишь, у нас в Ленинграде воздух, — что твоя Ривьера.

Клим, не отрывая глаз, с раскрытым от волнения ртом, смотрел на волшебную панораму. Характер местности и стиль строений изменился весьма существенно. Вместо приземистых серых квадратов всюду высились ажурные перенлеты виадуков, какие-то кружевные стальные башни с наклонными гигантскими установками наверху, напоминающими огромные литавры.

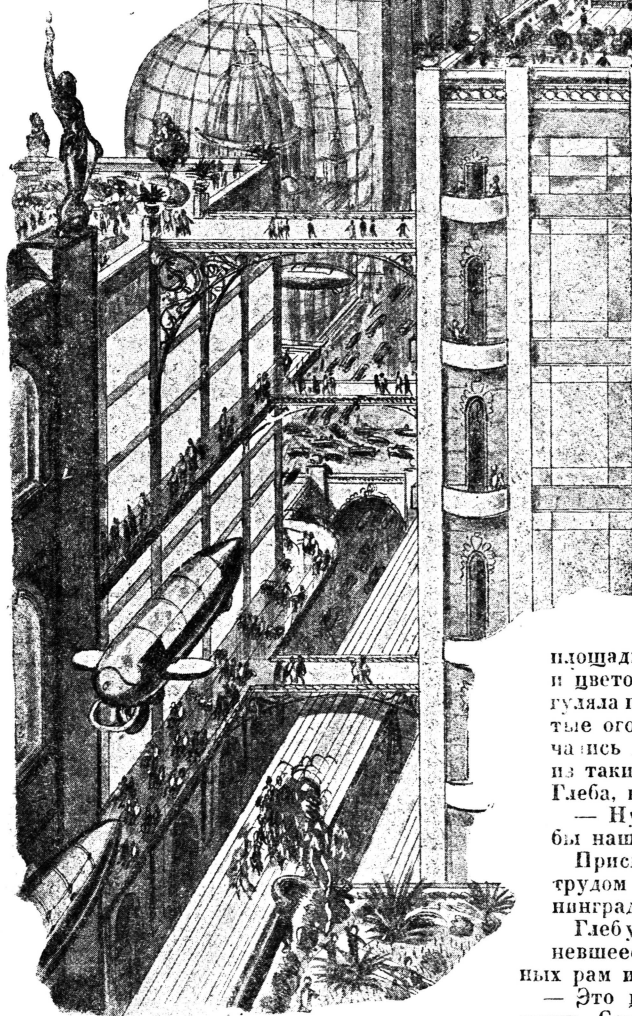
— Это что там за барабаны? — спросил Клим прерывающимся от волнения голосом.

— Какие барабаны? Ах, это солнечные ловители. Силовые установки для использования естественной энергии солнца — теплоты. Это же идет для кварцосвещения жилищ. Чтобы плесень не заводилась. Весь город, от чердаков до подвалов, освещается искусственным, так называемым, горным солнцем, с помощью кварцевых трубок. Микробам, брат, теперь канут. Помнишь, как часто ты страдал гриппом? Теперь гриппозных больных за деньги показывают... Ого! Заболтались мы с тобой, — уже двенадцать. Обычно на этот перелет, — 300 километров всего, — я полчаса трачу. Вот он Ленинград! Слышишь музыку? Это обеденный перерыв у рабочих.

Клим смотрел во все глаза и не узнавал города, над которым они пролетали.

Мелькали воздушные машины различных величин и конструкции. Одни — сигарообразные плавно приставали к высоким остроконечным башням. Другие — типа аэропланов — уверенно спускались прямо на крыши домов.

Крыши домов... Это было совсем не то, что Клим привык понимать по «крышам». Дома не

Клим не узнал города, над которым они пролетали. Он застал Исаакиевский собор под стекляным колпаком.

авто. Пешеходов почти не видно, лошадей — тоже. На высоте четвертых этажей — висячие галереи вдоль всех улиц. По ним скользят движущиеся тротуары, с поперечными сидениями, сплошь занятые публикой.

— Смотри, это наш трамвай, да еще бесплатный, — засмеялся Глеб. — Улицы — для авто. Тротуары — для публики. Крыши — для аэро. Для грузового транспорта существует метро, но его не видно. Каково?..

Клим ничего не ответил. Он весь погрузился в созерцание.

Движущиеся тротуары, только более спокойного хода, шли и по краю крыш, тогда как большая часть площади крыш пестрела зеленью деревьев и цветочными газонами, среди которых гуляла публика и резвились дети. Открытые огороженные площадки предназначались для спуска аэропланов. На одну из таких площадок опустилась машина Глеба, который шутливо сострил:

— Ну, вот и дома. Тыру! — как сказал бы наш дедушка.

Присматриваясь внимательно, Клим с трудом узнавал планировку старого Ленинграда, каким он был 25 лет назад.

Глеб указал на колоссальное здание, видневшееся со стороны Невы, все из стальных рам и стекла, сверкающего на солнце.

— Это центральная фабрика химизации пищи. Сокращенно — «Витаминхлеб», пояснил Глеб. — Да, ведь, ты не знаешь... Пищевые продукты, не химизированные, т. е., не просвеченные ультра-фиолетовыми лучами, употреблять в пищу запрещено. Просвечивание сообщает продуктам соборный витамин, увеличивающий их питательность и убивающий вредные микроорганизмы.

выше восьми этажей, все выравнены, как по линейке. Все одного роста, но различной расцветки, что придавало городу нарядный вид. Перекрестки улиц перекрыты застекленными воздушными мостами. Внизу, по улицам, тянутся бесконечные вереницы

Они стояли на краю верхней галереи. Внизу, посреди большой площади, высилось странно-знакомое здание, заключенное в какой-то смешной стеклянный футляр.

— Послушай, Глеб... Ведь это Исаакий?

— Конечно.

— А почему он того... под колпаком?

— Музейная реликвия. В защиту от стихий. Ну, шагай в лифт.

Клим вошел в машину и неожиданно рассмеялся.

— Ты чему? — спросил Глеб.

— Вспомнил одну вещь. В мое время у таких машин обычно торчала табличка: «Лифт не работает».

— Было да сызело. Ну, вот мы и у себя. Входи.

Обедали вчетвером в небольшой уютной столовой: гость, Глеб с женой и их сын Борис, молодой инженер. На десерт подали виноград величиной с крупный картофель и какие-то экзотические плоды, каких Клим никогда не видел, а потому боялся есть.

— Издалека эти штуки? — кивнул он на фрукты.

— Из Новой Деревни. Я тебе уже говорил, мы всякую муру теперь выращиваем. Ну, я ва службу, а ты иди хорошенько отдохни. Борис тебя проводит в твою комнату. Вечером устроим театр и прочее такое.

— Как это устроим театр? — не понял Клим.

— Как его устраивают — нажмут кнопку и готово. Ты что предпочитаешь — драму? оперу? балет? Впрочем можно все вместе. Ну, пока. Да не забудь побриться, а то ты на какое-то человекообразное смахиваешь, даже жутко смотреть. Борис, принимайся за воспитание дядюшки. Ты увидишь, какой это толковый юноша...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

которая рекомендует, срывая розы, опасаться шипов.

Клим спал, как убитый, несколько часов. Снились огромные дыны, летающие по воздуху без руля и без ветрил, битком набитые публикой. Все указывали на Клима пальцами и высовывали ему языки. Женщины подталкивали детишек, говоря им: «Смотрите, дети, это человек каменного века. Ему всего 20 лет, а он уже лыс, как бычий пузырь. Не прикасайтесь руками, кусается»... Клима раздражала злость, ему действительно хотелось кусаться и было чего то стыдно.

Проснулся весь в холодном поту. Кругом абсолютная темнота. Пошарил на столике рукой, ища спичек. Спичек не было. Сметнул, что где нибудь поблизости должен быть выключатель. Став обшаривать стену. Наткнулся на целый ряд кнопок, надавил одну. Над самым ухом неожиданно грянул духовой оркестр, — что-то торжественно-шумное. Когда оркестр кончил, раздался голос, говоривший что-то по-немецки. Что — Клим не понял. Только сообразил, что вклю-

чил радио. Потыкал в другую кнопку. Стена напротив как бы бесшумно рухнула. Клим увидел огромную незнакомую площадь, ярко освещенную электрическими лучами. Кое-где ярко вспыхивали световые плакаты, — все на немецком языке. «Вот тебе и на, никак в Берлин попал» — подумал Клим и в первый раз в жизни пожалел, что не учил немецкий язык. Насладившись зрелищем жизни незнакомого города, Клим ткнул следующую кнопку.

Берег моря. Ярко светит солнце. В воде плещутся черные люди, — точно головешки плавают. Другие, в белых плащах, прогуливаются по берегу.

— Батюшки, никак Индия... Занятная штука, надо будет потом расспросить Глеба, как она делается... Здорово, должно быть, нынешние ребятишки географию знают.

Клим пробовал кнопки одну за другой. То становилось совсем темно и слышалась только невидимая музыка, то неожиданно являлся перед глазами деловой незнакомый город, залитый электричеством или сверкающий в лучах солнца. Иногда получалась комбинация, когда было видно и слышно одновременно.

Одна картина бросила Клима в жуткую дрожь. На громадном, слабо освещенном поле происходил: маневры, а быть может и военные действия. Тучами сновали аэропланы. Колоссальные пушки изрыгали целые потоки огня. Сверху падали какие-то вертящиеся волчки, которые, вонзившись в землю, поднимали смерчи пыли и дыма. Воюющих не было видно. Буквально ни одного человека.

— Где это может происходить? В Европе или в Америке? — соображал Клим. — Какая теперь политическая обстановка? Кто с кем воюет? Жаль не догадался спросить у Глеба. Вот, идиот...

Неожиданно картина погасла сама собой, без нажатия кнопки. В ту же минуту в коридоре за стеной послышался топот ног и чьи-то тревожные крики.

Дверь порывисто распахнулась. На пороге стоял, со свечей в руке, растерянный Глеб.

— Клим, ты спишь? Живо в газобужжище... Ожидается налет неприятельских аэро... Все огни в городе погашены...

— А разве мы воюем? — не унимался Клим.

— Ну, разумеется... Скорее копайся... до рога каждая секунда...

— С кем мы воюем? — не унимался Клим.

— До лекций ли теперь, голубчик!.. Давай руку... Бежим...

— Дай ты мне хоть штаны натянуть, — взмолился Клим.

— А!.. Кто тебя в темноте разглядывать будет — не на парале...

Глеб схватил опешившего Клима за руку и почти силой потащил по темному коридору. Потом толкнул его в какую-то щель. Клим почувствовал, как у него из под ног выскользнул пол. Свеча от движения воздуха погасла.

— В лифте спускаемся, — сообразил Клим.

Машина с разбега остановилась. Брат вытолкнул Климку куда-то в темноту, насыщенную придушенным человеческим гомоном. Клима обо что-то споткнулся, попытался удержаться на ногах, но только взмахнул руками и упал затылком, как тогда, на улице...

— Клима!.. Где ты?.. Дай руку... — уловил он полетающим сознанием голос брата...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

которую, в целях экономии времени, можно было бы поставить на место второй.

УСЛОВИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

1) Читателям предлагается прислать на русском языке недостающую, последнюю, заключительную главу к рассказу. Лучшее из присланных окончаний будет напечатано с подписью приславшего и награждено премией в 100 рублей.

2) В систематическом Литературном Конкурсе могут участвовать все граждане Союза Советских Социалистических Республик, состоящие подписчиками «Мира Приключений».

3) Никаких личных ограничений для конкурирующих авторов не ставится, и возможны случаи, когда один и тот же автор получит в течение года несколько премий.

4) Рукописи должны быть напечатаны на машинке или написаны чернилами (не карандашом!), четко, разборчиво, набело, подписаны именем, отчеством и фамилией автора, и снабжены его точным адресом.

5) На первой странице рукописи должен быть приклеен печатный адрес подписчика с бандероли, под которой доставляется почтой журнал «Мир Приключений».

Примечание. Авторами, состязующимися на премию, могут быть и все члены семьи подписчика, а также участники коллективной подписки на журнал, но тогда на ярлыке почтовой бандероли должно значиться не личное имя, а название учреждения или организации, выписывающей «Мир Приключений».

6) Последний срок доставки рукописей — 1 февраля 1929 г. Поступившие после этого числа не будут участвовать в Конкурсе.

7) Во избежание недоразумений рекомендуется посылать рукописи заказным порядком и адресовать: Ленинград 25, Стремянная, 8. В Редакцию журнала «Мир Приключений», на Литературный Конкурс.

8) Не получившие премии рукописи будут сожжены и имена их авторов сохранятся втайне. В журнале будет опубликовано только общее число поступивших рукописей — решений литературной задачи.

9) Никаких индивидуальных оценок не премированных на Конкурсе рукописей Редакция не дает.

Следующий рассказ на премию в 100 рублей будет напечатан в ноябрьской книжке «Мира Приключений».

ОКОНЧАНИЕ КОНКУРСА № 8

Решение рассказа-задачи „ЛУННАЯ ДОРОГА“

Попрежнему, одновременно с заключительными главами, в Редакцию прислано много писем по поводу Конкурса вообще и очередного в частности. Некоторые из писем представляют общий и литературный интерес, и мы на них кратко остановимся. Письма эти имеют значение и для характеристики

отношения читателей к Конкурсу, и для определения степени восприятия читателями конкурсных рассказов. Наш же разбор писем послужит еще новым выяснением цели и значения Конкурса, т. е. указанием, как нужно извлекать наивысшую пользу из этой системы работы.

Один из добросовестных участников систематического Конкурса, получивший однажды и премию, в весьма длинном и литературном письме выражает недовольство рассказом «Лунная дорога», потому что автор (а значит и Редакция) не поставил точку где-то раньше, а сам дает ответ на основной вопрос рассказа.

Заключение—правильное, а оценка—нет. Весь рассказ—«доказательство от противного». Весь рассказ—гимн труду, только труду и его бодрящей радости. Это—социальный стержень повествования, ярко выраженный словами бывшего миллионера, прозревшего после изумительных попыток истратить 17 миллионов. Главное решение автор и Редакция взяли на себя потому, что чересчур важен смысл и значение рассказа, что напечатанный без этого решения он представлял бы возможность кривотолков или мог быть не понят вовсе массой читателей, не принимающей никакого участия в Конкурсе. Он пропал бы для читателя, а между тем по своему и социальному, и ярко художественному значению он заслуживает особенного внимания представляет исключительный интерес оригинальностью и картинностью разработки сюжета. Участникам Конкурса оставалось, однако, решить еще несколько вопросов и решить по своему усмотрению, отдавая предпочтение фантастической изобретательности в дальнейших похождениях действующих лиц или логическому становлению сюжета. Не нравится этому участнику Конкурса и построение рассказа.

„Кажется,—пишет он,—еще Гоголь сказал, что если писатель, описывая комнату, говорит при этом, что на стене комнаты висело ружье, то надо, чтобы впоследствии это ружье играло какую-нибудь роль в произведении, иначе незачем было о нем упоминать. Для чего нужно описание ледохода на Амуре? Зачем знакомить читателя со всем растительным и животным миром дальневосточной окраины? Совершенно не важно, будет ли происходить рассказ Мирона на Амуре, на Днепре или даже в вагоне железной дороги“...

Поправим маленькие литературные ошибки автора письма. И сущность не верна, и то, что он приписал Гоголю, на самом деле было с Дюма, когда один автор читал ему скучнейшее произведение свое. Дюма оживился при фразе, что герой вошел в комнату и поставил у двери ружье. Долго читал автор, и когда кончил, Дюма спросил: «а что же ружье?» «Какое ружье?»—недоуменно переспросил уже сам забывший о нем автор. И мастер слова дал действительно ценное указание, что не следует обременять действие ненужными подробностями.

В рассказе «Лунная дорога» ледоход на Амуре нужен потому, что здесь герои повествования уже получают свою первую характеристику. Описание природы нужно потому, что герои стремились всю жизнь к необычайному, и сюда, на далекий Амур, пришли, ибо он манил их своей необычайностью обстановки. Они, быть может, захирели бы в условиях поденной физической работы уездного городка. Прошла бы красочность фигур и художественная стройность и цельность рассказа. Для событий нужна соответственная рамка. И рамка дана великолепная. Архитектоника рассказа не нарушена сжатым и сильным описанием Амура, читатели получили в художественной форме длинный ряд поучительных и легко запоминающихся сведений, а участники Конкурса, т. е. желающие работать в литературе—прекрасный образец описательного повествования.

На конкурсные рассказы Редакция, вообще, обращает особенное внимание, придает им особую ценность и всегда стремится, чтобы читатель мог извлечь из них, кроме литературного удовлетворения, как от всякого чтения, и самую разнообразную пользу, видя образцы различных форм построения рассказа, развития параллельных или пересекающихся тем, характерного стиля и т. д.

Мы тем не менее признательны нашему литературному корреспонденту Его хотя и неосновательные замечания дали нам повод выяснить читателям кое-что, что быть может осталось бы или незамеченным, или не продуманным. А гимнастика мозга при решении литературных задач — путь к верному успеху.

В противоположность доброжелательному критику приходится отметить зложелательного, того самого, что ставил нам в виду «отсутствие заглавия» в рассказе «Где выход» и не знал множества произведений с заголовками в той же вопросительной форме. Теперь он упрекает нас, что у автора «Лунной дороги» все описание переврано, что бенгальского тигра на Амуре нет, нет тибетского медведя и т. д., другими словами сводит на нет ту часть рассказа, которая в легком изложении дает полезные знания. Конечно, если мы скажем, что автор, остающийся анонимным, сам был на Амуре, сам видел ледеход и все то, что описывает, и кстати упомянем, что снова собирается в эти интересные края, — это не будет убедительно для единственного недоверчивого читателя, желающего все проверить лично. Всегда помогать ему мы не можем: к сожалению, у нас нет времени на такую работу. Но на этот раз еще ответим: указания могут пригодиться вообще любознательным людям.

Много есть трудов об Уссурийском крае и укажем на первый подвернувшийся — известные этнографические и статистические очерки под редакцией П. П. Семенова-Тяньшанского. Там можно найти любопытные сведения. Например:

„Животный мир Уссурийского края, подобно растительному царству, совмещает в себе обитателей теплых стран и холодного севера. Здесь тигр бенгальский нередко живет в соседстве с соболем; здесь пятнистый олень-аксис, уроженец Ост-Индии и Зондских островов, пасется вместе с изубрем, т. е. оленем холодных стран. Здесь сошелся бурый медведь той разновидности, которая живет на Камчатке, со своим собратом из Тибета. Барс, дикая кошка, гималайская куница, переселились сюда из южно-азиатских стран. Все эти звери живут в Уссурийском крае оседло и выводят своих детенышей“ и т. д.

А ведь Уссурийский край граничит с Амуром.

В очерке «Амур и его притоки», Н. Тарасова, читаем:

Затем следует область, простирающаяся до Бурейского хребта. Встречающиеся здесь рядом восточные и западные растения придают ему характер пограничных гор, так что по всему Амурскому краю нет такой смеси тропических и северных форм, как в этой области.

Бурейнский хребет пролегает выше по течению Амура, к Благовещенску, где р. Бурей впадает в Амур. Ни о верховьях, ни о низовьях Амура — как утверждает автор письма — в рассказе не говорится ни слова.

Если строптивый читатель прочтет указанные очерки сам (да заодно и другие труды по географии и этнографии России, — любые), то он наткнется в них на ту флору и фауну, которая указана в рассказе. Здесь он увидит и рододендрон, и женьшень, и ель, и дикий виноград, абрикосник, грибы, барбарис, ореховое и пробковое дерево и т. д. И тигра бенгальской породы, и соболя, и росомаху, и антилоп, и т. п., все, что упоминается в рассказе. И даже японского ибиса и белую полярную сову, о которых в рассказе не упоминается.

Очевидно, некоторые, и в том числе два читателя — критика, мнения которых мы привели, плохо усвоили рассказ, цель и смысл его.

Было бы несправедливо не упомянуть о другой группе, прекрасно понявшей задачу. Вот выдержки из обширного письма одного участника Конкурса. Приводим их вместо обычного нашего разъяснения, ибо они заключают правильные мысли и ярко свидетельствуют, как хорошо и вдумчиво относятся к предоставляемой им возможности литературной работы иные читатели.

„Лунная дорога“ в отличие от всех предыдущих рассказов-задач — пишет этот участник Конкурса — предоставляет широкий простор для бесчисленного количества решений.

Если раньше, вопреки определенно и ясно намеченным в рассказах вехам, многие авторы заключительных глав стремились вырваться за отведенные границы для их собственной фантазии, то здесь это естественное стремление состязаться не только с другими участниками Конкурса, но и с автором всего рассказа становится уже почти законным.

В самом деле, кроме обмолвки Мирона: „главное мною все сказано“, — как будто других ограничений ни для размера, ни для содержания заключительной главы не дано. И, наоборот, повествование Мирона обрывается на событии, имевшем место, во всяком случае, более, чем за десять лет назад, причем ясно потому, как ведется рассказ, что Мирон — это один из двух героев истории о миллионах. Этим самым отпускаются возжи.

Здесь, почти не нарушая условий, данных рассказом, можно написать бесчисленное множество самых разнообразных „заключительных глав“, начиная с маленьких, в несколько строк, и кончая целыми романами.

„Лунная дорога“ с одинаковым правом может получить „недостающую заключительную главу“ и также может послужить сама лишь вступительной главой, завязкой для рассказа, романа или серии рассказов.

Разумеется, чрезмерно объемистый конец исключается условиями Конкурса. В сущности, он исключается также и основным замыслом рассказа, требующим лишь удачного завершения, закругления, но возжи неожиданно отпущены, дана поощряющая тенденция к расползанию и, повидимому, надо ожидать интересных скачек.

Я лично сознательно оставил рискованный путь погони за Ряхиным и И. Гавриловичем по неверной лунной дороге, так как он увел бы меня слишком далеко, и явился прямо к догоравшему костру. Но и здесь рассказ можно было бы завершить на множество ладов. Не могу сказать, чтобы я считал свое „завершение“ особенно удачным.

Между прочим, читая рассказ, я поймал себя на том, что без малейшего сомнения разбирался в поступках и отдельных словах его персонажей, как будто это были живые люди, как будто все детали рассказа имели место в действительности и как будто каждую черточку, в связи с остальным содержанием, можно было учитывать как веский признак, как реальное доказательство в пользу того или иного решения. Пытаясь уяснить себе причину и обоснованность такой уверенности, я пришел к заключению, что эту уверенность внушает особая манера и мастерство автора. Рассказ дает необычайно выпуклые, скульптурные фигуры, яркость и жизненность которых еще более углубляется особыми размахистыми и одновременно скупыми мазками фона. Эти мазки иногда (как при рассматривании картины вблизи) режут глаз, иногда как будто иное слово окажется неуместным, мельканье излишним, а в целом — дает нужное сочетание.

Эти яркие конкурсные рассказы я читаю всегда с наслаждением.

Возможно, что особый интерес, придаваемый рассказам задачей, заключенной в них, заставляет полное оценивать каждое слово, возможно, что, независимо от того, что дано автором, каждый вообще рассказ, у которого отрезан конец, можно в большей или меньшей степени рассматривать, как кусок реальной жизни и подводить к нему логический и художественный конец, но это не противоречит моей оценке художественного значения рассказов — задач, данных Вами до сих пор, а лишь снова подтверждает, что учиться читать надо так же, как и учиться писать.

К сожалению, однако, автор письма ошибся в своих предположениях относительно «интересных скачков». Конкурс № 8 нужно признать неудачным, хотя и прислано 46 решений (из них 11 подписчиками). Объясняется это, надо думать, совершенно независевшим ни от Редакции, ни от Издательства запозданием выхода № 7 журнала и естественной торопливостью читателей, спешивших прислать свою работу к определенному, как фактически оказалось в действительности, чрезмерно короткому сроку.

По содержанию все полученные заключительные главы можно разбить на 2 больших группы: в одной — отдано предпочтение приключениям героев после того, как они поплыли по лунной дороге, в другой — содержится гимн труду с разными вариациями. В преобладающей численно первой группе проявлено большое разнообразие фантазии. Было бы затруднительно даже кратко перечислить все то, что надухали читатели.

И как досадно, что небрежность и недостаток внимания погубили три хороших заключительных главы, присланных подписчиками: Л. Н. Е., Л. А. Л. и Н. А. Л. У всех трех женщин, живущих в различных концах России, одна и та же ошибка: из беседы у костра обнаруживается, что рассказчик Мирон — это-то и есть Ряхин. Ряхин не мог бы так рассказывать, хотя бы по одному тому, что он все время иронизирует над Иваном Гавриловичем и даже издевается над ним, а себя восхваляет. Только сам бывший миллионер в этом тоне мог говорить о себе и о Ряхине. Несколько подписчиков также сделали эту непростительную ошибку. Не сумели прочесть, не сумели и написать.

Вообще недостаточная вдумчивость при работе проглядывает нередко. Перевираются имена действующих лиц: у одного и того же автора Иван Гаврилович на протяжении коротенькой главы превращается то в Илью Григорьевича, то в Ивана Григорьевича. У одного участника, одаренного фантазией, к сожалению совершенно недисциплинированной, — Мирон и

внутреннему русскому морю, — это ясно сказано в рассказе, — ухитряется приплыть прямо в Лондон. Географии дано по шапке! Здравому смыслу — также. По версии автора, герои рассказа прежде всего перепились в матросском кабаке, Ряхин вдруг оказался мошенником и удрал с 5 миллионами, хранившимися в английском банке, а И. Г. был найден на улице мертвым от запоя, и английские богачи заказали его восковую фигуру для музея знаменитостей. — Такую же дикую фантазию проявил и автор, пригнавший лодку героев к неизвестному островку. Там оказались мать и дочь итальянки. Они также откуда-то бежали. Цитируем: «Ряхин взял дочь, а И. Г. — мать». Мужа итальянской матери ровно 3 дня назад, оказывается, растерзал тигр. — Или: героев потянуло в родные места, и вот они на Амуре. — Опять плохо прочитано: где автор нашел хотя бы намек, что Амур — родина Ряхина и И. Г.? Таких примеров неумения читать можно бы привести еще не мало, но довольно и этих.

Из первой группы укажем на несколько менее трафаретных решений, так или иначе в духе рассказа. Приятели побывали на золотых приисках. Там нашли громадный самородок платины. Попали в Париж и вздумали поощрять упавшую во Франции рождаемость, уплачивая каждой женщине 50 фр. в месяц на ребенка. Коренной недостаток этого решения тот, что приятели уже в последней напечатанной главе оставили свои сумасбродства и провозгласили здоровый труд, как основу жизни. — Или в начале революции Ряхин помогает восставшим матросам захватить судно, делается активным борцом, выдвигается, становится членом партии, членом Совета депутатов, но... уезжает опять с И. Г. за границу организовывать «Международную Ассоциацию просвещения отсталых масс». Тот же недостаток, что и в указанном выше решении! — Еще по одной версии, герой работал на железной дороге, влюбился в дочь подрядчика, пользовался взаимностью, но узнал, что в приданое дают много тысяч, и ушел. Наступила революция. Пришлось переменить имена и т. д. — Нужно ли указывать, почему это решение плохо? — Или вот еще: друзья приплыли на острове озера (?). Там встретили Николу-Холостяка. Из его рассказа видно, что он был во «Дворце голодного ума». Предложил сжечь его и всех предоставить самим себе. Приняли его за сумасшедшего и выгнали. Он все-таки сжег и «теперь бежит сам, не зная куда».

Эти образчики приведены, как более оригинальные, — и только.

Отмечая типичные сюжетные решения, скажем и о моменте, мимо которого почти невозможно пройти: любопытство слушателей задето, и всем хочется знать, не сами ли герои под видом Мирована и Михаила присутствуют тут. Большинство так и решает. Одни заставляют Мирована признаться, другие предоставляют догадаться горбуну, оказавшему парню и т. д. Эта последняя часть решения разработана вообще лучше первой. Отметим здесь наиболее отличные от других варианты. Ночью, когда все заснуло, набросились на Мирована. «Скажи, где у тебя деньги, в ладонке или в поясе». Дана сильная, прямо кошмарная сцена насилия. — Подписчик М. Л. П. рисует хорошую картину подрывных работ, во время которых заканчивается действие. — У одного читателя Мирована (к сожалению — Ряхина) узнает рабочий из «бывших людей», клиент «Дворца голодного ума» — в прошлом. — У другого: Ряхин и И. Г. ночью резонируют. У третьего они почему то утром уходят. Читатель остается в недоумении о причинах.

У нескольких подписчиков (В. Н. и др.) хорошо сделаны выводы — логические и ясные, и дополняющие смысл рассказа о ценности труда.

Из работ, доставленных на Конкурс, отметим еще толковую главу Г. С. Б. и хорошую пояснительную записку И. Б. К.

Есть мелочи, останавливающие на себе внимание, и хорошие, и дурные. Вот у подписчицы Н. И. З. прекрасная деталь. — Когда все рабочие улеглись, молодой парень «снял поддевку и укутал мирно храпевших Мирована

и Михайла от свежести близкого рассвета». Почему мы остановились на этой короткой фразе, на этой крошечной подробности? Да потому, что сразу виден из нее процесс творческой работы автора. Он рисовал себе картину, он видел ее, он искренно писал. А вот никчемная вычурность, искусственный набор слов, противоречивые представления, склеенные вместе, и отсутствие образа у другого автора: «за этим последовала пауза, до краев полная легкой, свежей тишиной, еще более рельефно выделяемой неслышными шумами сказочной лесной ночи». Как будто и звучно, а подумайте!...

Р. С. Граждане! Присылайте рукописи на Конкурс писанными на машинке или очень четко чернилами. Набросанных карандашом читать не будем.

В. В.

Из 46 решений нет ни одного, которое вполне удовлетворяло бы всем условиям задачи. Приходится определять премию только путем сравнения относительных достоинств заключительных глав. И премия делится на две части.

По присуждению Редакции, 60 р. премии на Конкурсе № 8 Систематического Литературного Конкурса 1928 г. получает подписчик

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕЛЕЗНИКОВ (Москва)

и 40 рублей премии подписчик

НИКИТА ВИССАРИОНОВИЧ ПОВОРОЗНИК (Бобруйск, БССР),

за следующие заключительные главы к рассказу

== ЛУННАЯ ДОРОГА ==

1-й ВАРИАНТ.

— Когда б не доплыли, откудова бы Мирон откопал рассказать-то? — сочно заикался парень, — он, чай, не из пальца высосал, а ведь из жизни это! Так что ли, Мирон?

— Правда, милый человек, ничего не присочинил. Все было.

— Ну, так ты Ряхин и есть, — сказал горбун и, завистливо вскинув на Мирона глаза-удочки, посмотрел, точно примерился, где бы подценить рыбину покрупней. Потом досадливо отвернулся.

— А и глуп ты был, Мирон Ряхин, хоть и бахвалишься. Подумаешь, гений какой! Подучил Иванушку-дурачка, миллионера, как понелепее растрести капиталы... Нет! Оба вы не умели распорядиться деньгами. Вот, когда б он меня позвал!.. Я ж бы его, мозгляка, научил... Ох, научил бы!.. Да я бы... У-ух!..

Он зажмурился, спрятал в мешках век удочки и простионал.

— Ишь его разбирает! — засмеялся кто-то.

— Что это ты все: «я! да, я»... Интерес какой! — крикнул парень, — человек, может быть, досказать хочет, а ты опять про себя!.. Ну, как же. Мирон? А?

Мирон, с еле заметной улыбкой внимательно наблюдавший за горбуном, нагнулся к костру, пошевелил палкой угли и продолжал:

— Дальше можно или очень много рассказать, или ничего. Жизнь обоих потом была полна приключений, бродяжничества и вольного труда. Кой что порасскажу вам после, в другие вечера. Но сейчас мне бы хотелось защитить Ряхина. Посудите сами, друзья! Если правда, что Ряхин — это я сам и есть, то что же тогда выходит? Я, то-есть, Ряхин, расхваливал себя на все лады. И «гений» я, и «настоящий человек» и все прочее. А про своего друга, с которым вместе многое пережил — то и дело повторял, что он был и дураком, был и глупым, был и недалеким!.. Хорош тогда гусь этот самый Мирон Ряхин!

Нет, приятели! Ряхин не таковский. Уж по одному этому ясно, что я — не Ряхин. Если хотите знать, он три года назад расстался с Иваном Гавриловичем и занялся изучением авиации. Как ему это удалось при его пожилом возрасте — его секрет. Но он сказал, что ему надоело карабкаться

жуком по земле и смотреть снизу вверх на облака, а хочется посмотреть на спину матушки-земли, проносясь вверх, в глубине воздушного океана с быстротою циклона. Ну, а при желании чего не сделаешь!

Но мне, знаете, приятно, что вы прижали меня за Ряхина. За себя приятно.

— Ну, а как же Иван Гаврилович-то без Ряхина остался? — нерешительно спросил кто то.

Мирон засмеялся.

— Что ж он, ребенок, что ли? У него было много времени, чтобы научиться жить. Да главный экзамен на жизнь Иван Гаврилович уже сдал, когда они пошли по лунной дороге.

Вот вы пораскните умом.

Сошлись двое. Один — недоучка, уважень, ходивший на помочах, не знавший жизни, сперва ослепленный, а потом — придавленный богатством.

Другой был гениален, свободен, его не соблазняли деньги, не связывала обуза бесплодной жадности. У него была другого рода жадность: он ненасытно стремился въезжаться в жизнь. И они прижились друг другу как раз впору, как ключ, вложенный в соответствующий ему замок. Гений Ряхина помог Ивану Гавриловичу пройти с пользой для себя через самое трудное испытание.

Приключение с миллионерами, а в частности Музей Подтяжек, освободило миллионера от бремени помочей и в буквальном, и в переносном смысле; научило его самостоятельно ходить и жить. Он оказался хорошим учеником Ряхина.

Помимо того, что он открыл свойства голодного ума, он сделал еще четыре открытия, которые, не отличаясь сами по себе новизной, для него лично развертывали новые перспективы.

Он понял, во-первых — что жизнь гораздо интереснее, чем он думал, и он ее чуть не проглядел, не подозревая, что она всегда тут, под самым локтем, что она — если выразиться высоким слогом, — арена, на которой миллионы живых существ миллионы лет борются за наилучшие для себя сочетания многих миллионов возможностей.

2-й ВАРИАНТ.

Вопрос Мирона точно разрядил очарование, навеянное его рассказом. Последовал ряд возгласов и замечаний, в которых отразились переживания каждого слушателя и его взгляды на вопросы, затронутые рассказчиком, вопросы близкие каждому из слушателей — о деньгах и о труде. Не всем было понятно все в равной мере и каждый поэтому вывел свое заключение, но больших расхождений не было.

Ехандя, который все время слушал, не спуская почти немигающих подслеповатых глаз, первый прервал своим писком тишину, царившую в кругу у костра.

Во-вторых он понял, что искать счастья в готовой пище, кроющейся за деньгами — это тоже, что пытаться укунить локоть, так как счастье — в непрестанном преодолении препятствий. Если держаться известной диеты, тогда ум будет постоянно искать и находить для себя все новую пищу.

В третьих понял, что он, Иван Гаврилович, вовсе уж не так глуп, как он сам и все другие думали; возможность «нажить ума» для него вовсе не исключена.

И, наконец, в четвертых, он понял еще, что дешевле заплатить деньгами за жизнь, чем жизнью за ее условные знаки — деньги.

Так что Иван Гаврилович теперь тоже настоящий человек.

Мирон смолк.

Ехандя бросил на тлеющие угли ветку можжевельника. Стало еще темней. Ветка зашипела. Потом, точно кто-то мехами снизу пустил сильную струю воздуха, ветка вспыхнула, с треском выбросив вверх искрящую метлу.

Лицо Мирона ярко осветилось.

— Вот оно что!.. — громко воскликнул один из «бывших людей». Он вскочил на ноги, отдавив при этом руку кому-то, лежавшему рядом с ним. Все завопили. Раздалось несколько недовольных восклицаний.

— Кто тебя укусил?

— Я вспомнил, — сказал бывший человек.

— Чего ты вспомнил? Что дома штаны забыл? — съязвил пострадавший от бурного проявления его воспоминаний.

— Я тоже видел в паноптикуме восковую фигуру этого самого Ивана Гавриловича, и историю его слышал.

— Ну и что же из этого? Мы и так знали, что Мирон не врет.

— А вот то, что вы этого Ивана Гавриловича видали живым.

— Это на льдине с Мироном, что ли? — спросил горбун.

— И на льдине, и у костра. Вот он сам здесь, — и «бывший человек» ткнул пальцем в сторону Мирона.

Мирон, точно речь шла не о нем, улыбаясь смотрел на догоравшую ветку.

Н. Н. Железников.

— Много теньга, мало работа... Моя мало работала, много кутила — ой, плохо.

Китайцы, видимо, не представляли себе, что значит много денег, а тем более расплывчатое представление было у них, да и у большинства слушателей, о миллионах. Один из китайцев со вздохом не согласился с Ехандей.

— Зачим плохо... Моя хорош. Деньга прятал, моя не работала, хорош купал...

— Пустяки все, — сказка, — авторитетно и с оттенком презрения заявил парень с веселыми глазами. — Вот наши миллионы. — Он повел кругом своей широкой ладонью,

как бы давая понять, что его миллионы в этой крепкой ладони и в той борьбе со стихией, которую он ведет наравне с друзьями. Эту мысль он подкрепил словами:

— Была бы сила, а на наш век хватит миллионов.

Горбун, у которого во время рассказа глаза горели, как светляки темной ночью, остался при своем прежнем мнении:

— Эх, мне бы хоть миллиончик, я бы знал как пожить!

— Оно, конечно, большие деньги — большие хлопоты, — начал было резонерски молчавший все время очевидно «бывший человек». Но все же неразумно поступил и Ряхин: надо было и на черный день оставить.

— Нет, друзья, не согласен я иметь много денег, но не иметь способности работать, — уверенным тоном заявил стоявший у костра крепко сложенный человек, голый до пояса, с мускулатурой борца и мощно посаженной на широких плечах головой. Довольно, братцы. Досказывай, Мирон, до точки, да и айда спать: нам, ведь, раненько надо вставать, наши миллионы добывать.

Это предложение все поддержали.

— Да что и рассказывать, — начал Мирон своим спокойным голосом. Я сам вам говорил, да и некоторые из вас правильно вывели заключение, что для человека всего важнее труд и любовь к нему. Понял это и Иван Гаврилович. И вот друзья поплыли по лунной дорожке и... Кто то здесь спросил — доплыли ли они куда? — Да, они выплыли на верную дорогу. Во многих местах они побывали и везде только трудом добывали себе средства к жизни. Они влились в ту многомиллионную армию, которая

создает сама миллионы, которой держится жизнь на нашей планете, в армию, часть которой составляете и вы, и которая творит прекрасную легенду о человеке-титане. Они поняли, что труд — это жизнь, это созидание и творение — он облагораживает, а существование на средства, добытые трудом других, это моральная и часто физическая смерть.

Мирон поднялся и его высокая, бодрая и мускулистая фигура при свете догорающего костра казалась олицетворением силы.

— Богатство для одного лица — это моральная тюрьма, это яд жизни. Оно порождает нежелание работать, растлевает дух и тело. Труд дает и мощь духа, и силу тела, особенно труд коллективный, перед которым не устоит ничто и который, как вы сами видите, оживляет самые дикие недоступные уголки; труд, стремящийся создать новую светлую жизнь.

— Эх, — крикнул приглушенно парень с веселыми глазами, расправляя плечи, — и хорошо же ты говоришь, Мирон. — Затем, весело блеснув зубами, он задумчиво добавил: — А знаешь, Мирон, я думаю, что по весне мы спасли на ледоходе Ряхина и его приятеля Ивана Гавриловича.

— Ну, и думай, — ласковым голосом ответил Мирон. — А все же, друзья, пора и на боковую.

Медленно, как бы нехотя, все разошлись по своим местам, но долго еще, уже засыпая, переживали подробности рассказов и с гордостью думали, что и они полезные винты в той огромной машине, которая творит новую жизнь, прорубает окно в прекрасную жизнь будущего.

Н. В. Поворобник.

13-ый

Рассказ И. НИКОЛАИ

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

В палате — четверо. Паренек лет 19-ти, худой и прозрачный, похожий на мальчика, двое пожилых рабочих — бородастый и бритый, — и крохотный старичок лет 60-ти.

Старика поместили только вчера утром, он не успел еще освоиться с обстановкой: боится смять хорошо выглаженные простыни, не решается плевать в эмалированную плевательницу, — ясный и блестящий, как зеркало. Когда старичка душит кашель, он старается глотать мокроту, — а кашель душит поминутно.

Как правило: если закашляется один из четверых, остальные трое подкашливают. Вступают не беспорядочно, а с ритмичными паузами: принимают серьезный, выжидательный вид, чутко настораживаются, — как музыканты в оркестре, — и затем поодиночке пристают к ведущему основную мелодию.

— Со вчерашнего дня у меня усилился кашель, — говорит паренек в наступившем перерыве.

— Это старик всех нас взбуждает, — отзывается бородастый, — дохает походя.

— Такой басистый, что твой Шалапин, — вставляет бритый.

Старику становится смешно. Он ежится и корчится, стараясь сдержать кашель, наконец, прячется с головой под одеяло. Теперь кажется, будто под одеялом хрипит разлаженная гармоника, которую кто-то душит, а она не желает молчать. Гармоника берет верх. Старик приподнимается и дает волю хрипучему инструменту. Он смеется и кашляет, кашляет и смеется, ухитряясь изредка вставлять словечки:

— Это вы... робя... за кампанию... хе-хе... хороший народ... кхе-кхе... любезный народ... обходительный...

— Из солидарности, — добродушно шутит бритый.

Веселость старика достигает апогея, он часто машет руками, подпрыгивает на постели:

— Ох... сморозил... Уморил... совсем... Этакое отомлет ведь... хе-хе... кхе-кхе...

Чтобы обуздать приступ веселья, старик еще долго кувырится по кровати, наконец, утихает. Наступает молчание. Без кашля и без слов.

Лучи солнца обильным потоком заливают чистенькую, веселую комнатку. За окнами зеленеют реденькие деревья. Стоит весна. Паренек приподнялся на подушке и старается разглядеть что-то среди нежно-зеленой листвы.

— Окно бы открыть, — говорит он.

— Нельзя. Когда обход пройдет, — предупреждает бородач.

Сегодня пятница, профессорский обход, и пока он не кончится, больным нельзя ни встать, ни открыть окон. Таково положение, и оно выполняется с педантичной аккуратностью. Сестра и две сиделки то и дело заглядывают в палату, страшась обнаружить какой-нибудь беспорядок. Они, как колдуньи в плотой мелодраме, корчат страшные, угрожающие гримасы, воздевают над головами указательные персты и зловеще шипят:

— Лежите смирно... Не кашляйте... Не плюйте мимо... Уже приближается... уже через палату от нас... Тсс!..

Дверь бесшумно то открывается, то закрывается.

— Комедия!.. Как на экране, — смеется бритый рабочий.

— Вышkolи! он их, что твои придворные лакеи, — говорит другой.

— А что, он того... страшный? — с опаской осведомляется старик.

— Ты крокодила видал? — иронизирует бритый.

— Не доводилось.

— А жирафу?

Старик фыркает от смеха.

— Скажет тоже!.. Чудило...

— Так вот, он в тысячу раз страшнее...

Все, и даже грустный паренек, смеются. Потом все кашляют.

— Кашель — от куренья. Курить не позволяют, вот и кашель, — убежденно говорит старик.

— Крокодил проползет, пойдем курить, — утешает бритый.

Лежат, молчат, ждут. Скучно. И даже кашля нет.

— Вас как задавали? — интересуется старик.

— Как это — задавали?

— Ну, значит, сюда как приволокли?

— Сами пришли, кто нас волок?

— Сами? — удивляется старик. — Вопа что! А меня сгребли на улице. Закашлялся, значит, и кровь горлом... Присел на плитувар, откашляваю. А тут гражданин какой-то, шло ему в бок! «Тебе, — говорит, — лед, в больницу надоть, чихотка у тебя». А я ему: «У меня, — говорю, — чихотка сорок годов, только от больницы бог милослав». А он мне: «Серость, грит, это!» А я: «Знаю, серость, мы не господа!» Ну, слово за слово, гражданин это, значит, в амбицию: «Я, грит, этого дела оставить без движения не могу, потому, как сам по медицинской части. Ты, грит, других заражаешь. Тебя, грит, надо обязательно во...

И слово этакое мудреное сказал, в роде, как бы, значит, в катаджку. И что же бы вы думали, други мои! Ведь отправил, чтоб ему пусто было! Уж я его спросил — молил — нет, уперся, чтобы ему ни дна, ни покрышки. Заряжаешь, грит, да и все тут! Ну, сначала меня в этот самый... Пансер не пансер, а не хорошо в роде как бы... Там в халатах разные щекотали все, да стучали, а потом вот к вам в канцеляцию...

Старик тяжело вздохнул.

— Чудачина, чего же ты обижаешься? — удивился бритый. — Тебя вылечить хотят, а ты... несознательный ты...

— Это точно. Только непривычно как-то...

А чихотка — она ничего. С ней можно жить. Она токо богатых не любит, а с нами

свична. Нашинская болость, ничего. Давненько это было. Молодой я был, женатый. Потащила меня жонка к дохтуру, — профессор кислых щей какой-то был. Тот потормошил меня позывал во все места, как это у них в обычае. «Окачуриться, григ, беспременно, коли здесь проживагь останешься. Клеймат, григ, тебе менять надо, тогда подырагаешь ещє». Это воздух, значит, наш ему шибко не по нутру был. А как нам клеймат менять, когда у нас, к примеру, сапожное дело? Обмануи это я профессора и остаис в Питере. Только улицу евоную стал обходить, чтобы на глаза не попагься. А тут кум Савелий меня надоумил, — кума Савелья не знаете? По водопроводной части он? — ты, григ, еє, чихотку-то, водкой пользуй снаружи и снутри. Не любит, григ, еси с двух сторон допекать... Ну, я и начал...

— Допек? — засмеялись оба рабочие

— А то — нет? Скриплю вот шестой десяток и даже располагаю скрипеть. А он, профессор-то, этот клейматный, через годик этот свой клеймат переменял: на Волково, значит, от чихотки переселился. А почему? Потому — секрета насчет примочки не знал, не доучился еще...

— Бывает и на старуху проруха, — сказал бородатый.

— Век живи, век учиcь, а дураком померешь, — поддержал бритый.

Опять все посмеялись. Старик оживился, тронутый вниманием товарищей по несчастью:

— Смешно, братцы! Живу это я, значит, поживаю, примочкой дышу и никаких гвоздей. Баба это моя, — а потом и сыновья подростки стали, — нетнет, да меня опять к какому ни насть лучшему дохтуру сводокрут, смыком, значит, как доханье мое им поперек глотки встанет. Ну, пойдемье, это, чтобы отвязаться только. Так

ведь вот смехота, доложу я вам! Никому из них клеймат наш не трафил. Все как есть меня куда-то к лешему на кулички сплавить желали. А я не хочу. Так и не выезжал никуда. Разве иной раз только на Преображенское, когда уж старуха моя и сыновья перемыслили. Только в разное время слышь—послышь, то тот из моих целителей, то другой померши, Почитай, числом этак одиннадцать наберется. Али двенадцать? И то—двенадцать, ежели Шишмарева, Михайлу Лукича считать. Те-то все, кажись, от чихотки, а э-то—от примочки,—от водочки то-есть—шибко зашибать обожал...

В палату вбежала сестра с таким испуганным лицом, как будто к двери подступала, по крайней мере, банда белых.

— Тсс!.. Идут... идут... уже рядом... Да не кашляйте вы!.. Ужели подождать не можете?.. Точно малые ребята...

Наступила зловещая, подавленная тишина. Сестра, с поджатыми в виточку губами, вытанулась у притолоки, бросая исподлобья унытожающие взгляды на старика, который нечеловеческими усилиями боролся с обуревающим приступом несвоевременного кашля. Наконец, режим восторжествовал-таки: старик успокоился, задавнив своего сорокалетнего недруга. Туберкулезное светило приближалось. В палате воцарилась идеальная, мертвая тишина, если не считать жужжания мухи, в истерике бившейся о закрытое окно.

Неожиданно в соседнем помещении раздался звонкий топот многочисленных ног, как будто по дощеному паркету гарцевало стадо молодых и горячих мустангов. Прорвалось и сникло. Истерическая муха забилась сильнее. Сестра протянула руку и максимальным термометром придала несчастную страдальцу к стеклу. Топот мустангов возобновился. В порывисто распахнувшихся дверях показалась солидная рать врачей и практикантов, — мужчин и женщин, — одетых в белоснежное. Во главе шествия выступал высокий человек с обкусанными моржовыми усами, — известный профессор, — такой худой и суглобый, что без натяжки походил на коромысло, завернутое в белый бурнус. При беглом взгляде на ввалившуюся грудь этого полководца на туберкулезном фронте было ясно, что кроме чисто научных счетов с назойливым социальным недугом, у знаменитости имелись с ним еще и старые личные счеты.

Врач, пользовавший больных, давал профессору объяснения, с перепугу переверивая все, от фамилии больного до характера болезни. Профессор изредка щелкал большими скрюченным пальцем по лопаткам и отрывисто поправлял врача. Тот краснел, потел, в ужасе таращил глаза и путался еще более. Белохлатая рать благоговейно молчала, стараясь нагнать на лица вдумчивое выражение.

Подошла очередь старика, который решительно не мог осмыслить, почему вокруг такая сумятица? Он полусидел на кровати, почесывая острые коричневые ключицы,

и с удивлением переводил близорукие глазки с одного халата на другой.

Врач давал объяснения:

— Выходящий из ряда случаев, профессор. Произошел вчера... То есть, привезли вчера... Температура нормальная... Удивительно... Самочувствие хорошее... Непостижимо... А между тем... фамилия Кубышкин... То есть, левое легкое отсутствует... правое... в роде того...

Несгибающийся палец профессора долбил грудь и спину старика. Закрыв глаза, можно было подумать, что в палате поселился одинокий, но очень добросовестный и трудолюбивый дятел.

— Мда... протянул, наконец, профессор и посмотрел на свой палец.

Охлажденные люди молитвенно переглянулись, кое-кто близорукو уставился в записные книжечки.

— На что жауешься, дедушка? — спросил профессор.

Старик заерзал на постели и заулыбался:

— Курить не дают, ваша милость.

— Вам нельзя курить. — вредно, — улыбнулся и профессор.

— Поди ты! Чего вредно? Табак, он — пользительный. Кровь разгоняет. Вот, от тебя табачком пахнет, а меня завидки берут...

В толпе кто-то хихикнул. Профессор уныло рассматривал свой палец.

— Лечиться надо, дед. Seriously лечиться. И о табаке забыть пора. На юг вас надо. В горы. На чистый воздух. Или я ни за что не могу поручиться...

Старик весь распылся в улыбку:

— А ведь ты, ваша милость, тринадцатый...

— То есть, как это — тринадцатый? — удивился профессор.

— Обнаковенно как... Сорок годов меня от чихотки лечат. Двенадцать душ дохтуров меня стучали за это время... И все померши, как есть, до единого. И все, почесть, от нее, от чихотки... А я все скриплю! И все, как сговоривши, на юг куда-то гнали. Все двенадцать. Ты — тринадцатый, и тоже, что и те... Пстой, куда же ты, ваша милость, я еще не все досказал...

Профессор поднялся с табурета, на который присел перед этим и, сутулясь, направился к двери:

— Некогда мне, дед, глупости твои слушать... Меня другие больные ждут.

Старик кричал вдогонку:

— Прикажи, ваша милость, махру мою отдать. Вчера целый цибик отобрали. Изведусь я без курева...

В дверях профессор остановился:

— Сестра, велите вернуть больному его табак.

Палата опустела. Топот мустангов затык в отдалении. Больные рабочие хохотали, сидя на своих постелях. Паренек, улыбаясь, смотрел в окно.

— Ведь вот поди ж ты, какая штука, — философствовал старик. — Как услышал я, что табак вернут, так и дохоть перестал... Оказия да и только... А он — на юг! Чудак-человек...

Очерк К. Е. ВЕЙГЕЛИНА

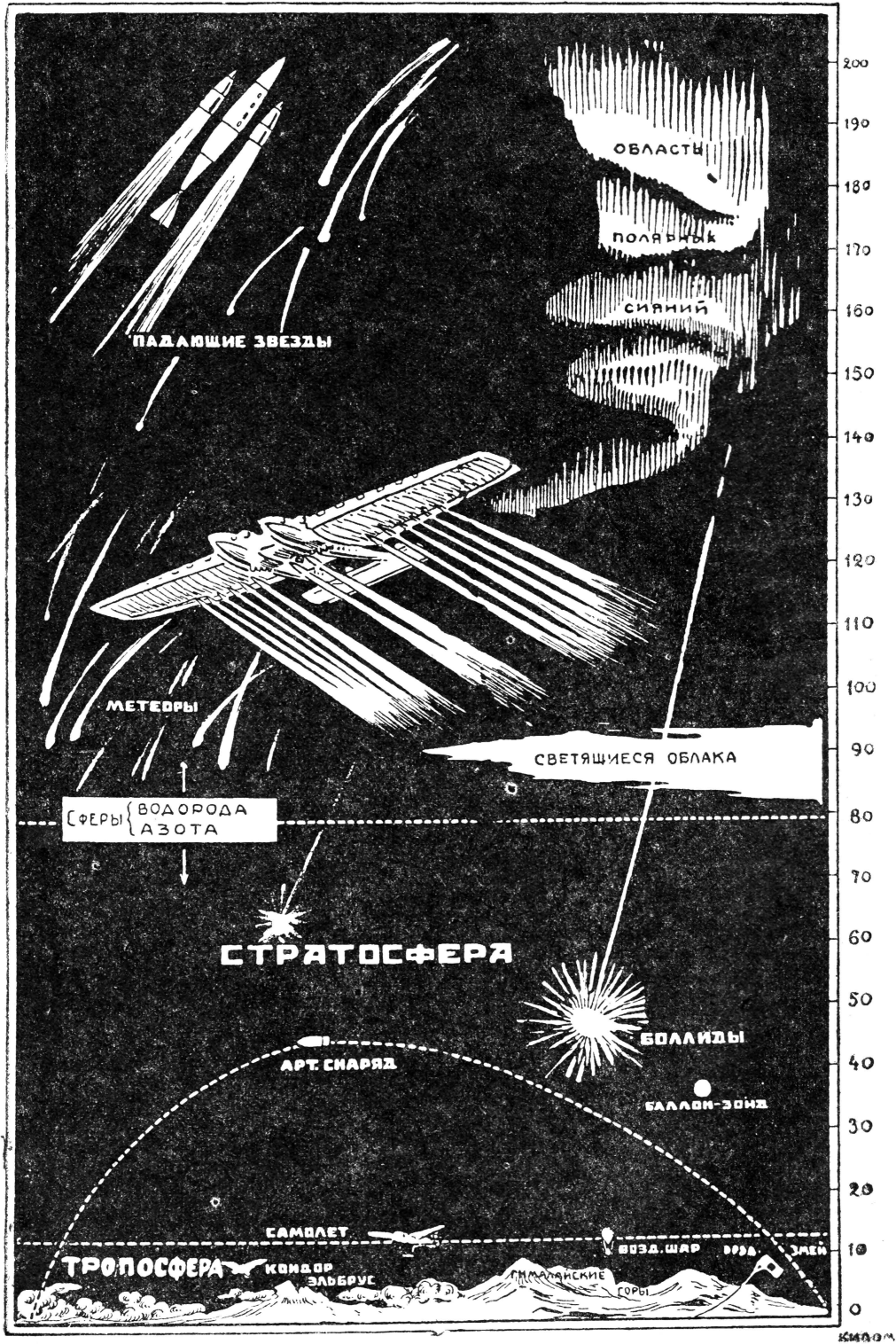
Ровно четверть века назад, 17 декабря 1903 г., два американца, братья Вилбур и Орville Райт, выполнили опыт, который длился всего 59 секунд, но который по своему историческому значению все же обессмертил их имена. В этот день в удивленной песчаной местности Китти Гаук, в штате Северная Каролина, на глазах всего нескольких помощников, был совершен первый взлет человека на управляемом механическом с мотором аппарате, предварительно облетанном без мотора. Правда, и до того людям удавалось не то чтобы летать, — но подлетывать на некоторых снарядах и машинах «тяжелый» воздух» (это техническое определение для отличия самолетов от газолетов — аэростатов, которые легче воздуха). Но раньше это были либо плаверы, — аппараты без моторов, — либо такие машины с двигателями, которыми их машинисты совершенно не владели, хотя некоторые из них и отрывались при испытаниях от земли, но затем быстро и беспомощно валялись обратно, неизбежно терпя аварию.

А бр. Райт совершили первый полет на аэроплане, созданном ими после длительной летной практики; и их аппарат оказался не только вполне летучим, но и прекрасно управляемым. Французы же, работавшие параллельно над этой же задачей, добились осуществления первых взлетов лишь в конце 1906 г. (Райты упорно не открывали своей тайны, желая продать ее дороже).

Так было 25 лет назад. За это время американская птичка выросла, окрепла, оперилась и высидела многотысячное потомство, которое эксплуатируется теперь наподобие и других механических средств передвижения на земле или на воде. Но человек жаден. Ему мало того, чтобы сравняться с птицами. Ведь в небесах витают не одни только птицы. Сколько еще новых и притягательных тайн в звездах, в планетах, в нашей милой спутнице Луне! (Сколько неизведанного таится еще ближе — в тех далеких слоях нашей земной атмосферы, где не был ни один человек, — даже ни один предмет, поднятый с земли, где мы можем только наблюдать какие-то еще неразгаданные отклики мировых явлений, не связанных с жизнью нашей бренной Земли!

За 25 лет человечество покорилось себе только тонкую пленку в самой глубине атмосферы, у самой поверхности Земли. Как позотно для передвижения, атмосфера

нужна на высоту 2—3 км; в гористой местности — повыше, до 5—6 км. Примерно до 7—8 км высоты простирается арена для военной авиации. А еще выше залезают только спортсмены, ачущие рекордов, или единичные исследователи самой атмосферы; но и здесь рекорд сравнительно невелик — около 12 км. А ведь атмосфера наша распустилась много, много выше! За пределами 10—12 км — нижнее царство облаков (грозосфера) — сменяется безландшафтной средой с почти постоянной температурой от 50 до 60 градусов (конечно, мороза). Это стратосфера, — ближайшая область, которую еще предстоит покорять. Ее мы знаем только по тем записям, которые приносят самопишущие приборы, поднимаемые на баллонах-зондах (они буквально зондируют высшие слои). Но и эти отдельные и отрывочные разведки имеют свой предел — рекорд поставлен пока на высоте в 37,7 км. А стратосфера простирается еще выше, — почти вдвое выше. Правда здесь воздух очень редкий: на 40 км атмосферное давление составляет всего около 2 мм ртутного столба, т. е. плотность воздуха равна около $\frac{1}{4}$ того воздуха, которым мы дышим у Земли. Но все же воздух есть, и по химическому составу он не очень отличается от нижних слоев. Выше — 60—80 км давление падает до 0,1—0,02 мм ртутн (0,14—0,03 г на 1 куб. см вместо 1,050 г у земли). Здесь наблюдаются «светящиеся облака», в которых распознают мельчайшую вулканическую пыль, еще поднимающуюся с Земли; это, повидимому, последние следы от нашей планеты. И здесь же ставится искусственная граница атмосферы: выше, примерно до 200 км, следы атмосферы сохраняются главным образом в виде частиц водорода, а еще выше водород уступает место другому газу — геокоронию. Но оба последних положения являются лишь гипотезой, не разделяемой всеми учеными. Даже самый газ геокороний гипотетичен — на Земле его нет нигде, и только спектральный анализ нащупал его следы где-то в солнечной короне. Есть и другие не менее смелые теории о самых верхушечных слоях атмосферы, но твердой базы под ними тоже нет: эти места еще совершенно непрозондированы, и все, что мы знаем, ограничивается наблюдениями в них падающих звезд и полярных сияний. Какая-то материальная среда неизбежно должна быть там, где тухнут, рас-

Внизу, у земли, рекордные достижения самолетов, возд. шаров (12 км), возд. змеев (9,7 км) и птиц (7 км). — В стратосферу с земли залезают лишь баллоны-зонды (без людей — до 37 км) и арт. снаряды сверх-дальнобойных орудий (до 40 км). Здесь и выше, — до 100—1.0 км, — могут в будущем применяться ракетные аэропланы, а еще выше — ракетные звездолеты без крыльев.

сыпаясь в прах при столкновении, раскаленные метеоры, — случайные гости из чужих миров, — и где светятся и искрятся разнообразнейшими переливами северные сияния, — повидимому, как отражение электромагнитной энергии, плещущей в пянах и протуберандах на нашем Солнце (это тоже одна из теорий).

Вот бего набросанная схема тех «небес», существование которых неразрывно связано с пребыванием на Земле всего человечества, но которые в своей сущности изучены нами лишь в самой нижней — «донной» — зоне, тогда как громадная масса их (вернее пространство) до 500 — 600 км от поверхности земли остается в прежней мгле. Надо ли удивляться, что с овладением донной тропосферой человеческие мечты и посягания перекинулись выше, — может быть даже слишком и нескромно высоко при современных условиях?

Для некоторого освещения последнего вопроса отметим один мелкий случай из текущей действительности, — факт, которому будущая история ответит, — может быть, — столь же почетное место, как и первому 59-ти секундному взлету бр. Райт.

11 июня 1928 г. Рен-Росситтенское лётно-исследовательское О-во в Германии произвело первые практические испытания аэроплана с ракетным двигателем. Ракетный самолет, имея на борту одного пилота, сделал три пробных взлета, причем во втором случае удачно пролетел по маршруту с несколькими поворотами на дистанцию от 1300 до 1500 м, оставаясь в воздухе в течение времени от 60 — до 80 секунд. Это первый в истории пример, когда механический аппарат (тяжелее воздуха) нес в атмосфере человека — не в силу инстинктивного аффекта, а от действия ракетного двигателя. И знаменателен этот факт потому, что из всех ныне существующих двигателей только одни ракетные способны работать независимо от свойств окружающей среды и даже при полном отсутствии всякой среды, в абсолютно пустом пространстве. Значит, только ракетные самолеты могут вынести человека в просторы неисследованных небес, и только с применением таких ракет может открыться по существу новая страница в аэрологии и в авиации.

Вопрос о ракетном двигателе, действующем отдачи, в силу реакции при мгновенном вырывании из ствола (сопла) взрывчатых газов громадного напряжения, отнюдь не нов. Но он получил сейчас наиболее живой интерес благодаря работам многих исследователей, в числе которых надо упомянуть прежде всего нашего соотечественника К. Э. Циолковского, американского профессора Годдарда и немецкого профессора Оберта. А испытания ракетных двигателей на разных тележках, проведенные этим летом в Германии при участии инженеров Опеля, Валира и Зандера, перенесли этот интерес чисто на практическую почву. Макс Валир, будучи и

лания новых воздушных кораблей — ракетопланов или лучше сказать стратопланов, которые должны, по его проекту, носиться со скоростью более 2 км в секунду (ок. 7500 км в час) на высоте около 60 км (см. крупный аэроплан с ракетами за крыльями на большой схеме, стр. 60). Наиболее молодой и увлекательнейший Валир разработал даже проект сообщения на таких стратопланах из Берлина в Нью-Йорк, с двумя остановками в пути: в Виго (Испания) и на одном из Азорских островов (в Атлантике); это путешествие должно занять по его расчету всего 1 ч. 33 м. (не считая остановок).

Но есть и более смелые проекты, не останавливающиеся в зоне стратосферы, а увлекающие людей еще выше, с тем, чтобы в идеале совсем оставить земную атмосферу. Для таких, скажем, звездолетов не нужны и крылья. Это будут, по мысли большинства «звездоплывателей», — чисто ракетные снаряды; обеспеченные возможностью развивать скорость свыше 8 км в секунду, они будут в состоянии поглощать силу земного притяжения (один такой звездолет изображен в самом верху схемы на стр. 60). Тогда можно будет говорить и о межпланетных путешествиях, и о каких-либо базах в межпланетном пространстве...

Насколько реальны подобные проекты? Не превалирует ли в них элемент фантастический над возможностью, допускаемой наукой и техникой?

Ответим на это тоже вопросом: а разве всем известные «романы» Ж. Верна не были в свое время тоже фантазиями? И разве большинство этих фантазий не воплощено в жизни сейчас?

Наука и техника не ставят фантазии никаких преон, так как и человеческий дух не знает в своем творчестве никаких преград. Но трудности, существующие сейчас, должны быть отмечены. Вот они в двух словах. Ракетный двигатель крайне неэкономичен: он требует, относительно, громадного количества горючего (взрывчатых веществ). И условия передвижения с громадными проектируемыми скоростями (во всех стадиях) совершенно не изучены — ни в отношении к машине, ни применительно к тем людям, которые должны будут в этих условиях находиться (играет роль даже не абсолютная скорость, а величина ускорения при отправлении в путь).

Думается, что в прогрессе той практической авиации, которая началась 25 лет назад взлетом бр. Райт, больших скачков и разрывов быть не может. Вслед за тропосферой предстоит покорить сперва совершенно неизведанную стратосферу. Допустим, что это удастся сделать значительно скорее, чем в 25 лет. Тогда, может быть, через четверть века после опытов текущего года с первым ракетным аэропланом, человечество овладеет новыми ступенями еще незатронутых небес над стратосферой... И тогда яснее будет видна новая грядущая эпоха — помимо аэронавтики и астронавтики... Только тогда и только так...

СОКРЫТЫЙ МИР

О черк д-ра З.

Обычно не обращают внимания, какое большее значение имеет в жизни человека чувство обоняния. Не задумываются и над тем, что у культурного человека это чувство становится все слабее.

Почти не преувеличивая можно сказать, что обоняние часто спасает нам жизнь. Только обоняние предупреждает нас о некоторых ядовитых газах.

Обычно при изготовлении осветительного газа, не имеющего запаха, насыщают его каким-нибудь запахом, чтобы уменьшить опасность удушья от небрежности. Другие газы, безвкусные сами по себе, предупреждают об угрозах для здоровья и жизни. Угольный газ говорит о присутствии смертоносной окиси углерода, у которой нет запаха, а газ сточных труб убедительно напоминает об условиях, грозящих здоровью. Характерные запахи связаны со многими болезнями и врачи пользуются для диагноза не только глазами, ушами, но и чувством обоняния. Химикам орган обоняния очень помогает при анализе, бактериологи определяют культуры по запаху, и даже свиноводы дел мастера с помощью чувства обоняния находят течь в котлах и трубах. В последнем случае через трубы пропускается вода, смешанная с мятым маслом, и затем принохиваются в соединениях труб и в местах трещин.

Интересно, что чувство обоняния первобытных народов значительно превосходит

это чувство у культурных рас. Дикие народы часто преследуют врага и охотятся за пищей, пользуясь исключительно обонянием.

У животных это чувство еще тоньше развито, но и животные, и люди уступают в этом отношении насекомым.

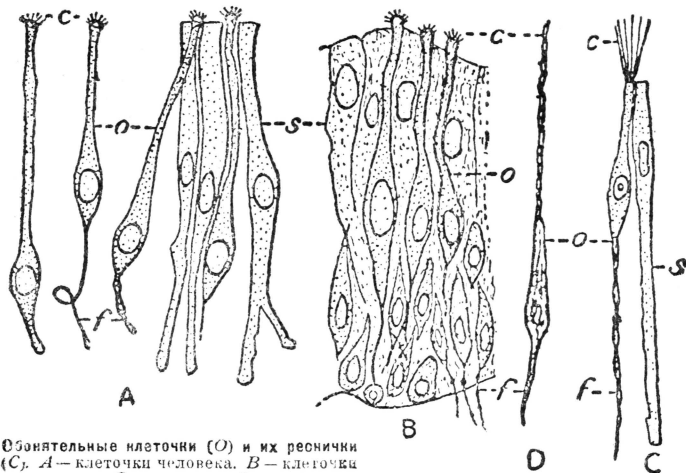
Нет сомнения, что чем дальше человек уходит от природы, тем он хуже воспринимает мир запахов. Негры и североамериканские индейцы отличаются замечательно тонким чувством обоняния. Некоторые негритянские племена на Антильских островах отличают по запаху след француза от следа своего соплеменника, а каннибалы и племена Квинслэнда, питающиеся змеями, по одному запаху находят тот сорт змей — боа, которыми они живут. Белладый исследователь приближал нос к самой земле, но не мог уловить запаха, которому с такой легкостью следовали негры.

Индейцы в Перу сплошь да рядом идут по следу так же уверенно, как собаки. Опыты показали, что и негры, и индейцы узнают в темноте приближение человека по запаху.

Но нет сомнения, что и культурный человек может развить в себе чувство обоняния. Люди, специально занятые изучением жизни пчел, начинают, в конце концов, различать ульи по их характерному запаху. Запах, повидимому, главный фактор, на котором основана общественная жизнь колоний пчел. Новый запах улья образуется, когда колонии соединяются, и чуждый улью запах уничтожается, когда вводится пчелиная матка — дарица.

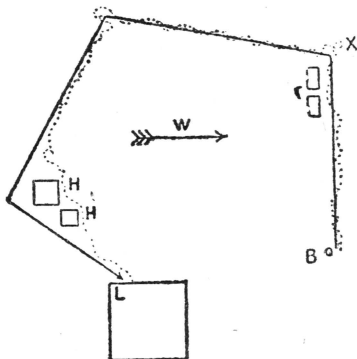
Умение различать пчелиные запахи помогает при ловле роя. Отсутствие или наличие запаха матки дает возможность определить, имеется ли в колонии матка и находить потерянных маток.

Сами пчелы также узнают свои ульи по запаху. Пчелы, как это ни забавно звучит, «нос» пчелы — ее орган обоняния находится у нее на колоне, т. е. на сгибах ног.

Обонятельные клеточки (O) и их реснички (C). А — клеточки человека, В — клеточки насекомых, С — личинки, D — рыбы.

Чувствительностью насекомых к запахам пользуются для уничтожения вредных насекомых. На запах отравленной приманки шли, например, муравьи, которые в 1922 году, положительно, заполнили штат Миссисипи.

Любопытный опыт в Амстердаме. На ровном, песчаном месте в Амстердаме, по обозначенному твердой линией пути, шел мальчик. Путь этот начинался у дерева *B* и кончался у лаборатории *L*. В точке *T* стояли две повозки, а в точке *H* два домика рабочих. Когда мальчик прошел весь путь от *B* до *L*, к дереву привели полицейскую собаку и дали ей понюхать шкуру мальчика. Собака пошла по следу мальчика, как показан пунктиром. В направлении, показанном стрелкой *W*, дул сильный ветер. Между деревом и повозками ветер, повидимому, отнес в сторону песок следа, потому что собака отклонилась вправо от линии пути мальчика. В точке *X*, где мальчик повернул налево, собаке представилась затруднения, что видно по извилистой линии ее пути. Перед самыми домиками рабочих собака потеряла след, что объясняется тем, что здесь ходило много народа. Но все таки собака снова находит след и приходит в точку *L*, куда пришел до нее мальчик.

кузнечики, которым в 1921 г. была объявлена в Канаде война, при чем в результате удалось в одной только провинции спасти 2400000 акров посевов. Таким же способом не раз удавалось в Италии спастись от мухи, уничтожающей целые оливковые леса. В настоящее время в Японии производятся опыты с ужасным олутошитель-дем—жуком. Ищут запах, который привлекал бы его и мог бы применяться учеными, как приманка. Раз запах найден,—начинается беспощадное уничтожение насекомых-вредителей и в результате собираются культурные насаждения.

Пьер Лоти в своей книге «Мадам Хризантем» упоминает о странном запахе, смеси лотоса и мускуса, интимном запахе Японии, запахе желтой расы, поднимающемся от земли. Другой писатель гово-

рит, что у различных рас — характерные им свойственные запахи, что если европейцу неприятен запах туземца Африки, то японскому носу еще неприятнее запах европейца.

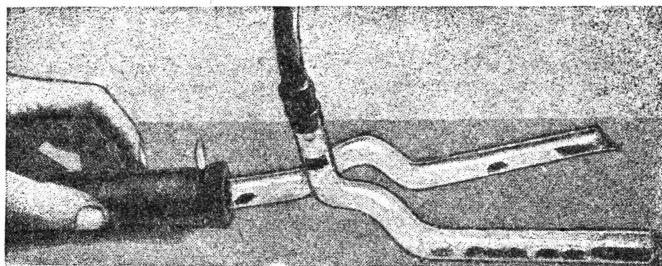
У культурных рас тонким обонянием отличаются главным образом слепые. Один молодой англичанин, Джон Митчелл, глухонемой и слепой, мог соприкасаться с миром только благодаря чувству обоняния. Он всегда узнавал, когда в комнате находился посторонний человек и составлял свое мнение о людях, основываясь на одном чувстве обоняния.

Правда, очень редко, но встречаются люди, которым запах человека говорит столько же, сколько игра черт его лица. Если вспомнить, что собаки именно таким способом узнают людей, понятно, что и люди, у которых хорошо развито чувство обоняния, могут делать то же самое.

Кожа постоянно выделяет продукты обмена, происходит образование и отмирание бесчисленных крошечных клеток, а продукты обмена обладают различными свойствами у каждого отдельного человека, так как нет двух одинаковых людей. Поэтому и рождаются различные химические запахи, исходящие от людей.

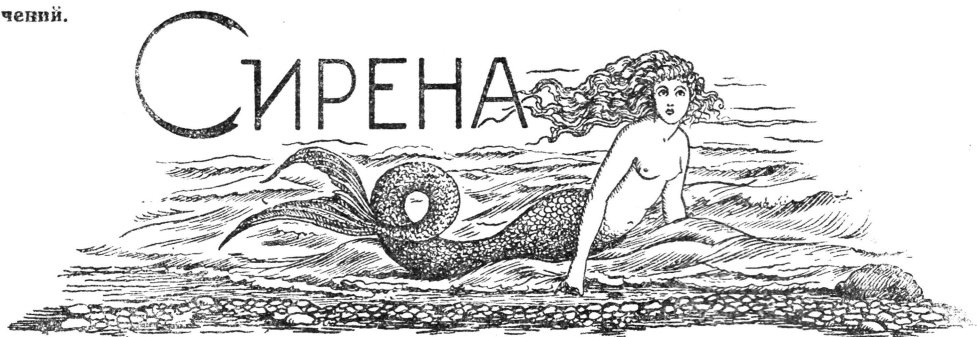
Изучением чувства обоняния занимались до сих пор очень мало. Чувства зрения и слуха были предметом усердных исследований, и их возбудители, световые и звуковые волны, и измерялись, и анализировались. В результате появились микроскоп, телескоп, фотография, кинематограф, открытие X-лучей, телеграф, телефон, радио и множество других достижений.

Надо думать, что развитие чувства обоняния, исследование его, систематизация, и вообще шаги вперед в этой области при-

Аппарат, определяющий чувствительность насекомых к запахам. В коленах трубочки с запахом — скопление насекомых, в колена же, в котором запах отсутствует, насекомые не идут.

вели бы к открытию целого нового мира и имели бы очень большое научное и экономическое значение.

Рассказ М. ГРИГОШИНОЙ

Иллюстрации Н. УШИНА

— Встречали вы в странствиях что-нибудь чудесное, необъяснимое? — спросила хозяйка одного из интереснейших своих гостей, путешественника, много скитавшегося по свету.

— Ну, матушка, — пробурчал супруг, — чудес не бывает в наше время.

— Я с вами несогласен, — спокойно возразил гость. — Чудеса существуют и по-сейчас, и я век буду хранить воспоминание об одном, которое видел своими глазами. Я видел сирену — загадку природы, существо, отрицаемое учеными.

— Что за ерунда! Сирены измышлены Гомером, или каким-то другим архивным старцем.

— А я видел живую и, повторяю, по-сейчас не могу забыть ее.

— Где же вы ее нашли? На каком-нибудь пляже во время купанья?

— Ах! Это, верно, была ваша «сопляжница» в Крыму, — и вся молодая компания расхохоталась.

— Да, я видел ее на пляже, но не в Крыму, а поужине, за Баб-эль Мандебским проливом, недалеко от Красного или Черного моря.

— Негритянка?

— Ни к какой человеческой расе она не принадлежала. Она была именно сиреной, морской девицей; если хотите — русалкой, — по пояс женщина, а дальше рыба.

— Не сердитесь, но это басня! Или вы смеетесь над нами!

Рассказчик пристально поглядел на говорившего и сказал твердо и раздельно:

— Басен я сам не люблю, а чудо это видел своими глазами и, даю вам слово, если бы не несчастный случай, то и всякий из вас мог бы при желании увидеть и осязать его. Вы, может быть, слышали, что я как-то участвовал в экспедиции в Абиссинию и Эритрею на берегу Черного моря. Экспедиция уехала домой, а я, заболев желтой лихорадкой, застрял с татаринцом Абдулой в Самолийской деревушке, откуда на рыбацкой лодке должен был добираться до принадлежащего французам Обока, так как на свой риск и страх забрался много южнее. Лихорадка моя, благодаря преданному уходу Абдулы, прошла, но слабость была еще

ужасная. Иногда я целыми днями дремал в нашей хижине — плетушке из камыша и ветвей.

И вот как-то утром вбегает Абдула и говорит:

— Иди! иди! Там рыбаки морского барышню поймали!

— Какую барышню?

— Да водянику дочка! Полженщина — полосетра... — Абдула был с Волги, симбирский татарин.

— Ни пойду! враки, и жара адова! Или сам, коль в басни веришь.

Но Абдула не отстал, а упрасивал меня дойти до моря. Там в стороне, на самом краю берега, у одиноко стоявшей хижины толпились кучка людей. Надев шлем из лубы, я пошелся, а мой татарин уже расталкивал толпу, чтобы очистить мне дорогу. У входа поджидал высокий самолонец с седою бородою, странной на темнокожем лице и, кланяясь чуть не до земли, знаками объяснил, что они с сыном выловили большую рыбу с человеческим лицом и руками. Я согнулся и вполз в хижину. В полумраке я увидел действительно нечто сказочное. Это была именно сирена, как ее описывали древние, женщина с рыбьим хвостом.

— Красивая?

— По-моему, прекрасная, потому что была трогательна. Круглое, смугловатое молодое лицо было обращено вверх. Нос был несколько широк, но с горбинкой, а закрытые глаза с длинными ресницами и полуоткрытый рот с большими между губ зубами, выражали столько муки, что меня ущемило за душу. Руки тонкие и тоже смуглые упирались напряженными пальцами в пол, точно она силилась встать. Волосы темные и негустые были длинные. Грудь — как у только еще начинающей развиваться девушки, а от талии шел рыбий хвост, голубее и серебристее остальной кожи.

— Жива она? — спросил я Абдулу.

Тот сунулся, было, к ней, но я опередил его, подошел сам, нагнулся к ее маленькому и круглому уху и повторил по-арабски: — Ты жива?

Ответа, конечно, не было. Сидевшие на корточках у двери рыбаки знаками по-

снили, что она нема и глуха. Я подошел ближе и коснулся ее плеча. Она не шевельнулась. Я встал на колени, взял ее за руку. Пальцы не отрывались от земли и были холодные. — Рыбы холодные, потому что у них холодная кровь! — вспомнил я и, придвинувшись, приложил ухо к сердцу: оно стучало. Я встал и объяснил рыбакам, что ее надо вернуть родной стихии, иначе она умрет. Они дико улыбнулись, обменялись беглым и хитрым взглядом и закачали головами. — Нет! — они не вернут своей добычи морю. А если господин хочет, они продадут девушку ему за тысячу реалов. — Деньги у меня были немного. Я пожал плечами и хотел повториться, но меня заменил Абдула. Призвав Аллаха, он принялся торговаться, как его соотечичи на толкучке, когда скупают барахло, так что я всех троих выгнал за дверь.

Снова встал я на колени и начал шептать ласковые слова, говоря, что я куплю ее и сам отнесу в море, и она опять оживет и будет счастлива, и пусть помнит, что не все люди жестоки. Она лежала все также неподвижно, не поднимая век, не закрывая скорбного рта. Я снова стал слушать ее сердце, боясь руками коснуться ее. Тело было холодное, но сердце билось неровными шумами. Я приложил ухо к спине. Те же шумы, тот же стук. Что за притча?.. Я приложил руку трубкой к плечу — сердце билось в плече. Я вскочил на ноги. Ее сердце стучало у меня в висках. Это была моя собственная лихорадочно приливающая кровь. Новый приступ?.. Нет, слабость... Я нагнулся к спине, взял ее голову ладонями за виски, хотел повернуть к себе лицом. — голова не подалась, она застыла. Сирена была мертва. Открытие острой болью прошло по моему телу.

Я стоял, глядел на нее и думал: что должна была испытать эта полудевушка, полурыба, извлеченная из свежих волн на горячий песок. Как трепетала она, как била серебряным хвостом, как рвала тонкими пальцами петли сетей, которые влекли ее из родной пучины на неведомый берег?.. А может быть, напротив, она была рада, ей хотелось посмотреть на него, узнать поближе тех, на кого она была наполовину похожа, ей наскучили рыбы и дельфины, она томилась в их нежном и тупом обществе, поглощенном одними физическими интересами. Но едва ее туповидно коснулось земли, рыбые естество ее двойной природы почувствовало себя в беде и взяло верх над человеческим. Сердце не вынесло боли от ожогов солнца, и она умерла, укорая его за жгучесть ласк, не давшую ей изведать, что такое земная жизнь и что за существо живут на берегу. Может быть, этот молодой самолещ уже давно приглянулся ей, как принц русалке в сказке Андерсена?..

Абдула вполз в хижину и прошептал:

— Давай сто! я сторговал ее!

Я вручил ему деньги, несколько не удивившись такой славке.

— Ты моя теперь, и я отдам тебя морю!.. — хотел я сказать, но тут явилась другая

мысль. Возвращать волнам труп не имело смысла. Гораздо целесообразнее было направить это морское чудо в какую-нибудь кушеткамеру. Эх! будь в этой захолустной деревушке телеграф, можно было бы снестись с Академией Наук, и Зоологический Музей обогатился бы диковиной, столь упорно отрицаемой ученым миром.

Я начал раздумывать, как теперь быть? Жара — тропическая, и разложение может наступить сразу. Что делать? у самолюбцев нет лодок с двойным днищем для хранения улова. Вся пойманная рыба сразу расходуется и съедается. Завернуть в сеть и опустить с берега в море? Но какая может быть гарантия, что морские коньки и раки не проникнут через сетли и не источат труп до костей, или что не растерзают его акулы, изобилующие в здешних водах? Надо, не теряя времени, ехать в Обок и розыскать там какую-нибудь подходящую укладку. Я велел Абдуле заказать лодку.

— Нельзя заказать! — был ответ. — Никого нет. Когда назад — не знают. Пить ром уехали.

Выйдя на берег, я увидел, что и впрямь ни одной лодки нигде не было. Вдали лишь виднелись черные точки, да двигалась черточка с длинным хвостом дыма, очевидно, пароход, отошедший из Обока.

Тут мне пришлось в голову: не засыпать ли пока труп сирены песком? Песок был абсолютно сухой и мог служить отличным предохранителем от доступа воздуха и, значит, от гниения. По моему приказу, Абдула за еще оставшиеся у меня стеклянные бусы и наши яркие деревенские платки погрядил женщин и ребятшек, и они скопом начали таскать песок в хижину и засыпать сирену, не трогая с места. Взялись они за дело весьма охотно, но у женщин я заметил какое-то выражение боязни и даже отвращения, когда они подходили к ней, что-то злое и враждебное. Но работали спорно, и насыпанный красноватый холмик вскоре скрыл все очертания морского чуда.

По окончании работы, в которой и я принимал не малое участие, я почувствовал такое изнеможение, что Абдуле пришлось полунести меня домой и закатить новую дозу хины. Ночь не обошлась без кошмаров, чему особенно содействовал хохот гиены и лай шакалов, почуявших в плотно запертой хижине засыпанный труп. Да и сгор, заросших тропическими дебрями, подступавшими стеною к побережью, доносились крики обезьян и чудилось даже рыканье тигра. Но к утру все стихло, и я уснул очень крепко. Освеженный сном, я велел Абдуле готовиться к отъезду, решив перевезти сирену в насыпанный песком лодке в Обок, а сам поспешил к хижине, боясь найти морскую деву потревоженной зверями.

Каково же было мое изумление, когда у дверей я увидел огромную толпу туземцев, а среди них трех европейцев, в шляхах с белыми кисельными тюрбанами, и обоих рыбаков, благоговейно слушавших ино-

странца, изъяснявшегося по-самолійски. Увидев меня, один из иностранцев быстро пошел мне навстречу и отрекомендовался по-французски: — Капитан Н... — Я назвал себя.

— Это вы засыпали ее песком?

— Я. А что?

— Да она начала портиться, а мы дали за нее огромные деньги.

— Какие деньги? Я купил ее за сто реалов.

— С нас они спросили две тысячи, а мы сторговались за триста.

— С меня они хотели тысячу и уступили за сто. Сирена моя, я заплатил за нее сразу все уговоренное.

— Они говорят, что взяли с вас сто реалов только за осмотр.

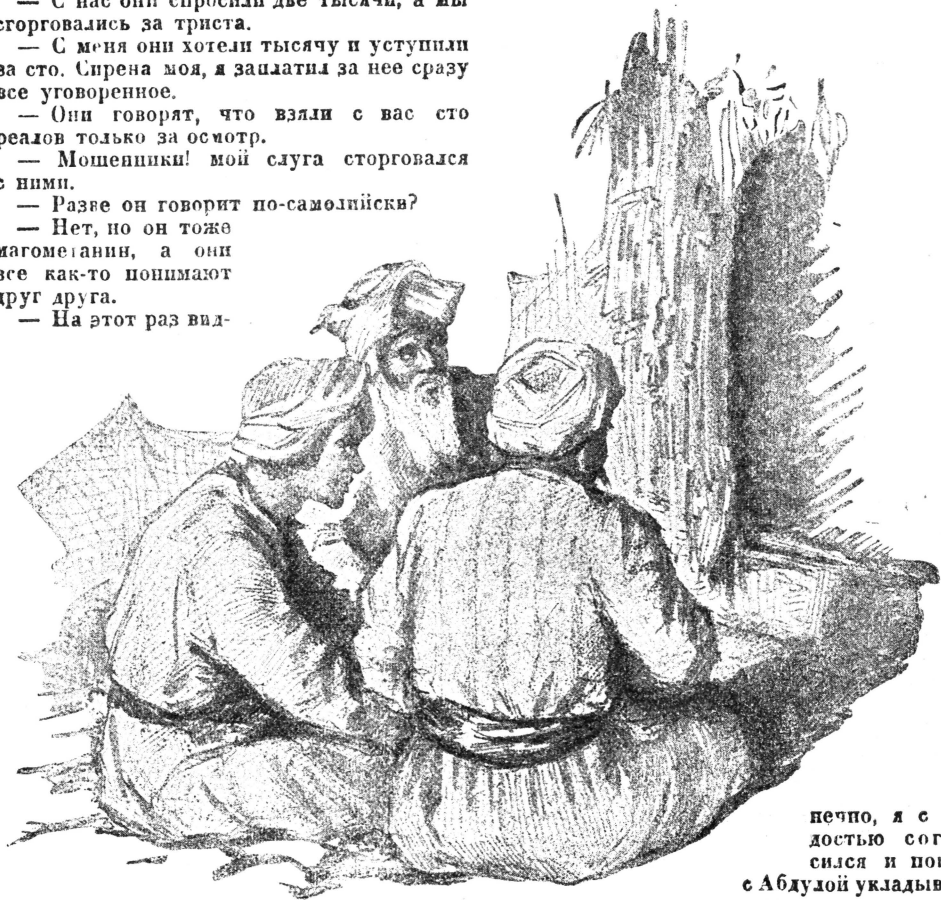
— Мошенники! мой слуга сторговался с ними.

— Разве он говорит по-самолійски?

— Нет, но он тоже магомеланин, а они все как-то понимают друг друга.

— На этот раз вид-

В эту минуту вынесли сирену, но в каком виде! Лицо почернело, руки вспухли, хвост обмяк, чешуя поблекла. Ни следа вчерашней трогательной красоты! В бочку уложили не морскую деву, а тюленеобразное, почти отвратительное чудовище, от которого уже шел трупный запах. Я отвернулся и хотел распрощаться, когда капитан любезно предложил место в своей моторной лодке. Ко-

нечно, я с радостью согласился и пошел с Абдулой укладывать вещи.

но не поняли, и мы купили чудовище (мою-то дивную сирену!) и привезли все, чтобы упаковать его, — бочку с селитрой и солью, и смолу, чтобы залить ее.

— Но позвольте! Я уже снесся с нашей Академией Наук! — соврал я.

— Ваша Академия должна будет уступить свои притязания нашей. Мы вчера уже имели ответную депешу и сейчас отправляем этот монстр в Париж.

Подождал Абдула и так и ахнул, когда я сообщил ему, что протестовать теперь лишнее, и что рыбаки нас надули. Увидав его, рыбаки куда-то исчезли. Я указал татарину на стоявшую открытую бочку.

— Такой красивый барышня, и как балык солить! — закачал он головой. — Бедный морской барышня! Ай-ай-ай!..

Абдула ворчал что-то под нос, и я понял, что он собирается расправиться с рыбаками, но я строго запретил ему. Но когда наши тюки были снесены и устроены в лодке, в последнюю минуту татарин вдруг перемахнул через борт и сцепился-таки со стариком, неосторожно выставившимся из провожающей толпы.

— Пусть деньги наша вперед дадут, — и он быстро залопотал по-татарски, через слово повторяя Алла — Алла... И в конце концов старик принес-таки деньги и точно сконфуженно сунул их в руки Абдуле. Тот вырвал бумажку и плюнул ему чуть не в лицо:

— На! Кушай!..

Самолонец обомлел и заворочал белками. Французы разразились хохотом, и, когда

Абдула вернулся бегом в лодку, капитан хлопнул его по плечу.

— Bravo! Так ему и надо! Эти дикари ужасные негодяи, на всякую подлость готовы, надуют и своего, и чужого. Пожил бы вы среди них подольше, насмотрелись бы!..

Лодка застучала мотором и едва ушла на приличное расстояние, в толпе произошло смятение. Она вся задвигалась, закривлялась и, размахивая руками, стала что-то кричать вслед. Крики женщин сопровождались хохотом и дикими телодвижениями, в роде пляски живота, выражающими радость.

По приезде в Обок оказалось, что старик сунул Абдуле какую-то

судьба увидеть это чудо воочию. И фантазия разыгрывалась и рисовала удивительные перспективы.

В Суэце я сошел и сухим путем добрался до Каира. В его благодатном климате исчезли последние следы лихорадки. Цивилизованная

жизнь ее удобства и комфорт оттеснили недавно пережитое глубже в запасную память, и теперь многое стало мне казаться точно происходившими в кош-

этикетку, которую тот, не глядя, спрятал в карман.

Через три часа мы сошли на пристани. Французы отправились на свой стадионер, а я в парходную контору, где получил билет на отходивший вечером пароход в Суэц. На нем в трюме ехала и моя, увы, поселенная сирена. Но мне она рисовалась какою я видел ее в полумраке хижины.

Скоро берег растаял вдали, и кругом, под сразу зажегшимися звездами небом, переливалась фосфорическою рябью водная пучина. Под плеск ее о стенки парохода, сидя в раскидном кресле на палубе, я думаю: что это было за существо? Где таятся и водятся они? Почему о них ходят только легенды?.. И радовался, что, наконец, наука признает их существование и что мне дала

марных, болезненных грезах. Но о сирене помнил Абдула и вздыхал о ней, и ругал надувших нас дважды из-за нее самолийцев. Вскоре мы с ним вернулись в Россию.

— А сирена?

— Она уехала с тем же пароходом в Марсель.

— Постойте, — вмешался хозяин, — я смутно припоминаю, в газетах в то время промелькнуло известие о поимке морской русалки близ Черного моря и о том, что ее ждут во Франции.

— Совершенно верно! Но ее не дождались. Не доходя Корсики, пароход потерпел аварию; люди спаслись, но сам он со всем грузом затонул. Море не выдало своей тайны науке.

— Жаль! И вы уверены, что тогда басни о сиренах оказались бы не лишенными основания? — спросила хозяйка.

— Они всегда имели основание, — раздался голос. Это был молодой деслог, по-

дошедший к концу разговора. — В Средиземном море водятся вид тюленей с почти человеческим лицом.

— Но с лапами, а здесь были руки с пальцами и ногтями.

— В Беринговом море водятся сирены или морские коровы, без ушей, но с когтями на передних конечностях. Это травоядные и ходят по дну и питаются водорослями. Но чтобы такая могла заплывать в Индийский океан — сомневаюсь.

— Я рассказал только то, что видел и в чем могу принять присягу, — спокойно отпарировал рассказчик. — Моя сирена на морскую корову похожа не была. Я очень жалел, что из-за темноты в хижине не мог сфотографировать ее, но потом набросал ее в Каире на память, и рисунки эти целы.

— Интересно бы взглянуть! — с проневой вымолвил зоолог, — хотя фотография много ценнее.

Несмотря на эту пронию, рассказ произвел на всех впечатление искренности. С разрешения рассказчика, он был мною записан и, снабженный его собственноручными рисунками, отвезен мною в редакцию известного в свое время журнала, выход которого внезапно потом прекратился, и рассказ, и рисунки пропали.

* * *

Прошло несколько лет. Заезжаю как-то недавно к одному близкому приятелю и ученому Он предлагает прочесть кое-что из воспоминаний об экспедиции в Персидский залив, в которой был руководителем, и в первую голову называет имя рассказчика о сирене, как одного из участников.

— Позвольте, — останавливаю я. — Вы хорошо знали этого человека?

— Ну да! Он был моим помощником. Я пригласил его именно как застрахованного от желтой лихорадки, которую он раньше успел перенести в Африке.

— А о сирене от него слышали? — И торопливо, вкратце, я передал рассказ, казавшийся мне с течением времени все более сомнительным. Смотрю — собеседник улыбается.

— О сирене я от него не слышал, но скажу: сам такую сирену — хотя имя греческой мифологии не соответствует: — сирены были полуптицы, были одеты в перья и пели — я не только видал, но и купил.

— И привезли ее?

— Нет! швырнул в море и пожалел, что не отколотил продавца.

— Почему?

— Да это была обезьяна с пришитым рыбьим хвостом.

— Но ведь обезьяны покрыты шерстью...

— Ее можно обрить.

— А длинные волосы на голове?

— Их можно пришить!.. Я не знаю, каких размеров была сирена, виденная моим помощником, но моя, очевидно, была поменьше, около 1½ аршин, и сделана весьма искусно. А в Африке водятся самые крупные обезьяны в свете. Поверить же в такую подделку весьма нетрудно, тем более после желтой лихорадки и в полумраке хижины, куда доступ свету возможен единственно через дверь, так как стены без окон.

— Но разве есть красивые по-человечески обезьяны, с более или менее привлекательными, правильными чертами лица?

— Не знаю; за этим ответом вам надо обратиться к специалисту-зоологу.

И вот на-днях такой зоолог ответил мне:

— Красивых человеческих лиц у обезьян не встречается, самый череп разнится от нашего, но у многих обезьян никакой шерсти на лице не растет. А поддельные сирены — вещь бывающая. У нас, в Крыму, в Ялте, я знал такую. Втечение нескольких сезонов она красовалась в витрине у одного продавца, и он спрашивал за нее безумные деньги, так как она производила фурор среди непосвященных. Для зоолога подделка была бесспорна, для профана — незаметна, благодаря поразительной искусности.

Вдруг меня уколола мысль:

— Послушайте! Если можно так искусно сшить в одно рыбу и обезьяну, нельзя было разве точно также соединить и мертвую девушку с рыбой?..

— Отчего же нет?.. Конечно, возможно. Дикари очень хитры и ловки. Швы можно маскировать татуировкой под чешую... Они, может быть, не проделали бы этого из суеверия над соплеменниками, но над захваченной из чужого племени...

— Может быть, даже живой? — вырвалось у меня.

— Да, они жестоки, как звери... Они на все способны. Они могли вшить ее живую в кожу, снятую с молодой акулы, и она умерла в тяжких мучениях.

.....

Кто скажет? Кто осветит? Разгадка такого нечеловечно человеческого преступления поконтится на дне моря в наглухо засмоленной бочке.

Хвосты ввверх!

Рассказ С. КОЛДВЕЯ

— Что это с ним такое? — закричал во все горло директор аэропланной фабрики, наблюдавший за пробным полетом огромного моноплана, последнего выпуска компании.

Главный инженер поблелел. Было слышно, что на мгновение мотор аэроплана был выключен, потом пущен полным ходом, и аэроплан снова поднялся ввысь, окружая поле и пытаясь сделать спуск. Это была уже четвертая попытка. Главный инженер поблелел еще сильнее.

— Он не может снизиться! Слушайте, Бенсон! — крикнул он механику. — Несите скорее остальные огнетушители, захватите двух людей, — и прямо в мой автомобиль. А вы, Смит, вызывайте карету скорой помощи. Да поскорее!

Полным ходом мчался через аэродром автомобиль с директором и главным инженером на переднем сидении, и с механиками, держащими огнетушители, — на заднем. Остановился он на краю аэродрома.

— Дайте один из этих огнетушителей, мы остановимся в автомобиле, — торопливо говорил механику инженер, — а вы разойдитесь в разные стороны и, если он упадет, бегите к нему возможно скорее.

— Да что же с ним такое случилось? — повторил директор, нервно попыхивая трубкой. — Кажется, точно он не может опустить хвост. Хвост все время поднимается вверх, видите?

— Вижу, — угрюмо ответил главный инженер. — Вот он опять клюет носом с выключенным мотором.

Огромный моноплан, построенный для флота, скользящим полетом спускался в дальнем конце поля, выключив мотор. Нос аппарата все больше и больше наклонялся к земле, в то время, как хвост поднимался все выше, пока аэроплан не принял почти вертикального положения. Потом мотор снова зашумел и нос выровнялся как раз перед тем, как аэроплан достиг земли. Пилот снова выключил мотор. Нос аэроплана опять стал наклоняться вниз и хвост поднялся кверху. Но тут мотор снова заработал, и аэроплан промчался мимо людей, рассыпавшихся на краю поля.

— Где скорая помощь? — стоном вырвалось у директора. — Он непременно разобьется! Вы уверены, что ваш центр тяжести правилен?

— Совершенно уверен, — ответил главный инженер. — Это проклятый балласт соскользнул вперед. Вы знаете, что мы должны были нагрузить более 400 фунтов мешками с песком, чтобы заменить вес артиллери-

ста, орудия, боевых запасов и снаряжения радио. 417 фунтов в задней части отделения для артиллериста, — точный балласт. Ну, так он, верно, и соскользнул вперед. Меня не удивило бы, если бы балласт пролетел прямо через кабину наблюдателя. Хотел бы я знать...

Пилот тоже не прочь был бы знать, как бы ему снизиться. Он спрашивал себя, какое странное отсутствие соображения заставило его сделаться пилотом, испытывающим аэропланы. Он всегда считал себя опытным и знающим свое дело, и обычно не легко терялся. Но сегодня он ничего не мог поделать с аппаратом. Этот несчастный аэроплан точно был отравлен одним безумным желанием — броситься на весь мир прямо носом вперед!

Пилот вытер лоб платком. Как мог он снизиться, если невозможно было выключить машину без того, чтобы хвост не поднимался кверху?

Он летал вокруг аэродрома, ломая себе голову над этой задачей. Контрольные рычаги были в порядке. Он мог оглянуться и видеть через толстое, распухшее крыло аэроплана, как двигались элеваторы и руль, когда он делал движение ногой или рукой. Но не могло быть сомнения, что случилось какое-то несчастье. Очевидно, балласт соскользнул вперед, меняя центр тяжести, загружая нос аэроплана и поднимая тем самым хвост.

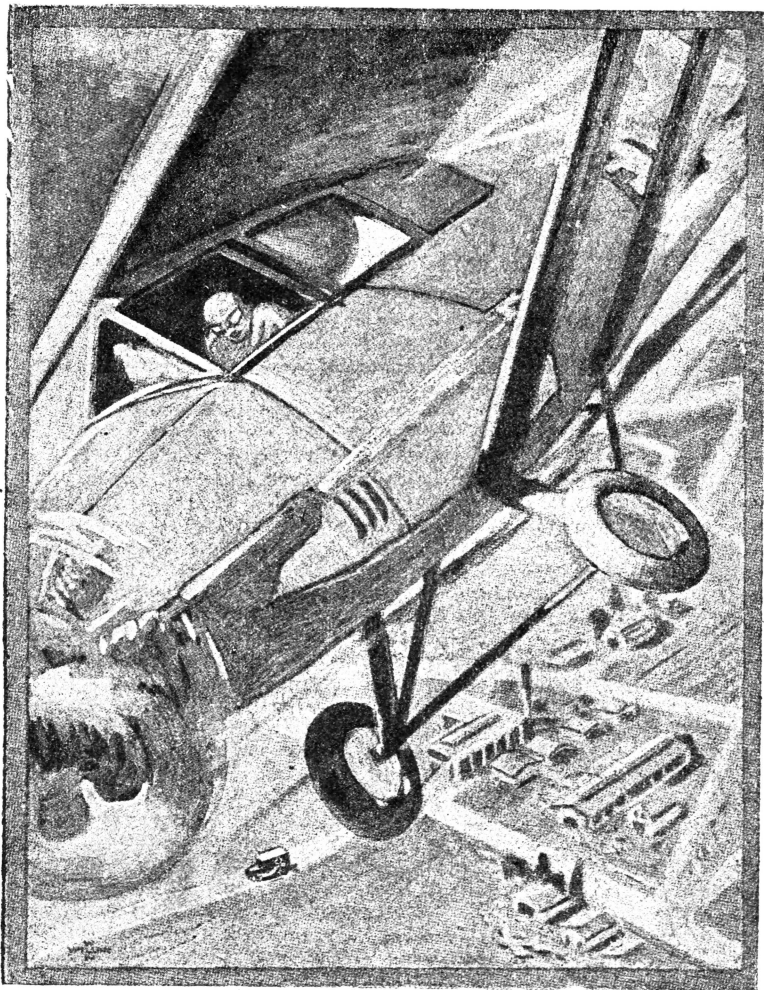
Но объяснение всегда легче найти, чем выход. Балласт должен был скатиться вперед от толчка, — рассуждал пилот, — значит, толчком же его нужно и вернуть на прежнее место. Он дал мотору полный ход и слегка нырнул, чтобы развить скорость. Потом он заставил аэроплан почти встать на хвост.

Пилот ощутил легкий толчок. Он угрюмо усмехнулся, думая, что теперь-то уж балласт вернулся на свое место.

— Поймал тебя, — говорил он себе, — ах, ты мерзкий, мерзкий балласт!

Но мгновение спустя, когда он снова выключил мотор и попробовал планирующий спуск, машина опять начала клевать носом.

Он попал в скверное положение и отчаянно понял это. Балласт не только скатился в переднюю часть отделения для артиллериста, он, без сомнения, пролетел прямо через маленький туннель, сообщавший с кабиной наблюдателя. А так как кабинка была почти на целый фут ниже пола помещения для артиллериста, то было совершенно невозможно вернуть балласт на

Он летал вокруг аэродрома, ломая себе голову над трудной задачей...

прежнее место. Можно было заставить балласт откатиться в заднюю часть кабинки наблюдателя, но не вернуть его наверх и назад. Где он лежит сейчас, там он останется.

Пилот знал, что не сможет снизиться обычным путем, с выключенным мотором, со скоростью шестидесяти миль в час. Все, что ему оставалось, это дать машине половину хода, снизиться очень быстро, и надеяться на лучшее. Но что это будет за лучшее? Хвост опять поднимется, как ракета, нос опустится вниз и машина полетит кубышкой при восьмидесяти милях в час.

Пилот в отчаянии заглянул вниз. Он увидел в автомобиле директора и главного инженера. Он заметил и другой автомобиль, странно напоминавший автомобиль скорой помощи. Рядом с автомобилем стоял человек в белом и смотрел наверх. Нет, это не была карета скорой помощи. Это фургон булочника. А этот человек в белом —

приказчик булочника. Но они, вероятно, послали же за каретой скорой помощи. Ему нужно продержаться, пока эта помощь не придет.

Он стал подниматься, уходя все дальше от земли. Он был на высоте 5 000 фугов. Если бы он мог пробраться в кабинку наблюдателя и перенести балласт!.. Не так трудно попасть назад. Надо перелезть через крыло и войти через подъемную дверь в крыше кабинки. Но что будет в это время с аэропланом? Пилот снял руку с рулевого рычага. Медленно и с некоторым достоинством повернулся аэроплан направо, затем правое его крыло опустилось. Вот, что случится, если он перейдет в кабинку. А дальше будет то, что аэроплан кубарем полетит вниз. Но нельзя закрывать глаз: это все-таки единственная возможность спастись. — Пилот вы-

ровнял аэроплан. Потом дал ему левый поворот. Он знал, что нужно будет несколько минут, чтобы аэроплан выпрямился и затем сам собою повернулся бы направо.

Нельзя было терять времени. Отстегнув предохранительный пояс, он как белка перелез через крыло и скрылся в подъемной двери.

Аэроплан точно сразу почувствовал, что нет больше твердых рук, управлявших им. Он быстро повернулся направо.

Пилот с лихорадочной торопливостью выбрасывал через туннель в помещение артиллериста мешки с песком. Он уже побросал туда полдюжины мешков, когда нос аэроплана вдруг оступился и кабинка стала крутиться, как веретено.

Пилот бросился к подъемной двери. Но в это время все мешки с песком, которые он побросал в помещение артиллериста, поползли обратно и ударили его по ногам. Он упал, потом с отчаянием схватился за вертающееся крыло. Нос был направлен те-

перь по вертикальной линии и аэроплан мчался вниз, как безумный.

Пилот просунул ноги в отверстие, задержался на мгновение наверху и потом скатился прямо в свое помещение. Голова его ударилась о рулевой рычаг. Ему казалось, что у него слишком много рук и ног, так здесь было тесно. Но, в конце концов, он все же выпрямил руль и поставил контрольный рычаг в нейтральное положение.

Аэроплан перестал вертеться, нырнул и затем выровнялся не выше, чем в 500 футах от земли.

— Фью! — свистнул пилот.

Может быть, — подумал он, — ему и удастся еще снизить аэроплан в таком положении, в каком он находился сейчас. Другого выхода, во всяком случае, не было. Если он опять не попробует перетащить балласт, аэроплан снова завертится и мешки, все равно, полетят обратно. Это не имело никакого смысла. Но снизить ему придется с мотором почти на полном ходу, чтобы хвост опять не поднялся кверху. Ему вспомнилось выражение военных летчиков, когда они бывали в хорошем настроении.

— Хвосты вверх! — говорили они.

Какая прощия! Хвосты вверх! Мало веселого было в этом аэроплане, упорно державшем хвост кверху.

Была не была! Он дал мотору такой ход, на какой только мог решиться, и аппарат стал снижаться со скоростью добрых семидесяти миль в час. Пилот едва дышал от волнения. Громче всего ему казался стук собственного сердца. Аэроплан снижался.

Во избежание пожара при падении на землю, он выключил мотор и напряженно стал ждать. Долго ждать ему не пришлось. Кверху поднялся хвост, и нос врезался в землю. Градиентно перекувырнувшись, аэроплан лег на спину.

Когда директор, главный инженер и механики

Пилот заметил автомобиль, странно напоминавший ему автомобиль „скорой помощи“...

бросились к аэроплану, пилот отстегивал предохранительный пояс. А когда они подбежали к разбитому аэроплану, пилот выбрался из своего положения вверх ногами, и головой и руками ткнулся в землю. Потом он выполз из-под аэроплана, встал на ноги и очутился лицом к лицу с испуганным директором.

— Где этот идлот, который так привязал балласт? — спросил пилот. — Где он?

Директор показал на маленькую фигурку, удаляющуюся по полю.

— Вон он идет. Он только что просил уволить его.

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ ЗАГОВОРИЛ

ГОВОРЯЩИЕ ФИЛЬМЫ ДЕМОНСТРИРУЮТСЯ В КИНО

О черк П. К.

Удивительно! Но как это делается?

Вот вопрос, который постоянно слышишь, когда упоминают о говорящих фильмах.

Как это делается? Очень просто! Звук приращается в свет, который запечатлевается на фильме вместе со светом, дающим картину. Потом в кинематографе этот свет, запечатленный на фильме, снова меняется в звук.

Принцип прост и детали его также не сложны. Но первые попытки были, конечно, как всегда, трудны. Где-то за экраном ставился граммофон, но зритель никак не мог забыть, что это граммофон. В те времена граммофоны не были приятными, послушными машинами сегодняшнего дня. И вы невольно должны были рассмеяться, когда нежные слова героя, обращенные к его возлюбленной, раздавались тогда, когда он уже скрылся за дверью. Или когда корнет кончал свое соло в руках артиста и далеко от его рта.

Теперь таких грубых несоответствий не бывает.

Ленинградские газеты только что поместили телеграммы, что в лондонских кинематографах демонстрируются говорящие фильмы. Вероятно, они скоро доберутся и до нас. Тем интереснее познакомиться теперь с созданием фильма, где звук совершенно совпадает с движением.

В Лондонском кино слышно раскачивание доски, с которой девушка-чемпион олимпийских игр бросается в воду. Во время раздался и всплеск воды, когда она нырнула. Совершенно отчетливо слышен удар мяча о ракетку и в высшей степени реально звучит команда во время парада войск.

Но это все-таки еще пионерская работа, во всяком случае — только начало настоящего развития.

Интересно отметить, что когда кончается какой-нибудь эпизод, тотчас же раздаются сильные звуки духового оркестра. Оказывается, что когда демонстрировались первые фильмы хроники, сопровождавшиеся звуками, заголовки показывались в тишине. И переход от шума какого-нибудь уличного

события к этой тишине был так странным, что зрители начинали смеяться. Теперь пробел этот заполняет в кино-студии духовой оркестр. Так идет прогресс...

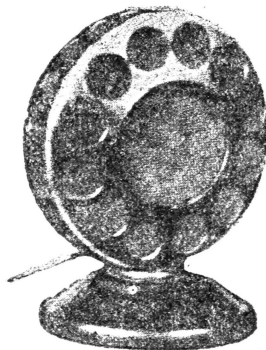
Но, кажется, никто не может сказать, как начались говорящие фильмы. Мнение, что первыми удачными опытами в этой области мы обязаны Эдиссону — спорно. Сам мистер Диксон, бывший ассистент Эдиссона, говорит, что в 1886 г. Эдиссон поручил ему произвести опыт соединения оживленной фотографии с Эдиссоновским фонографом, который тогда только что появился.

Граммофонные записи были цилиндрические, и Диксон начал свои опыты, запечатлевая картины на листах чувствительного целлулоида, обернутых вокруг барабанов. И Диксон сам признает, что желаемое движение картин не было достигнуто, и только два года спустя, когда Диксон получил от Джорджа Истмана, — прославившегося Кодаком, — длинную полосу прозрачного целлулоида, дело пошло лучше.

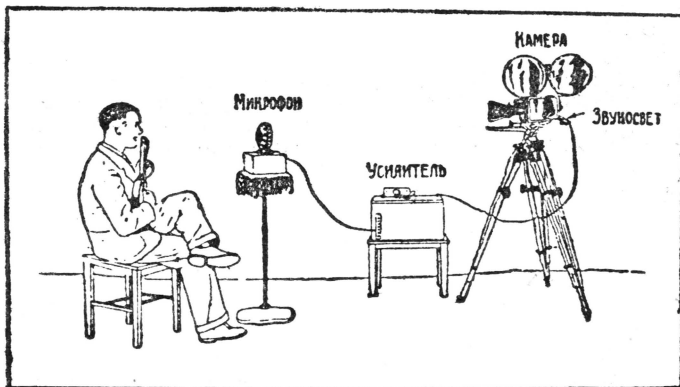
Много трудностей было преоборено, и в 1889 году, по словам Диксона, на экране была показана картина, изображавшая его входящим в дверь и говорящим речь, и звук был воспроизведен.

Но, во всяком случае, к звуковому фильму сегодняшнего дня привели не попытки Эдиссона и его ассистента.

Когда опыты соединения граммофон с фильмой не увенчались успехом, Ли де Форест поддал мысль, что звук нужно запечатлевать на самой фильме. Это оказалось возможным, и по этому принципу составляются «Фоно-фильмы Фореста» и на этом же принципе основана введенная теперь в Лондонском кинематографе «Нью-Галери» и в других системах «Мувион» (Кинозвук). Это странное для русского уха название «Мувион» происходит от слова «Movies». Глагол move — двигаться. Отсюда англичане сделали для обозначения кинематографа слово «Movies» (читается «мувис»), т. е. движущиеся. Так у нас сокращенно говорят «кино», во Франции — «синема».

Микрофон — ключ к говорящей
фильме.

Как записывается говорящая фильма.

Известно, что когда человек говорит в широкоэвещательный микрофон, звуковые волны его голоса превращаются в электрический ток, колеблющийся, как колеблется звук.

В системе «Мувион» эти токи, усиленные в 2500 миллионов раз, зажигают лампу. И лампа горит ярко или тускло в соответствии с тем, насколько звук громок.

Вместо того, чтобы оставлять для картины всю ширину фильма, заведующие звуком прикрывают справа полосу шириной в десятую дюйма, и на это пространство падает колеблющийся свет через узенькую щель в то время, как фильма проходит через камеру.

Когда в микрофон попадает сильный звук, идет сильный ток и лампа горит ярко. Яркий свет проходит через грошечную щель перед фильмом, и когда фильма развернута, на том месте, на которое падал свет, появляется черная полоса.

Если звук менее громок и лампа, следовательно, горит тусклее, линия на фильме будет не такая черная. Если звука не будет совсем, не получится тока из микрофона, не зажжется лампа, и звуковая дорожка на фильме будет пустой.

Таким образом в узкой ленточке линий возле края фильма у вас имеются громкие и тихие звуки. Но этого было бы недостаточно. Нужно еще запечатлеть диапазон звука — высокие и низкие ноты.

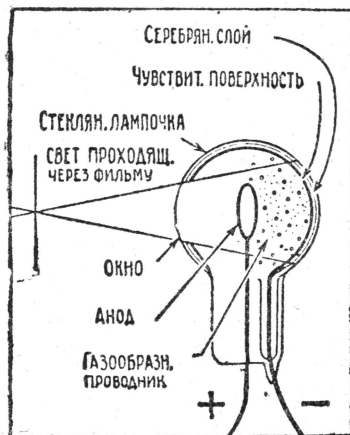
Звук проходит в воздухе волнами, и, если звук низкий, — волны длинные. Это сравнительно медленное колебание воздуха, доходя до микрофона, дает медленное колебание электрического тока, и линии на звуковой дорожке тогда на большом расстоянии друг от друга. Если нота высокая и звуковые волны короткие, линии на фильме расположены блико одна от другой.

Но это еще не так просто, как кажется. Мало звуков состоит из одной ноты, высокой или низкой, громкой или тихой. Но если сложные звуки речи или оркестра делают такие же сложные узоры на звуковой дорожке, то ясно, что принцип все тот же.

Теперь нам нужен аппарат к кинематографическому прожектору, который снова бы превращал отпечатки света и теней обратно в звуки. Чтобы сделать фильм, звук был превращен в электричество, а электричество в свет. Мы продаем обратную операцию со светом. Он проходит через щель и появляется в виде линии на звуковой дорожке. Когда фильма движется, свет пропускается обратно через звуковую часть фильма, о которой мы все время говорим, в зависимости от глубины или легкости линий на дорожке. Это даст нам вспышки света, соответствующие звуковым волнам. Как можем мы их приписать в первую половину обратного пути от света к электричеству?

Эта задача много лет мешала прогрессу звуковой фильма, но она перестала существовать с изобретением фото-электрической камеры. «Электрический глаз», как его часто называют, вы можете себе представить, как обыкновенную электрическую лампочку. Внутри вместо волосков металлическое кольцо. Одна из двух проводов, ведущих к камере, прикреплена к этому кольцу.

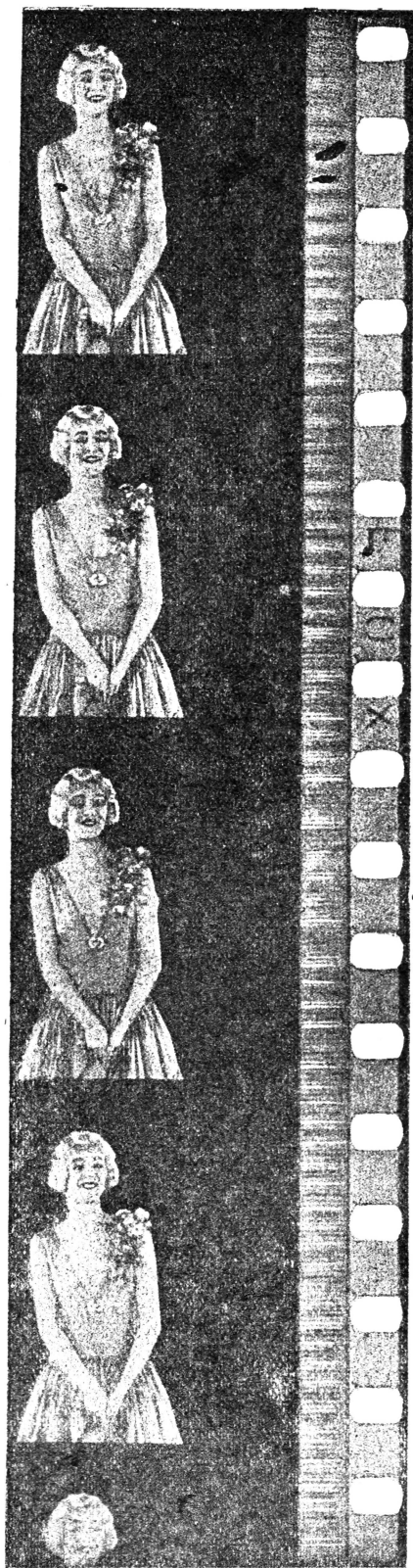
Половина шара покрыта внутри серебром, и в этом слое серебра заключена другая проволока, идущая к камере. Серебро по-

Как работает фото-электрическая камера или «электрический глаз».

крыто тонким слоем состава металлического поташа.

Затем происходит следующее. Когда свет падает на металлическую оболочку, крошечные электрические частицы — электроны — летят к кольцу посередине. При-

Кадры эффектной говорящей картины, снятые с артистки Д. Лауренс.

этом электроны превращают газ аргон, наполняющий лампочку, из непроводника электричества в проводник.

Когда вы поворачиваете обыкновенный электрический выключатель на стене, соединяются два куска металла, образуя проводник, и электрический ток идет. Когда свет падает на камеру, она становится проводником, и ток идет по одной проволоке к кольцу и от него к другой проволоке.

Ток идет только, когда свет падает на камеру, и количество тока меняется так же, как меняется свет. Таким образом, вспышки света, проходящие через звуковую дорожку на фильме, превращаются в электрические токи.

Фото-электрическая камера, совершающая это чудо, кажется просто невероятным аппаратом. Она может поймать свет свечи на расстоянии двух миль и не пропустить вспышки света, продолжающейся миллионную часть секунды.

Токи, даваемые камерой, усиливаются и проходят к громкоговорителям. Это закончена вторая часть пути. И свет снова превращен в звук.

Познакомим читателей «Мира Приключений» с проектирующим помещением в кинематографе «Нью-Галери» в то время, когда публике показывают фильм. Воспроизводящий аппарат имеет такой аккуратный, привлекательный вид, а электрический свет, крошечная щель линзы, концентрирующие свет на фильме, и первый усилитель заключены в ящике под обыкновенным прожектором.

Мы говорим — первый усилитель, потому что рядом с маленькими трубками, которые видны в металлическом ящике под прожектором, есть еще усилители, которые усиливают звук в миллионы раз прежде, чем он дойдет до публики.

Оператору приходится не только следить через окошечко за ходом картины, но и внимательно вслушиваться в звуки. Над его головой небольшой громкоговоритель, указывающий на силу звука. Если в театре очень накурено, силу увеличивают. И уменьшают, если воздух теплый и легкий. Поворачивая небольшие, похожие на колесики ручки, находящиеся сзади, оператор усиливает звук от шепота до рва.

— Я, — рассказывает очевидец, — видел прикрепленное к машинам другое, воспроизводящее звуки изображение — это витафон. Тут все запечатлевается на диске.

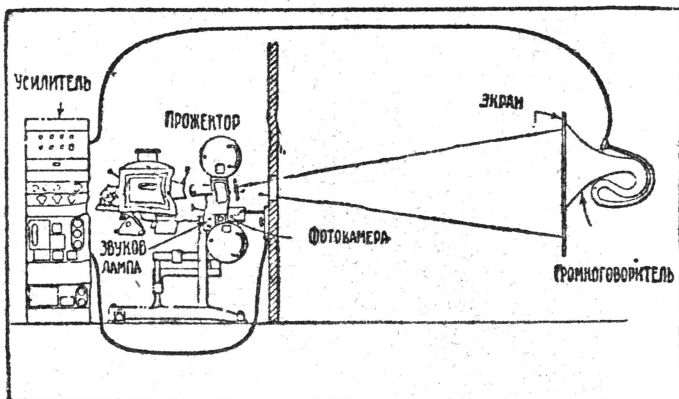
Существует еще система «Британского Фототона». Аппараты «Фототона» дешевле «Мувитона», который стоит тысячи фунтов. Компания «Британского Фототона» заявляет, что у них имеется метод, как соединить диск с звуковой машиной, что уничтожаются все недоразумения, происходившие при первых опытах от несоответствия звука и движения на фильме.

Появляются еще новые системы звуковых фильмов, и в этой области несомненно началось большое оживление.

Совет Лондонского графства опасается пожара и не разрешает оставлять свободного пространства между обратной стороной экрана и стеной, если нет противопожарного занавеса. Поэтому громкоговоритель нельзя помещать за экраном на высоте головы киноартиста, а громкоговоритель ставится внизу или наверху. В «Нью-Галлери» — четыре громкоговорителя по четырнадцать футов в длину и в четыре фута в диаметре отверстия. Два помещаются в верхних концах экрана, а два — в оркестре. Поэтому в фильме, изображавшей артиста, исполнявшего пролог из оперы «Паяцы», голос этого артиста казался как бы разъединенным от жестикулирующего певца.

Но, конечно, и эти неблагоприятные условия будут изменены.

Звуковая картина вытеснит немую картину. Люди во всех концах света усердно рабо-

Как демонстрируется публике говорящая картина.

туют теперь над усовершенствованием звуковых картин. Нет сомнения, что успехи будут достигаться большие.

Чего же нам ждать дальше? Да, вероятно, звуковых картин, передаваемых по радио. Несколько человек работают в этом направлении и некоторые достижения в этой области недавно демонстрировались в Америке.

Подождем!

Дружок

Джой

Фотографии из кадров фильма

Статья режиссера «Совкино» М. ХУХУНАШВИЛИ

В конце прошлого 1927 года ленинградская фабрика «Совкино» сделала большое культурное дело. Оно заключалось не только в том, что ею была поставлена детская картина «Золотой мед», но она вырвала из трущоб десяток отпетых, неисправимых беспризорников, для которых беспризорность сделалась насущной необходимостью. Совкино вернуло их к здоровой, действительной жизни.

Александр Баскаков, человек — чуть ли не родившийся под международными вагонами прямого сообщения Ленинград — Батум или Москва — Владивосток; Борис Тихомодов — «герой» Ташкента и др., теперь с некоторой гордостью работают на нашей кино-фабрике и принимают очень активное участие в общественной работе молодежи.

Припоминаю февраль текущего года, когда в кабинет коллектива «Золотой мед» вошел артист академических театров Ф. П. Богданов. Мы разговорились о той крепкой когорте детей-актеров, которую удалось создать при постановке картины «Золотой мед». Весь коллектив так сжился между собой, что никому из нас не хотелось расставаться друг с другом. От вчерашних «пацанов» до режиссеров чувствовалась какая-то интимная связь и было неизмеримо тяжело разрушить это наше духовное единство. Наша взаимная привязанность углублялась и тем, что советская общественность настойчиво требовала усиления работы по созданию детских фильмов. «Золотой мед» был тепло принят, и это открыло нас и поощряло для дальнейшей работы.

Надо было действовать, но не было спешных... Задача наша состояла в том, чтобы

в ударном порядке написать и провести по всем инстанциям сценарий. И тут же встал вопрос: какой материал брать для его предложения на экране.

Ф. П. Богданов — заветником по фильму «Золотой мед», был кровно заинтересован этим вопросом, ибо детей-актеров он любил не менее каждого из нас и на работу в нашем коллективе смотрел, как на какую-то священную свою обязанность.

— По-моему, дети очень любят животных. Собака — умное животное. У меня две собаки: Шимми и Билли... Их можно было бы использовать.

За эту мысль мы сразу и ухватились. На другой день коллектив уже располагал наснем написанным дублетом, в котором главными действующими лицами являлись собаки: дворняжка Дружок и дрессированный бульдог Джой.

Кроме собак-актеров в картине были заняты и наши дети-актеры во главе со «звездами» по «Золотому меду»: Фатимой Гилгазовой, Шурой Завьяловым и Борисом Лыткиным.

Фабрика очень тепло отнеслась к нашему проекту. Работа сразу же началась по двум направлениям: с одной стороны, было приступлено к спешному написанию сценария, а с другой — начались бешеные поиски собак-актеров.

Мы обратились к многочисленным дрессировщикам, объездили все питомники Ленинграда, сделали генеральный смотр собакам военной секции служебного собаководства, Областного Осоавиахима, но... безрезультатно. «Типаж» не был найден. Наших детей объял ужас: им мерещился детдом и... страшно не хотелось туда.

И вдруг, как говорится, улыбнулось счастье: к нам появился дрессировщик Ходорько и доставил собаку породы «альдертерьер» Вальку, по картине Дружок.

Пока мы предавались радости по случаю этого драгоценного приобретения, случилось несчастье: когда Дружка вели на «новую квартиру», он сбежал. Дело было не шутное. Начались поиски потерявшегося актера. И на этот раз на арену выступил тот же Ф. П. Богданов. Он немедленно двинул на поиски Дружка двух своих дрессированных собак, которые на другой день, под личной охраной, доставили нам нашего беглеца.

На роль барской собаки Джоя была использована штатная собака нашей кинофабрики Джонни.

Началась усиленная дрессировка немых актеров для великого немого. Эта трудная работа была поручена энергичному Ходорько.

Дружок показал блестящие способности и навык. Он удивительно быстро воспринимал все преподаваемое и выполнял безукоризненно. В первой части картины «Джой и Дружок» есть сцена, в которой Дружок должен вспрыгнуть на стол, схватить кусок колбасы и, перепрыгнув через загородившего дорогу Шуру, бежать на кухню. Дружок, без особого затруднения, выполняет это не легкое задание.

В пятой части ему приходится в дождь и бурю из-под колес бешено мчащегося поезда вытаскивать бесчувственного «Борю». Я и сейчас помню ту ночь, когда мы с биением сердца готовились к этому испытанию.

Это происходило около села Знаменка, в конце мая, в полночь, когда белое небо Ленинграда становится сумеречным. Пропеллер трещал и шумел со всей силой, оживляя сонную природу. Под вихрем пропеллера оживал не только воздух, но и буино колыхались деревья. Пожарные устроились в отдалении, чтобы не быть сбитыми искусственным ураганом. Они удачно подставляли под ветер струю избрантсбойта, создавая реально-жуткий ливень. Юпитеры шипели и мощно озаряли все кругом, создавая в окружающем нечто сказочное. Поезд был в засаде и ждал нашего сигнала. Все было в страшном напряжении. В ту минуту невольно забывалось, что все создано искусственно, лишь на территории пяти десятин, и что за этой съёмочной зоной крепко спит белая ночь севера.

Нас было много, очень много. В этот необычайный час пришли на зрелище и обитатели Знаменки, и дети, ухитрившиеся перехитрить администрацию ближайших детдомов.

И все мы, затаив дыхание, следили за героем этой ночи, Дружком, которому пред-

Умный Джой заменяет мальчика, удравшего от строгой, но заслужившей гувернантки.

Прекрасный артист Дружок в сцене с колбасой.

стояло показать не только свою дисциплинированность, но и незаурядную смелость и выдержанность. Легко сказать, оттащить «человека», почти из-под колес бешено мчащегося поезда! Всех мучила одна мысль: не срейфит ли в решающую минуту наш Дружок?

... И когда был дан сигнал «снимаем», казалось, сердца всех замерли и сотни значков расширились. Пропеллер затрещал еще сильнее. Юпитеры усилили шипение, излучая мощный пучок ослепительного света. Гремя и пытая, приближался поезд...

... и Дружок прыгнул с трехсаженного откоса снасать «Борю Лыткина».

Как бы на-зло еще сильнее засвистел и запытел поезд. Черным дымом заволокло небо и горячая струя пара обдала Дружка. Но славный Дружок знал, что делал. Он был как бы преисполнен единой идеей довести свою роль до конца. И, когда он из-под колес бешено мчащегося поезда вытащил «Борю Лыткина», раздались такие оглушительные аплодисменты и возгласы «ура», которые заглушали и шипение юпитеров, и треск пропеллера, и грохот колес мчащегося поезда.

Перечислить все сделанное Дружком — изнурение. Приходится только оговориться, что он неохотно играет роль забияки и в таких случаях его поддразнивали кошкой.

Что же касается Джоя, то его трудно было раскачать. Этот природный барин

снялся неохотно и был тяжел на подъем. Он двигался солидно и, когда его подгоняли, смотрел с убийственной холодностью, как бы высмеивая подобную человеческую неадекватность.

Сд пы, где ему приходится с монетой в зубах идти к ларьку за папиросами, или нажимать кнопку электрического звонка, или получать от почтальона журнал и отнести домой, эти сцены он выполнял отлично.

Конечно, в кино очень многое достигается путем монтажа, но и тут есть предел возможностям.

Дружок и Джой своей, я бы сказал, добросовестной игрой значительно облегчили задачу, поставленную сценарным положением фильма «Джой и Дружок».

Именно на их долю надо отнести те горячие аплодисменты, которыми хозяева картины — дети оглашали зрительный зал в день контрольного просмотра фильма.

Она пойдет в Ленинграде и Москве в конце года.

После этой фильмы Дружок снимался с большим успехом и для других пьес. Теперь он зачислен в постоянный штат фабрики.

Дети действительно любят животных. Животное — благодарный материал для экрана. И, не правда ли, немые актеры своей игрой приобретают способность речи в великом немом.

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

КОНКУРС НА ПРЕМИИ № 8.

Надо решить четыре помещенных здесь задачи №№ 30, 31, 32 и 33. Качество решений оценивается очками, согласно указаний в заголовках самих задач. Еще пол-очка дополнительно может быть прибавлено за тщательность и аккуратность в выполнении решений, при соблюдении, конечно, всех требуемых условий. Те участники конкурса, которые соберут в сумме наибольшее число очков, премируются следующими 10 премиями (при равенстве очков вопрос решается жребием):

1-я премия. "Мужчина и женщина" — 3 тома в роскошных переплетах (1938 стр. с 986 рис.), изд. "Просвещение" (ценность 40 руб.).

2-я премия. Альбом художественных произведений К. А. Сомова (ценность 10 руб.).

3-я премия. Бесплатное получение в течение 1929 г. журнала "Вестник Знания".

4-я премия. "Гений и творчество" — проф. С. О. Грузенберга — основы теории и психологии творчества.

5-я—10-я премии. По выбору премированных одно из след. изданий: "Наука в вопросах и ответах", "Общественная медицина и социальная гигиена" — проф. З. Г. Френкель, "Пылающие бездны" — фантаст. роман Н. Мухоморова или шесть №№ "Мира Приключений" за 1926 или 1927 гг.

Все решения по конкурсу должны быть изложены на отдельном листе, сверху коего должны быть указаны фамилия, адрес и № подписного билета (или взамен того наклеен адрес с бандероли, под которой получается журнал). На конверте нужно делать надпись "В отдел задач".

Срок присылки решений — 4 недели после отправления этого № журнала почтой из Ленинграда.

Картина без слов.

Задача № 30 — 2 очка.

Можно ли и по каким признакам судить об изображенных на рисунке часах: правильно ли показывают они время или стоят?

Задача из домино.

Задача № 31 — до 3 очков.

Даны 28 косточек обычной игры в домино. Надо отобрать из них — всеми возможными к тому способам — семь косточек так, чтобы они удовлетворяли следующим требованиям:

1) Все 7 косточек должны выкладываться в одну линию, с соблюдением общего правила игры в домино (т. е. 2 очка к 2, 5 — к 5, 0 — к 0 и т. д.).

2) Суммы очков в косточках, идя последовательно, должны составлять возрастающую арифметическую прогрессию, с разностью, равной единице; другими словами: если сумма очков в одной косточке с краю будет, например, 3, то суммы очков в следующих по порядку косточках должны быть 4, 5, 6, 7, 8 и 9 (всегда на единицу больше).

Требуется: а) перечислить все такие выкладки, обозначая каждую косточку двумя цифрами, соединенными тире (5—4, 1—1, 3—0 и т. д.); б) назвать те косточки, которые неизменяемы во все и в одной выкладке.

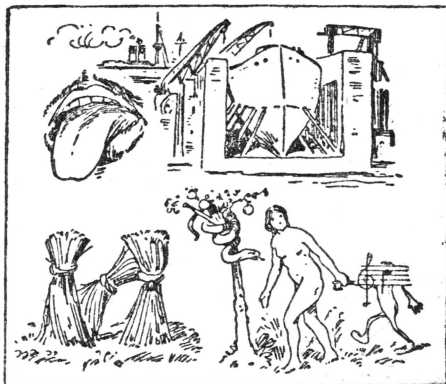
Льдина в море.

Задача № 32 — 2 очка.

В речном льду (удельный вес его — 0,9) был выплывен правильный кубик со сторонами (ребрами) в 1 метр. И этот кубик пустили в спокойное море так, что при погружении его в воду верхняя грань осталась горизонтальной. Спрашивается, насколько вылезал ледяной кубик своей верхней гранью над поверхностью морской воды, если удельный вес последней равен 1,04?

Ребус.

Задача № 33 — 2 очка.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Редактирует ЗАГАДАЙ-КА

ИТОГИ КОНКУРСА НА ПРЕМИИ № 5.

В решении конкурсных задач приняли участие 38 человек, из коих один — вне конкурса (не подписчик журнала). При оценке решений в зачет получили: 3 человека по 11 очков, 4 — по 10 очков, 6 — по 9 очков, 9 — по 8 очкам и 16 — по 7 и менее очков.

ПРЕМИИ РАСПРЕДЕЛЕНЫ ТАК:

1-я премия. „Мертвые души“ Гоголя — большой том в художественном переплете (ценность 30 руб.) — Г. А. Анисимов (г. Усолье, Иркут. окр.).

2-я премия. „Князь Серебряный“ А. Толстого, худож. изд., в худож. переплете (ценность 10 руб.) — Х. Файфман (Киев).

3-я и 4-я премии. Основы теории и психологии творчества — „Гений и творчество“ проф. С. О. Грузенберга: 3) Г. В. Смирнов (Одесса); 4) В. В. Семанов (Свердловск).

5 — 10-я премии. Одно из изданий, указанных в условиях конкурса: 5) Н. Ф. Олиферов (Зиновьевск); 6) М. А. Борковский (п. о. Маньковка, Ум. окр.); 7) В. В. Морозов (г. Яранск, Вятской г.); 8) Н. А. Стефанов (г. Кривой Рог); 9) Е. П. Финкельштейн (Самарканд); 10) В. И. Лапин (Новгород). В жеребьевке на последние премии участвовали еще: 11) П. Б. Горцев (Ростов н Д.) и 12) В. Н. Тациевский (Евпатория); вне конкурса участвовал (с оценкой в 10 баллов) А. С. Кириллов (г. Свердловск).

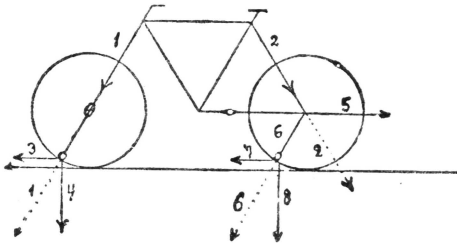
1 Просьба немедленно сделать заявки о желаемых премиях в „Отдел задач“.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА КОНКУРСЕ № 5.

Самокатный велосипед.

Задача № 19.

Хитрое устройство колес в применении к велосипеду дает изображенную здесь схему. Вес седока разл. жен на силы 1 и 2. Сила 1, перенесенная к ролику, заменена силами 3 и 4, а сила 2 разложена у оси заднего колеса на силы 5 и 6, причем только последняя сила (т. е. 6) заменена у ролика силами 7 и 8. Значит, помимо сил 3 и 4, и 7 и 8, на велосипед влияет сила 6, которая парализует действие сил 3 и 7

Значит, поступательного движения у велосипеда не будет. Но при особом соответствующем устройстве велосипеда, применительно ли к данной здесь схеме или с иной задней вилкой, параллельной передней вилке, велосипед мог бы получать толчок от давления на ободья, в силу опускания всей рамы с седоком: постоянное же движение таким способом было бы возможно не иначе, как при условии, что седок будет каждый раз после того вновь подниматься в исходное верхнее положение.

В читательских отзывах оба эти момента не получили достаточно точных объяснений, но очень многие напрасно смущались тем обстоятельством, что ось колеса не может ходить в назу вилки.

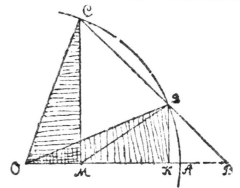
Найдите треугольники.

Задача № 20.

Если катеты искомого треугольника обозначить через a и b , то гипотенуза с будет равняться $a + b - 12$. Связь между сторонами прямоугольного треугольника

позволяет составить уравнение: $a^2 + b^2 = (a + b - 12)^2$, из которого получается (после преобразования), что $a = 12 + \frac{72}{b - 12}$. Но оба катета a и b должны быть (порознь) более 12 (потому что иначе будет противоречие условию); значит 72: ($b - 12$) есть целое положительное число, и значит ($b - 12$) = κ должно быть

любым из делителей числа 72. Таких делителей всего шесть: 1, 2, 3, 4, 6 и 8 (остальные шесть: 72, 36, 24, 18, 12 и 9, дополнительные к первым, повторяют к ним значения для другого катета). Шести первым делителям отвечают следующие значения всех сторон, сведенные в таблице (значения для катета a и для гипотенузы с исчислены просто, как указано слева).

$\kappa = b - 12$	1	2	3	4	6	8
$b = \kappa + 12$	13	14	15	16	18	20
$a = 12 + (72/\kappa)$	84	48	36	30	24	21
$c = a + \kappa$	85	50	39	34	30	29

Можно прийти к решению и другими способами, напр., используя свойство пифагоровых треугольников (со сторонами, выражаемыми в целых числах): $a = 2m$, $b = m^2 - n^2$, $c = m^2 + n^2$ (a , b и c — катеты и гипотенуза, a и n — произвольные целые числа, при $m > n$).

Общий способ построения заданного треугольника (независимо от его размеров) показан на схеме, где обозначения такие: $OA = c$, $OB = a + b$, $AB = 12$; $\angle OBC = 46^\circ$ потому $DK = KB$ и $CM = MB$. Оба заштрихованные треугольники OCM и ODK — одинаково удовлетворяют требованиям.

Кто и что написал?

Задача № 21.

При расшифровке получается фраза из М. Горького: „всякого слушай — никому не верь“

Вследствие позднего выхода книжки журнала, решения задач конкурса № 7 можно присылать до истечения 4 недель со дня отправления из Ленинграда этого номера.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, набело, чернилами, а не карандашом (а еще лучше—напечатаны на машинке), подписаны автором и снабжены его точным адресом. Переводчики должны прилагать иностранный оригинал. В случае необходимости, рукописи подлежат сокращениям и исправлениям. Рукописи, присылаемые без обозначения условий, оплачиваются по норме Редакции. Письменные ответы для Редакции не обязательны. На возврат рукописей необходимо прилагать марки. Непринятые рукописи хранятся 3 месяца и потом уничтожаются. Личный прием в Редакции по понедельникам от 2—5 ч. дня.

ПРИНЯТЫ К ПЕЧАТИ РАССКАЗЫ: „Тот, кто платит, и тот, кто смеется“.—„Седьмой остров“

НЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РАССКАЗЫ:

„Катастрофа Третьей Планеты“.—„Под мятежами“.—„Дружнички“.—„Джо“.—„Через перевал Шамси ночью“.—„Страх“.—„Голубой зверь“.—„Пари“.—„Матч“.—„Необдуманный шаг“.—„Искушение“.—„Бог смерти“.—„Погибшая столица Запорожья“.—„Остров контрабандистов“.—„Трагедия в Сумбее“.—„Котенок“.—„Экзамены“.—„За честь Франции“.—„Деревенские шутки“.—„Сон“.—„Постоянный посетитель“.—„Драма на прогулке“.—„Злоключения физкультурника Котика Лапкина“.—„Новое средство“.—„Непобедимый“.—„Илан-Дог—зменная гора“.—„Похмелье капитана Крикка“.—„Ушедший от смерти“.—„Конни-Гоюма“.—„Бой хитанков“.—„Китасец“.—„Ужас“.—„Выгодная сделка“.—„Что это было“.—„Три доли“.—„Тайна Отрубленной головы“.—„Пари“.—„Рассказы барышника“.—„Тайна“.—„Драма в океане“.—„Тайна Саванны“.—„Полет Д. Бартона“.—„Комната самоубийц“.—„Смертоносный запах“.—„Шестипалый бандит“.—„Фальшивый наследник“.—„Случайный ночлеж“.—„Тайна гор“.—„Некоторые ненормальности посещения“.—„Земля в опасности“.—„Колдун Обойма“.—„Луч смерти“.—„Человек, побиравший бизнес“.—„Озеро Палеостом“.

И. С. (Владимосток).—Общее, обязательное для всех правило: Редакция может напечатать произведение под псевдонимом, но для себя должна знать подлинное имя, отчество, фамилию и адрес автора.

В. Б. (Полужуаевское).—Никогда не посылайте кусочков рассказа с надписью: „продолжение следует“. Редакция должна иметь на рассмотрении совершенно законченное произведение.

А. С. П. (Москва).—Людам нужны деньги для организации производства искусственного каучука. Как будто люди серьезные! И вот они выдумывают создать буфетерский корабль для межпланетных сообщений. Сделали, а государство дало деньги, поналось на удочку. У Вас плохое представление о том, как проверяются открытия и изобретения.

С. В. З. (Сызна).—Материал в „Колдуне Обойма“ собран богатый, но повестный уже. Форма, к сожалению, совершенно лишена художественных достоинств.

Е. И. Ф. (Симферополь).—„Новое средство“, к сожалению, скучно и растянуто. Тема далеко не новая. Иностранной жизни Вы не знаете.

И.—„Деревенские шутки“ в Вашем изложении—корреспонденция из провинции о местных хулиганах. Художественность отсутствует.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на ежемесячный иллюстрированный
ЖУРНАЛ

ПОВЕСТЕЙ и РАССКАЗОВ

С ОТДЕЛОМ
ОТ ФАНТАЗИИ

и НАУКЕ

1929 г.

12 КНИГ
1000 стр.

БОГАТО и ХУДОЖЕСТВ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ
в МНОГОКРАСочНЫХ ОБЛОЖКАХ.

„Мир Приключений“

СТРОГО ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
С УЧАСТИЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ в ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ.

На 1929 г. журналом „Мир Приключений“ организованы 3 конкурса:

I. Ежемесячные литературные конкурсы—12 премий на общую сумму 1500 руб.

II. Конкурсы на лучший рассказ „ЗА РАБОТОЙ“—3 премии на сумму 600 рублей.

III. Конкурс на лучший рассказ „НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ“—3 премии на сумму 450 руб.

Кроме денежных премий присуждаются премии ценными книгами

за работу чисто литературную и за работу мысли в областях математической, физической и др.

—поощрение памяти, внимания и др. способностей вплоть до искусства в шахматной игре.—

—* Подробности о конкурсе см. стр. 2—5 кн. 10 „Мир Приключений“ 1928 г. —*

Подписная цена на 1929 год:

ОДИН руб. за 2 мес., 3 руб. за 6 мес., 5 руб. в год с доставкой и пересылкой.

ПРИ ПОДПИСКЕ НА ГОД РАССРОЧКА: первый взнос 2 руб. 50 коп. и к 15 июня 2 руб. 50 коп.,

или при подписке, к 15 марта, к 15 июня и 15 сент. по 1 р. 25 коп., при условии высылки денег.

в Контору журнала „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“, ЛЕНИНГРАД, 25, Стремянная, 8.

(V ГОД ИЗД.) **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1929 ГОД** (V ГОД ИЗД.)

НА ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПОД РЕД. АКАД. С. Ф. ПЛАТОНОВА

и ПРЕЗИДИУМА РЕДКОЛЛЕГИИ: акад. Д. К. ЗАБОЛУТНОГО, директора Научного Института им. Лесгафта проф. Н. А. МОРОЗОВА (шлиссельбуржда) и акад. Е. В. ТАРЛЕ

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“

Подписная цена на „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ **6 РУБ.**
без приложен. в год с доставкой и пересылкой

Допускается рассрочка: при подписке 3 руб. и к 15 июня 3 руб., или при подписке, к 15 апр. и к 15 июня по 2 руб.

ВСЕМ подписавшимся и выславшим деньги не позднее 1-го января 1929 года в Гл. Контору журнала „Вестник Знания“, Ленинград, Стремянная 8, будет разослано с первыми №№ журнала „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ **БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ**

НАУКА В КАРТИНАХ — КОНСПЕКТАХ

под редакцией проф. **Б. П. Вейнберга**, антрополога Академии Наук **Б. Н. Вишневского**, проф. **С. П. Глазенапа**, проф. **П. Ю. Шмидта** и др.

ИЛИ МОЖНО подписаться на журнал „ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ с приложениями, по одному из нижеслед. абонементов:

АБОНЕМЕНТ № 1

**24 КНИГИ ЖУРНАЛА
ВЕСТНИК ЗНАНИЯ**

12 КН. БОЛЬШОГО ФОРМ.

== **КЛАССИКИ** ==
МИРОВОЙ НАУКИ

**12 КН. БОЛЬШОГО ФОРМ.
ИСТОРИЯ ИСКУССТВ
ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ**

Подписная цена в год **12 руб.**

Допускается рассрочка:
при подписке, к **15 марта**,
к **15 июня** и к **15 сентября**
по **3 рубля**.

АБОНЕМЕНТ № 2

**24 КНИГИ ЖУРНАЛА
ВЕСТНИК ЗНАНИЯ**

12 КН. БОЛЬШОГО ФОРМ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

12 КН. БОЛЬШОГО ФОРМ.

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

== **БРЭМА** ==

Подписная цена в год **12 руб.**

Допускается рассрочка:
при подписке, к **15 марта**,
к **15 июня** и к **15 сентября**
по **3 рубля**.

АБОНЕМЕНТ № 3

**24 КНИГИ ЖУРНАЛА
ВЕСТНИК ЗНАНИЯ**

**ДВА КАПИТАЛЬНЫХ
СОЧИНЕНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПЕРЕПЛЕТАХ**

**1) ВСЕЛЕННАЯ
И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**

2) НАРОДЫ МИРА

Подписная цена в год **15 руб.**

Рассрочка не допускается.
Приложения 3 абонемента
высылаются с первыми №№
„Вестника Знания“ 1929 г.

КАЖДЫЙ подписавшийся на ж. „Вестник Знания“, может составить свой абонемент, избрав из объявленных приложений на 1929 г. те, которые он пожелает, за доплату к ж. „Вестник Знания“, или добавить к одному из абонем., за доплату. „Классики Мировой Науки“ за 4 р., „История Искусств“ за 4 р., „Природа и Люди“ за 4 р., „Жизнь Животных“ за 4 р., „Вселенная и Человечество“ в перепл. за 5 р. и „Народы Мира“ в перепл. за 5 р. Приложения без журнала не высылаются. Несколько одинаковых приложений при одном экземпляре журнала „Вестник Знания“ не высылаются. Допускается рассрочка: при подписке половина стоимости выписанных приложений и к 15 июня остальная сумма. На издания „Вселенная и Человечество“ и „Народы Мира“ рассрочка не допускается. Означенные издания высылаются при первых №№ журнала ценной посылкой.

Подписные деньги адресовать: Главная Контора журнала „Вестник Знания“ — Ленинград, 25, Стремянная, 8, Изд-во «П. П. СОЙКИН».

ДЛЯ ПАМЯТИ — ВЫРЕЖЬТЕ ЭТО ОБЪЯВЛЕНИЕ.